

**О. М. БОДЯНСКИЙ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**(К 200-летию со дня
рождения ученого)**

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

О. М. БОДЯНСКИЙ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

(К 200-летию со дня
рождения ученого)

Сборник статей

Москва
2009

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *К. В. Никифоров*

Члены редколлегии:

М. Ю. Досталь (зам. отв. редактора),
М. Ю. Дронов, Л. П. Лаптева, П. Н. Рудяков

Рецензенты:

доктор исторических наук *С. И. Михальченко*,
доктор исторических наук *М. А. Робинсон*

О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 240 с.

В сборнике помещены материалы международной научной конференции, проведенной в Институте славяноведения в ноябре 2008 г. В нем приняли участие специалисты из России (Москва, С.-Петербург, Тверь, Йошкар-Ола), Украины (Киев, Ужгород), Словении. В сборнике отражены актуальные вопросы истории славяноведения и роли первых университетских славистов и, прежде всего, О. М. Бодянского в его становлении. Анализируются педагогическая деятельность ученого, различные аспекты его научного наследия, связи со славянским миром, учениками и коллегами, сообщается о новых находках касательно его уникальной славянской библиотеки и пр. В приложении приводится отрывок из неопубликованного курса О. М. Бодянского по истории Сербии.

Предисловие

Настоящий сборник статей составлен по материалам одноименной конференции, состоявшейся в Институте славяноведения РАН в ноябре 2008 г.

Сборник посвящен важной и актуальной в научном отношении теме – становления славяноведения в России в первой половине XIX в. в лице одного из основоположников этой дисциплины, профессора Московского университета О. М. Бодянского.

Проблемы истории науки не так уж часто становятся предметом коллективного исследования. Последним таким удачным опытом был сборник «Славяноведение в России в XIX–XXI веках» (М., 2007), посвященный юбилею профессора МГУ Л. П. Лаптевой. Отрадно отметить, что в представленном сборнике приняли участие специалисты из разных городов России (Москва, С.-Петербург, Тверь, Йошкар-Ола) и Украины (Киев, Ужгород), преподаватели университетов, сотрудники академических институтов и библиотек.

Статьи в сборнике расположены по тематическим блокам, дополняя друг друга и способствуя, на наш взгляд, более наглядному представлению различных аспектов деятельности Бодянского.

Блок общих проблем открывает статья профессора Л. П. Лаптевой «Значение О. М. Бодянского в развитии русского славяноведения», в которой обобщен опыт изучения творческого наследия ученого за последнее время. В ней в сопоставлении с яркой популярностью профессора Московского университета Т. Н. Грановского критически осмыслен труд скромного труженика науки О. М. Бодянского, вклад которого в становление славяноведения в России не стал от этого меньше и имел свои достоинства. В статье М. Ю. Досталь разбираются проблемы методологии романтизма, на которой базировались труды первых университетских славистов. Г. К. Венедиктов и В. П. Гудков осветили в своей статье некоторые нереализованные замыслы О. М. Бодянского в отношении учебных пособий.

В блоке, посвященном взаимоотношениям О. М. Бодянского с коллегами и учениками, рассматриваются его контакты и интерпретация творчества Н. А. Поповым (статья И. Г. Воробьевой), А. А. Майковым (статья О. Н. Хохловой), П. А. Лавровским (статья Е. А. Макаровой), а также А. А. Кочубинским (статья Л. В. Юрченковой). Примечательно, что в статье О. В. Саприкиной в сопоставительном плане осмысливаются проблемы славянофильства и панславизма времен О. М. Бодянского и В. И. Ламанского.

В следующем блоке анализируются связи Бодянского со славянским миром. В этом отношении представляют интерес статьи Л. Н. Алексашкиной (общие проблемы), Г. В. Рокиной (связи со словаками), С. А. Гануса (связи с галичанином-москвофилом Д. И. Зубрицким).

Ряд статей сборника посвящен историографическим проблемам, а именно: анализу научного творчества (опубликованных работ и хранящихся в архивах курсов) ученого с позиций современной науки. П. Н. Рудяков рассмотрел неизвестные курсы ученого по истории южных славян, по истории их языков и литератур. Л. М. Аржакова проанализировала его курсы по истории Польши. Н. А. Бондаренко осветила представления О. М. Бодянского и его коллег о малорусском фольклоре.

В статьях Л. Ю. Аристовой и Н. М. Пашасвой освещаются новые находки авторов в отношении определения состава знаменитой славянской библиотеки О. М. Бодянского, части которой хранятся в Научной библиотеке МГУ, РГБ и ГПИБ. К статье Аристовой приложен перечень книг личного собрания ученого, обнаруженных в РГБ.

Завершает сборник статья М. М. Фроловой «О. М. Бодянский и ОИДР (1842–1857)», в которой приводятся новые данные по «делу Д. Флетчера» и деятельности Общества под руководством А. Л. Черткова после вынужденного ухода из него О. М. Бодянского.

В Приложении к сборнику помещен фрагмент курса Бодянского «История сербов в XIX столетии», касающийся структуры его чтений, прокомментированный М. Ю. Досталь. Текст курса хранится в фонде ученого в Отделе рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Упомянув об этом, мы сохраняем в примечаниях привычную для исследователей аббревиатуру архива – ОРИЛ.

Большинство статей сборника основано на новой литературе и архивных источниках, они по-новому и критически освещают вклад О. М. Бодянского в развитие отечественного славяноведения и потому, несомненно, представляют значительный интерес для специалистов и всех, кому небезынтересны судьбы отечественной науки.

Редколлегия

Л. П. Лаптева (Москва)

Значение О. М. Бодянского в развитии русского славяноведения. К 200-летию со дня рождения ученого

Зарождение русского славяноведения как науки о зарубежных славянах относится ко второй четверти XIX в., и у истоков этого процесса стоял Осип Максимович Бодянский (1808–1877), первый в Российской империи магистр славянской филологии, многолетний профессор Московского университета, секретарь Общества истории и древностей российских (ОИДР) и редактор его «Чтений» (ЧОИДР) – первого научного специализированного издания в России, автор многих ценнейших работ.

Литература о Бодянском достаточно обширна. Еще в XIX в. о нем написано много статей, воспоминаний, некрологов, справок в энциклопедиях и словарях. Имеются публикации его корреспонденции с русскими и зарубежными славянскими учеными, части его дневника. В советское время о Бодянском также напечатано несколько работ, существуют неопубликованные диссертации и дипломные сочинения. Вся эта литература, отражающая жизненный и творческий путь ученого с разной степенью подробности и достоверности, показывает, что О. М. Бодянский выполнил роль первопроходца русского славяноведения, и его творчество повлияло на развитие науки о славянах не только в Московском университете, где он в течение четверти века был профессором, но и в масштабах Российской империи в целом. Несмотря на сравнительно богатую литературную продукцию, из которой заинтересованный читатель может получить сведения о замечательном ученом-слависте, еще не все стороны его деятельности получили надежное освещение и объективную оценку. Кроме общих причин, объясняющих недостаточную научную разработку истории отечественного славяноведения, изучение творчества О. М. Бодянского затрудняется тем, что его личный архив хранится не в центрах отечественного славяноведения, не в Московском университете, не в архиве г. Москвы, а в г. Киеве. Неудобное для исследователя хранение архива Бодянского безусловно тормозит изучение творчества московского профессора.

Однако за последние 25 лет в литературе о Бодянском появилось немало нового. Прежде всего, была опубликована монография о славяноведении в Московском университете¹, где освещение деятельности Бодянского зани-

мает одно из центральных мест. Значение деятельности ученого профессора в ходе развития славяноведения в целом в России XIX в. оценивается в монографии «История славяноведения в России в XIX веке», вышедшей в 2005 г.² Издан каталог книг славянской учебной библиотеки О. М. Бодянского³, хранящейся в научной библиотеке МГУ. Вышел в свет «Дневник» О. М. Бодянского за 1852–1857 гг.⁴ Опубликован также ряд более мелких изданий – статей и текстов писем⁵.

Вместе с тем в последнюю четверть века несколько изменилась и оценка О. М. Бодянского. Украинские националисты объявили его украинским ученым. Причиной этого, на мой взгляд, является чувство неполноценности, присущее определенной части украинской интеллигенции, и недостаточно развитое историческое мышление. Поводом же объявляется то обстоятельство, что О. М. Бодянский по происхождению, как он сам выражался, «малоросс».

Он родился в Полтавской губернии, в семье местного священника, окончил Полтавскую духовную семинарию, и хотя с 1831 г. до конца своей жизни жил и действовал во славу Московского университета и Российской империи, он помнил о своем происхождении и не упускал случая встречаться с земляками. Приезжавшие в Москву украинцы часто обращались к нему за советами. С крупными украинскими писателями и учеными он состоял в переписке и в непосредственном общении. Еще будучи студентом, Бодянский познакомился с Н. В. Гоголем. Научные и личные интересы связывали ученого с известным филологом, историком Украины, фольклористом и этнографом М. А. Максимовичем. Все трое питали друг к другу симпатию и обыкновенно встречались в доме Аксаковых, на «варениках». Как записал в своем дневнике Бодянский, «под варениками разумеется обед у С. Т. Аксакова по воскресеньям, где непременно блюдом всегда были вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час-другой – песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второю дочерью хозяина Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по «Голосам малороссийских песен», изданным Максимовичем, и кое-каким другим сборникам... принесенным мною»⁶.

В начале своей научной деятельности О. М. Бодянский занимался изучением украинского языка и литературы. На страницах ЧОИДР он опубликовал массу украинских исторических памятников, относящихся к истории XVIII–XIX вв., чем и воспользовались некоторые историки XIX в.

Приведенные факты интереса О. М. Бодянского к украинским сюжетам не дают никакого основания относить ученого к украинским национальным деятелям. Московский профессор относился к числу славистов, исповедовав-

ших теорию славянской взаимности, предусматривающей активное изучение языка, литературы, духовной культуры всех славянских народов, отыскание общих черт, присущих всему «славянскому племени», взаимные контакты и активную помощь в деле духовного возрождения славянства. О реализации этих принципов говорит, например, воспитание Бодянским в Московском университете болгарских студентов, его важная роль в процессе болгарского национального возрождения⁷. В духе славянской взаимности строились отношения московского профессора и с чехами, словаками, сербами, хорватами и всеми остальными славянами, включая и самые малые народы типа лужицких сербов. Теория славянской взаимности в первой половине XIX в. разделялась практически всеми профессиональными славистами. В этом же духе воспитывалось молодое поколение. О. М. Бодянский не может принадлежать к украинской культуре и по другой причине. Он жил в многонациональной Российской империи. В такого рода государственных объединениях в течение столетий их существования формируется наднациональная культура. Ее основой является государственный язык, как правило, господствующей нации, и господствующая государственная идеология. О. М. Бодянский писал на русском языке, на этом же языке вел преподавание, был служащим русского государства и полностью признавал существующий в этом государстве режим, т. е. он был русским ученым украинского происхождения, как В. Ягич – австрийским ученым хорватского происхождения или директор Королевской библиотеки в Вене Е. Копитар, писавший в основном на немецком языке – австрийским славистом словенского происхождения.

В деятельности О. М. Бодянского условно можно выделить несколько направлений, разработка которых способствовала становлению и развитию молодой тогда науки о славянах. При этом следует заметить, что в большинстве этих направлений он был инициатором процесса.

Важнейшей заслугой ученого была его профессорская деятельность, которую он начал в 1842 г., по возвращении из продолжительной заграничной командировки, заняв кафедру литературы и истории славянских наречий в Московском университете. Преподавательская работа О. М. Бодянского продолжалась до 1868 г. За прошедшие десятилетия профессор обучал студентов славянским языкам, знакомил с древностями славянскими, славянскими литературами, этнографией и историей славянских народов в рамках, очерченных предписанием Министерства народного просвещения Российской империи. Последнее гласило, что «русское славянство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию». Бодянский понимал славяноведение комплексно: с одной стороны он видел нераз-

рывную связь между историей и филологией, а с другой – общность между русским и общеславянским развитием. При этом на первый план выступал филологический аспект. Такой подход к славяноведению был распространенным.

Лекционных курсов Бодянского сохранилось довольно много, но ни один из них не издавался в то время. Так, в его архиве сохранились объемные рукописные фолианты по истории Польши, Чехии, Сербии, Болгарии и др. славян в основном за древний и средневековый период. В литературе имеется подробное описание того, какие лекции читал Бодянский, какие задания давал студентам, и какова была методика преподавания им славистического материала⁸. Представляется небезыңтересным проследить вопрос о том, в какой мере преподавание славяноведения Бодянским отвечало современному ему уровню науки о славянах.

Деятельность О. М. Бодянского проходила в Московском университете в то самое время, когда наиболее известным и любимым профессором был Т. Н. Грановский (1813–1855). Окончив Петербургский университет, он, как и Бодянский, совершенствовал свое образование за границей по предмету всеобщей истории, обучаясь главным образом в Германии. В России Т. Н. Грановский считается основателем всеобщей истории, хотя его научные труды в этой области чрезвычайно скромны. Кроме двух диссертаций он «обогадил науку» несколькими статьями, число которых не достигает и десятка. Но Т. Н. Грановский, как известно, был великолепным лектором. На фоне рутинного, скучного в пономарской манере чтения, характерного для многих профессоров Московского университета в первой половине XIX в., Т. Н. Грановский выделялся талантливим изложением, интересным содержанием лекций, большими знаниями предмета. Профессор пользовался невероятной популярностью у студенчества и не только. Блестящий дар профессора, его художественное изложение, его обаятельная личность производили глубокое впечатление на слушателей. Светские дамы толпами стекались в университетскую аудиторию, – вспоминает современник. Кроме того, Грановский обладал красивой внешностью. Как известно, это качество очень много помогает человеку в жизни. «Высокий, стройный, с приятными и выразительными чертами, осененными великолепным лбом, с выглядывающими из-под густых бровей большими темными глазами, полными ума, мягкости и огня, с черными кудрями, падающими до плеч». Красоту Грановского отмечают многие писавшие о нем авторы. «Грановский имел малороссийскую южную физиономию, смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные глубоко смотрящие глаза. Он мне понравился своей благородной задумчивой наружностью, своими печальными глазами с насупившимися бровями и грустно-добродушной

улыбкой; он носил тогда длинные волосы и какого-то особого покроя синее берлинское пальто с бархатными отворотами и суконными застежками», — писал А. И. Герцен. В общем, в облике Грановского выделась романтическая тоска и «мировая скорбь» печальных глаз. Кроме того, он был западником. С этим направлением связывалась борьба против серой действительности, за высокие идеалы. И общество создало из него романтического героя. Ведь студенческая аудитория была очень молодой по возрасту: в университет тогда поступали юноши 13–15 лет с юношеским идеализмом и максимализмом. Образ идеального романтического героя утвердился о нем и в литературе: в XIX в. о нем писали те, кто слушал лекции Грановского или другие его современники. В советское время в нашей историографии идеализация этой личности продолжалась в значительной мере ввиду того, что о нем с восторгом отзывались А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. В общем, о Т. Н. Грановском современники, а за ними и потомки создали миф человека прогрессивных взглядов, борца против рутины, возглавлявшего оппозицию против «подлого и гнусного» университетского начальства, идеального ученого⁹.

В действительности либеральные взгляды Грановского не выходили за рамки дозволенного. В публичных лекциях, которые молодежь превращала в своеобразное шоу с неумолчными рукоплесканиями и восторженными криками «Браво!», профессор не упускал случая поблагодарить власть предрежащих за покровительство и заботу о просвещении и науках. Так, произнесенную на собрании Московского университета 12 января 1852 г. речь на тему «О современном состоянии и значении всеобщей истории» Т. Н. Грановский закончил словами: «Наука есть прихотливое растение. Она зреет не на всякой почве и требует тщательного ухода за собою. Условия успешного роста даны ей у нас Державным Покровителем русского просвещения. Нужно ли вычислять памятные всем нам великие дела, совершенные на этом поприще в правление императора Николая? Но русский профессор не может не упомянуть с благоговейной признательностью о царственном участии в судьбах его науки, столь величаво выраженном в милостях, оказанных творцу “Истории государства Российского” и в дарованных русскому народу памятниках его прошедшей жизни»¹⁰.

В приведенных высказываниях трудно обнаружить особое свободомыслие или либерализм. В таком духе выражался любой законопослушный и преданный режиму профессор, и Грановский не был исключением. Едва ли в Императорском Российском университете мог бы преподавать человек иных убеждений. Возможно, в другой обстановке, в дружеской беседе, в литературных салонах или за карточной игрой, большим любителем которой, по

сведению современников, он был, Т. Н. Грановский и высказывался либерально, но в его письменном наследии такого греха не встречается. Что касается научного содержания лекций профессора, то поклонники его отмечают в основном их блестящую, артистическую внешнюю сторону, однако есть и отзывы о сущности материала. Так, В. В. Григорьев писал: «Многие считают Грановского ученым... По-моему, обширная начитанность не дает еще право на звание ученого». Ученый должен не только много знать, но знать критически, перерабатывать приобретенный материал и передавать его другим, в своеобразной форме, обогащенный или очищенный собственным его мышлением. «Грановский же, и в лекциях и в немногих сочинениях своих является передатчиком усвоенного им материала, не судьей дела, а докладчиком фактов и выработанных другими воззрений на них. Я не нахожу в нем самостоятельности, тем менее оригинальности мысли. Он думал только о том, о чем случилось прежде думать другим, и думал о каждом предмете так, как думали те из его современников, которых он считал умнейшими»¹¹. И далее он продолжает: «Не заходил он ни в какую неразработанную до него область истории, никакого загадочного явления ее не облил светом своей мысли, не проложил никакой новой тропы, не открыл никакого нового приема в облегчение последующим изыскателям. Во всем им деланном ему собственно принадлежала только артистическая отделка вычитанного, художественная передача чужого, ничего при том ему не стоившая, потому что, по условиям его природы, все, исходившее из его духа, не могло исходить иначе, как в прекрасных формах». Таким образом, Григорьев характеризовал Грановского лишь как популяризатора истории.

Признавая справедливость мнения В. В. Григорьева, необходимо иметь в виду ряд обстоятельств. Всеобщая история как предмет преподавания и научная дисциплина в середине XIX в. только что зарождалась в России, и Т. Н. Грановский был родоначальником этого процесса. Представляется, что каждое начинание требует соответствующей методики реализации. Эмоциональное, художественное изложение материала лекций Грановского, на наш взгляд, являлось оптимальным вариантом для возбуждения интереса к предмету, если иметь в виду аудиторию, к которой обращался профессор. Эта аудитория не была подготовлена к восприятию сложных исторических теорий ни по возрасту, ни по образованию, полученному в средних учебных заведениях России или в результате домашнего воспитания. Эмоциональное преподнесение материала вообще является серьезным стимулом для профессионального занятия историей. Не случайно Грановского высоко ценил В. И. Герье – первый русский специалист по всеобщей истории, организовавший ее изучение на научной основе.

О. М. Бодянский был профессором иного типа. В его личности, манере поведения, мировоззрении и культуре было много архаических черт. Будучи по происхождению из разночинцев, он не мог получить блестящего образования до университета, и своим успехом обязан способностям, исключительному трудолюбию и постоянному самообразованию. Его пребывание за границей завершило цикл подготовки по славяноведению. Он знал все славянские языки, но, не имея соответствующей школы, на всех говорил «дурно». Если Т. Н. Грановский для составления своих лекций имел в распоряжении сочинения блестящей немецкой школы всеобщей истории – труды Б. Г. Нибура, Л. Ранке и его школы, заимствовал их фактический материал, философскую основу и оценку, то многие стороны науки о славянах были исследованы слабо или вообще не изучены. О. М. Бодянскому нужно было самому изучать памятники письменности для преподавания славянских языков, исторические документы для лекций по славянской истории, памятники фольклора, этнографии и т. п. для славянских древностей. В отличие от предшествующего периода, когда в Московском университете практиковалось чтение лекций «по трудам», или даже по одному труду какого-либо иностранного ученого, Бодянский читал «по собственным запискам». Это означает, что первый московский славист самостоятельно обрабатывал данные современной ему науки о славянах. Известно, что славянские древности Бодянский читал по трудам П. Й. Шафарика, но будучи большим знатоком по ряду вопросов славистики, Бодянский в свою очередь снабжал Шафарика материалами, ставшими основой для определенных разделов сочинений чешского ученого. По ряду вопросов московский профессор расходился во мнениях с Шафариком, высказывал собственные соображения, вносил дополнения и т. д. Лекции по истории славян были в значительной мере компилятивными, в них преобладало простое изложение фактов, самостоятельные части основаны на предвзятом понимании исторических источников.

В отличие от блестящего Т. Н. Грановского, О. М. Бодянский не имел большой аудитории слушателей. Ему не все удавалось и в методическом отношении. По мнению М. П. Погодина, Бодянский не умел выделять главное при преподавании. Учившийся у него А. А. Котляревский отмечал, что профессор не давал систематических знаний. А известный русский фольклорист А. Н. Афанасьев писал о Бодянском: «Филолог он весьма недорогой, с позднейшими научными приемами вовсе не знаком, и лекции его никогда не отличались большими достоинствами. Славянские наречия он, конечно, знает, но знания эти не ведут ни к чему. Сам же он говорит таким странным и неправильным языком, что в нем как будто слышишь отголоски всех славянских наречий,

слившихся воедино ради вавилонского смешения»¹². Понятно, что при таком способе преподавания слушателей у него было мало.

Негативно характеризуется Бодянский и известным славистом И. В. Ягичем. Из его качеств он отмечает плохое произношение слов различных славянских языков, неудовлетворительность переводов с чешского, ошибки в суждениях о памятниках письменности. И. В. Ягич рисует внешность Бодянского, который «двигался по дороге как русский медведь», хромал, и один глаз у него был испорчен, а его целая фигура вместе с несколькими странными манерами производила впечатление чудака, и сам он был упрям и проч.¹³

Какой контраст по сравнению с красавцем и говоруном Т. Н. Грановским, устраивавшим из своих лекций занимательные театральные представления московской публике! Заметим, однако, что Бодянский был большим знатоком славянских материалов, вообще отличался глубоким знанием предмета. Сведения, которые он сообщал, видимо, были достаточны, чтобы заинтересовать молодое поколение и стимулировать его работу по славяноведению¹⁴. За четверть века преподавательской деятельности в Московском университете Бодянский создал школу славистов. К его школе можно отнести Е. П. Новикова, А. С. Клеванова, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Майкова – старшее поколение, А. А. Кочубинского, А. А. Котляревского, А. Л. Дювернуа – младшее поколение. Примыкают к ним М. С. Дринов, П. А. Бессонов и другие ученые. Все перечисленные лица не только проходили курс славяноведения у О. М. Бодянского, но стали профессиональными славистами и внесли определенный вклад в славянскую науку своими трудами¹⁵.

Собственная научная работа О. М. Бодянского не отмечена большим числом крупных исследований. Как один из зачинателей изучения славянства, он должен был выполнить много черновой работы: разыскивать источники, готовить их к публикации, писать мелкие заметки, справки и аннотации, т. е. готовить базу для будущих исследователей, создавать атмосферу, которая побуждала бы к изучению славянства. Такую работу он выполнял на посту редактора «Чтений» ОИДР. Собственные крупные работы представлены магистерской диссертацией «О народной поэзии славянских племен» (1837), которая являлась первым в России опытом научного подхода к славянской поэзии и была для русской литературы совершенно новой, и докторской диссертацией «О времени происхождения славянских письмен», вышедшей из печати в 1855 г. Последняя работа представляла собой фундаментальное исследование, имела большой научный интерес и отличалась актуальностью.

В рецензиях на нее отмечалось, что она представляет образец истинно ученого исследования предмета по всем доступным автору рукописям, и пос-

ле сочинения Калайдовича «Иоанн Экзарх Болгарский» лучшее из всех донныне изданных сочинений по истории славянской литературы¹⁶. В более поздних оценках отмечалось значение книги как свода историко-литературных и палеографических исследований по древнеславянской литературе. «С этой точки зрения «Исследования о времени происхождения славянских письмен» – настольная книга у всех, кто предается занятиям старославянской письменностью», – писал А. А. Котляревский¹⁷. Некоторые вопросы, поставленные в книге Бодянского, дискутировались в течение более сотни лет и после его смерти. Бодянский считал мнение об изобретении Кириллом глаголицы не состоятельным. Современная наука доказала, что Кирилл изобрел именно глаголицу.

Вся остальная – кроме диссертаций – научная работа Бодянского связана с его деятельностью в ОИДР, куда он был принят в 1837 г., а в 1845 г. избран секретарем и редактором «Чтений» Общества. «Чтения» под его редакторством становятся периодическим академическим изданием, в котором публикуются и собственные исследования Бодянского, и подготовленные им к изучению памятники славянской письменности с его же введениями и примечаниями, переводы сочинений славянских ученых и т. д. В «Чтениях» печатались и очень обширные исследования, занимавшие иногда целый выпуск (книгу) и даже еще большего объема¹⁸.

Деятельность Бодянского в ОИДР в качестве секретаря и редактора «Чтений» имела большое значение для развития славяноведения не только в Московском университете, но и в России вообще. Молодая наука о славянах именно в «Чтениях» обрела тот орган, который был необходим для ее становления и роста. С 1850-х годов среди авторов «Чтений» начинают преобладать русские ученые, а к концу деятельности Бодянского в них публиковались труды уже целого поколения отечественных славистов. Издание Бодянским многочисленных славянских памятников и других источников по славянской истории и письменности создавало базу для дальнейших самостоятельных исследований, хотя научный уровень публикаций не всякий раз отвечал современным ему требованиям.

Таким образом, пока «прогрессивный» проф. Т. Н. Грановский за ломберным столом или за бокалом хорошего французского вина вел занимательные беседы о «свободе, равенстве и братстве», консервативный и невзрачный проф. О. М. Бодянский корпел над рукописями, создавая источниковую базу для молодой русской науки о славянах. Самоотверженная и многолетняя деятельность О. М. Бодянского способствовала тому, что Московский университет на этом этапе развития славяноведения в России являлся главным его центром.

«Чтения» были весьма популярны в научных кругах, как в России, так и за рубежом. П. И. Шафарик писал Бодянскому: «Посылайте мне Ваши «Чтения» безотлагательно – это очень важно. Ведь это – большая сокровищница для славянства»¹⁹. А. Н. Пыпин также замечает, что «издание ЧОИДР составляет величайшую заслугу Бодянского. Равно известное в нашем и славянском мире, оно представляет богатый склад исторических сведений. Бодянский умел издавна указывать новые и редкие материалы, появление которых давало новую пищу и новые направления исследования, или знакомить русскую ученую публику с историческими трудами других славянских литератур»²⁰.

Преподаванию славяноведения и развитию этой науки способствовали связи Бодянского с зарубежными славянскими учеными.

Зародившись в период пятилетнего путешествия Бодянского, эти контакты не прекращались до конца его деятельности. Первое место в связях Бодянского с зарубежными славистами занимали чехи, а среди них П. Й. Шафарик. О. М. Бодянский переводил на русский язык и публиковал в ЧОИДР сочинения Шафарика. В обширных письмах русский ученый посылал чешскому сведения о главнейших языках России, т. е. о языке великороссийском, малорусском и белорусском, пространстве земель, охватываемом каждым из них, отличительных свойствах, их наречиях и т.д.²¹ Шафарик эти сведения включал в свои сочинения. Когда Шафарик работал над «Славянским народописанием», Бодянский как раз находился в Праге и помогал чешскому ученому советами. По выходе книги в свет Бодянский первым указал на допущенные в ней серьезные ошибки²². Шафарик принял эти замечания и внес исправления во второе издание книги. Таким образом, контакты Бодянского с Шафариком, их сотрудничество и взаимное общение служили развитию науки о славянах. Бодянский широко использовал оба главных труда Шафарика в своей педагогической деятельности.

Бодянский поддерживал связи и с другими чешскими учеными. Важнейшую сторону его контактов с В. Ганкой составлял обмен литературой, преимущественно научной. Книгами и научной информацией Бодянский обменивался также с Й. Юнгманом, Ф. Л. Челаковским, К. Я. Эрбеном. После смерти представителей периода чешского возрождения О. М. Бодянский имел контакты со следующим поколением, например, с сотрудником библиотеки Национального музея в Праге А. Патерой, с которым активно обменивался научной литературой²³.

С представителями других славянских народов О. М. Бодянский также имел интенсивные связи. Его преподавательская деятельность в области серболоужицкого языка и литературы основывалась на информации деятелей сербо-

лужицкого национального пробуждения, прежде всего Я. А. Смолера. С 1842 по 1844 г. Смолер регулярно извещал московского профессора о выходе в свет выпусков сборника серболужицких песен²⁴. Получив этот сборник, Бодянский стал широко использовать его в преподавании, о чем свидетельствует большое число студенческих работ с разбором серболужицких песен, хранящихся в архиве Бодянского в Киеве. Особенно ценными для Бодянского были сведения Смолера о преподавательской деятельности Ф. Л. Челаковского во Вроцлаве. Русский профессор получал от серболужицкого друга не только данные о новой литературе славян, но и информацию о преподавании славяноведения за рубежом²⁵. Это обеспечивало Бодянскому дополнительную осведомленность в его предмете и, следовательно, содействовало успешной подготовке кадров в Московском университете и развитию науки о славянах.

О. М. Бодянский находился также в научных связях с деятелями национального движения Галиции, со словаками Я. Колларом и Л. Штуром²⁶ и другими западными славянами. Из южных он особенно ценил Вука Караджича и Станко Врза, с которыми переписывался²⁷. В качестве секретаря ОИДР Бодянский организовал обмен литературой между Обществом и славянскими научными и просветительскими организациями: Чешским Национальным музеем, Югославским Обществом истории и древностей в Загребе, Обществом сербской словесности в Белграде, Королевским научным обществом в Кракове, Обществом наук в Гёрлице и верхнелужицкой Сербской Матицей в Будишине²⁸.

Результатом интенсивных связей О. М. Бодянского со славянскими учеными было также создание богатейшей библиотеки славянской литературы. Одну библиотеку он привез из-за границы и за определенное денежное вознаграждение передал ее Московскому университету. Это – Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского, насчитывающая около 2-х тысяч книг, сохранилась до сих пор в научной библиотеке Московского университета²⁹. Личная библиотека после смерти ученого была рассеяна³⁰.

Изложенный материал, на наш взгляд, дает основание сделать ряд выводов. Прежде всего сравнение деятельности Т. Н. Грановского и О. М. Бодянского свидетельствует о том, что процесс развития исторической науки не есть удел отдельных прогрессивных личностей-историков, а результат совокупных действий всех причастных к историческому ремеслу. Далеко не всегда лица, исповедующие и пропагандирующие прогрессивные для своего времени идеи, вносят большой вклад в исследование прошлого человечества, т. е. того дела, которым занимается историческая наука. Со временем прогрессивные идеи утрачивают свою актуальность, а потомкам остается результат труда

фанатичных разыскателей и собирателей источников, скрупулезных исследователей и накопителей фактов. Это и создает материальную базу нашей науки, которая, в свою очередь, является основой идей, соответствующих новому времени.

Однако было бы большой ошибкой недооценивать Т. Н. Грановского. Эмоциональное, логичное изложение исторического материала, пусть полученного не в результате собственного исследования, а заимствованное из трудов других ученых, способствует более сознательному усвоению его слушателями, возбуждает их интерес к предмету и создает стимул для научных занятий историей. Кроме того, Т. Н. Грановский составлял свои лекции на основе достижений передовой тогда европейской науки (преимущественно немецкой), говорил о новых методах исследования и, таким образом, влиял на формирование мировоззрения слушателей.

О. М. Бодянский и был одним из таких создателей материальной базы славяноведения. Его деятельность отвечала уровню эпохи. Он поставил преподавание славистических дисциплин на научную основу, внес вклад в славяноведение собственными трудами, создал школу славистов, которые, каждый по-своему, продолжали изучение различных аспектов бытия славянских народов. Он является одним из основателей науки о славянах в целом.

Примечания

¹ Лантева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997.

² Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

³ Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского: Каталог / Сост. Л. Ю. Аристова. М., 2000.

⁴ Бодянский О. М. Дневник. 1852–1857. М., 2006.

⁵ Напр.: Лантева Л. П. Неопубликованная переписка О. М. Бодянского с чешскими учеными // Переписка слависта как исторический источник. Тверь, 1995. С. 4–29.

⁶ Русская старина. Ноябрь 1888. С. 402.

⁷ См. об этом: Минкова Л. Болгарские ученики профессора О. М. Бодянского на филологическом факультете Московского университета // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т. 2. С. 194–197; Она же. Осип Максимович Бодянский и Българското възраждане. София, 1978. 199 с.

⁸ См. об этом, например: *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 51–66 и др.

⁹ Литература о Грановском весьма значительна. Укажем книгу: *Левандовский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989; *Он же.* Время Грановского. М., 1990.

¹⁰ Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. М., 2006. С. 161.

¹¹ *Григорьев В. В.* Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. М., 1856. Кн. III. С. 56–57.

¹² Московский университет в воспоминаниях А. Н. Афанасьева // Русская старина. 1886, № 7–8. С. 390.

¹³ *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 312–319.

¹⁴ О педагогической деятельности Бодянского см. также: *Алексашкина Л. Н.* О. М. Бодянский – первый славист Московского университета. // Вестник Московского университета. Серия 8 История. М., 1973. № 5. С. 40–51.

¹⁵ Список печатных трудов О. М. Бодянского см.: *Кондрашов Н. А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 53–87.

¹⁶ ОРИЛ. Ф. 99. Д. 39. Л. 113–114. – Разбор сочинения проф. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен», составленный испр. должность экстраординарного профессора Ф. Буслаевым и представленный в заседание историко-филологического факультета 22 апреля 1855 г.

¹⁷ *Котляревский А.* Осип Максимович Бодянский // Славянский ежегодник. Киев, 1878. С. 351.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 67–79 и др.; *Ишутин В. В.* Славянская проблематика в научных заседаниях ОИДР при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 97–115.

¹⁹ Письмо П. Й. Шафарика О. М. Бодянскому из Праги 31 октября 1847 г. // *Korespondence Pavla Josefa Šafařika. Vydal V.A. Francev. 1. Vzájemné dopisy Šafařika s ruskými učenci (1825–1861). Část 1. Praha, 1927. S. 124.*

²⁰ Вестник Европы. 1877. № 10. С. 902.

²¹ Письмо О. М. Бодянского П. Й. Шафарику 26 апреля 1836 г. // *Korespondence Pavla Josefa Šafařika... Část 1. S. 12–19.*

²² Письмо О. М. Бодянского П. Й. Шафарику 9 апреля 1842 г. из Фрейвальду // *Korespondence Pavla Josefa Šafařika... Část 1. S. 52–58.*

²³ См. об этом: *Лантева Л. П.* Неопубликованная переписка О. М. Бодянского с чешскими учеными // Переписка славистов как исторический источник. Сборник научных статей. Тверь, 1995. С. 4–29.

²⁴ *Haupt L., Smoler J. A.* Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlausitz // *Pjesnički hornych a delnych Lužiskich Serbov*. D. 1–2. Grimma, 1841–1843.

²⁵ См. об этом: *Лантева Л. П.* Профессор Московского университета О. М. Бодянский и его связи с лужицкими сербами // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1983. № 6. С. 30–39.

²⁶ См.: *Matula V. Listy L. Štúra O. Vod'anskému* // *Historický časopis*. 1990. R. 38. № 4. S. 565–573.

²⁷ *Бодянский О.* Письма к Станко Вразу в Загреб // Живая старина. Год 5. (1894). Вып. I. Отд. I.

²⁸ Сведения об этих связях содержатся в протоколах заседания ОИДР, опубликованных в «Чтениях» за 1848 и 1857–1861 гг.

²⁹ Об этом см.: Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского: Каталог / Сост. Л. Ю. Аристова. М., 2000.

³⁰ *Пашаева Н. М.* Славянская библиотека О. М. Бодянского // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 94–103.

М. Ю. Досталь (Москва)

О. М. Бодянский и первые университетские слависты: проблемы методологии романтизма

Когда мы говорим о первых университетских славистах и началах профессионального славяноведения в России, неизбежно встает вопрос о методологической основе их научных трудов. Общеизвестно, что они базировались на идеях европейского романтизма. Более всего в изучении этого феномена продвинулись литературоведы. Но и для историков здесь открываются безграничные горизонты.

Романтизм – чрезвычайно сложное и многоликое явление в культуре и науке европейских народов в первой половине XIX в.: это и идейное течение, и методологическое направление, и художественный стиль¹.

Романтизм как методологическое направление в русском славяноведении утвердился в 30-е годы XIX в. Приблизительно до конца 50-х гг. и даже далее это направление играло определяющую роль в развитии славистических исследований². Для методологии сторонников романтизма характерны три основных принципа: диалектический *принцип развития*, признающий его источником противоборство национальных, национально-религиозных, политических, социальных, политических «миров» или «стихий», *принцип универсализма*, определяющий поиск закономерностей в развитии человеческого общества с тенденцией к концепционности и синкретизму мышления, и, наконец, *принцип народности*, завершающий систему названных постулатов и определяющий как задачи научных исследований, так и «высшие цели» прогресса человеческого общества³.

Указанные принципы, выделенные специалистами на основе анализа, главным образом, художественных и философских произведений, являлись характерными и для русской романтической историографии, которая сформировалась уже в 1820-е гг. и была идейно связана с национальным подъемом русского общества периода Отечественной войны 1812 г. и антинаполеоновских войн. Многие идеи зарубежных мыслителей перерабатывались в связи с задачами идейной и общественно-политической борьбы в России. Из немецкой философии (Гердер, Гегель, Шеллинг) была воспринята идея смены «ведущих» этносов во всемирной истории и их национальной миссии; фран-

цузские историки (Тьерри, Гизо) «подарили» русским романтикам идею борьбы миров, стихий, классов; европейские слависты (Шафарик, Палацкий, Мацеёвский, Коллар) – убеждение, что именно славяне имеют важную цивилизационную миссию в современном мире и могут утвердиться в нем в борьбе или противостоянии с противостоящими этнонациональными или этноконфессиональными «мирами». Идеи романтизма состояли на вооружении в арсенале декабристов⁴, проявлялись в философии «любомудров», концепциях русских историков М. П. Погодина⁵, Н. А. Полевого⁶, Н. И. Надеждина⁷.

Исторические исследования о славянах в 1830-е гг. развивались синкретически в недрах отечественной истории. В университетских курсах М. П. Погодина на рубеже 20–30-х гг. был сформулирован тезис о коренном различии русской и славянской истории относительно западноевропейской, основанной на теории завоевания Ф. Гизо и др. французских историков. Первым сочинением по истории славян, основанном в значительной мере на романтической методологии, можно считать труд Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к россиянам» (М., 1829), который, несмотря на недостоверность общей концепции, стремление «ославянить» большинство древних народов Европы, сыграл большую роль в национальном возрождении болгарского народа⁸.

В 1830-е гг. с позиций романтизма вступили на научное и литературное поприще будущие первые университетские слависты О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорович. Их мировоззрение сформировалось на Украине, где струя «фольклорного» романтизма была особенно сильна. Им принадлежит большая заслуга собирания памятников устного народного творчества славянских народов. И. И. Срезневский записал и издал в 1832 г. сборник «Словацкие песни», затем серию сборников «Запорожская старина». О. М. Бодянский публикует пространную рецензию на сборник Я. Коллара «Светские песни словаков в Венгрии» (1834–1835), а также первым в России – исследование-«рассуждение» «О народной поэзии славянских племен» (М., 1837), успешно защищенное им в качестве магистерской диссертации. Исходя из принципов романтизма, эти ученые впервые в русской славистике сформулировали новое отношение к фольклору как во многом достоверному историческому источнику. Бодянский писал, что песни для словаков и др. славян – «это их дневник, их история, хранилище всякого ведения, их теогония, космогония, память, тризна по своих отцах и дорогих сердцу, надгробный памятник священной старины, живая говорящая летопись времен давно прошедших... это исповедь души... Это чистейшее выражение славянской народности, нравов, обычаев, занятий, причуд и т.д., в них, наконец, язык народный хранится

во всей чистоте, исповедальной свежести, силе, прелести и богатстве»⁹. На основе исторических песен Бодянский, в дальнейшем, в лекциях пытался сконструировать «народную» историю отдельных «безгосударственных» славянских народов. Точно также подходили к устному народному творчеству славян Ю. И. Венелин, Н. И. Костомаров, Н. И. Надеждин¹⁰.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что О. М. Бодянский яснее других выразил важную идею романтиков (в частности, Я. Коллара) об особенностях национального характера славянских и др. народов, особой личности каждого, наилучшим образом отразившихся в народных песнях. Он провел сравнительный анализ песен русских, украинцев, поляков, чехов, сербов и словаков, определив характер народной поэзии русских как повествовательно-описательный, украинцев – как драматический, сербов – как героический, чехов – как лирический, словаков – как идиллический и пр.¹¹

Еще до начала своей преподавательской деятельности на открытых по новому университетскому уставу 1835 г. кафедрах славистики в четырех российских университетах будущие их профессора сформулировали основные принципы подхода к истории, в которых ясно прослеживается влияние идей французской романтической историографии с ее направленностью на освещение истории народов, а не государей, и спор с немецкими философами и историками, принижавшими значение «негосударственных» славянских народов. Так, И. И. Срезневский писал в 1831 г.: «Несмотря на свое видимое совершенство, история еще очень не совершенна. Подумайте сами: ищут истории политической, разумея под оной историю государств. Куда же денутся бедные народы, не получившие великого имени государственных?»¹² В 1837 г. он упрекал историков эпохи Просвещения в том, что они «видят и наблюдают успех только у себя, вокруг себя, только успех сословий, к которым сами принадлежат, ...не предполагая успехов в остальных сословиях, судят о целом народе по одному высшему классу, по его представителям»¹³. Об этом говорили также О. М. Бодянский и Н. И. Костомаров. Последний, читавший в 1846 г. лекции по славянской мифологии в Киевском университете, в частности, полагал, что «внешние явления политической жизни не могут у нас составить истории народа», равно как и «последовательное изображение законодательства, учреждений и быта». Он утверждал, что история народа состоит в «исследовании развития народной духовной жизни» – именно тут «основа и объяснение всякого политического события, тут поверка и суд всякого учреждения и закона»¹⁴. Бодянский же, говоря о роли народа в истории, подчеркивал, что роль «двигателя» в нем принадлежит интеллигенции – «духовенству, мещанству, ученым»¹⁵.

Все молодые слависты приняли главный тезис романтической историографии о всеобщем развитии человеческого общества. И. И. Срезневский писал: «Подлежа всемирному закону развития, человечество развивается, усовершенствуется, это развитие, усовершенствование составляет путь жизни человечества». При этом им не чужда была «мысль о всеблагом Провидении, ущедряющем род человеческий своим премудрым промыслом, мысль о человечестве, по святому закону его, под зависимостью развития разума и жизни общественной»¹⁶. «Провидение» воспринималось при этом как проявление исторической закономерности и исполняло роль, подобную той, которую играла в идеалистической системе Гегеля «абсолютная идея».

Командировки в славянские земли, тесное общение со славянскими учеными-романтиками (П. Й. Шафарик, В. Ганка, Ф. Палацкий, Я. Коллар, Л. Штур, В. Караджич, Л. Гай, С. Враз и др.) укрепили молодых университетских славистов в их романтическом миропонимании, базировавшемся на идее славянской взаимности. Эта идея, сформулированная Я. Колларом, призывала славянские народы к духовному общению в разнообразных формах для того, чтобы взаимной поддержкой способствовать прогрессу славянского национального возрождения. Она была положена в основу создаваемых молодыми профессорами университетских курсов 1840–1850-х гг. и концепций истории славянских народов от древности до современности. В своей вступительной лекции в Харьковском университете И. И. Срезневский в духе этой идеи обосновывал необходимость изучения славян: «Мы должны любить славянство во всем его объеме, потому что мы славяне; без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату». Но «без познания нет любви», поэтому необходимо «изучать славянство ученым образом, как один из предметов науки»¹⁷. О. М. Бодянский на первое место в реализации программы славянской взаимности ставил развитие народного языка, языковое общение. В языке он видел «главную основу народной жизни, важнейший двигатель народного образования и направления, единственное средство *всеславянского* общения, без малейшего посягательства на государственные и вероисповедные отношения». «Это стремление славян еще более сблизиться между собой» он стремился объяснить желанием развивать свой язык, познавать самих себя, способствуя тем самым «развитию и распространению мысли общения и единения в словесности, которая одна еще связывает их последней нерушимой цепью братства и согласия вопреки всему прочему раздробляющему». В этом он видел возможность реализации «стремления зажить жизнью общеколенной, *всеславянской*»¹⁸.

Сущность философско-исторической концепции первых университетских славистов, во многом исходившей из трудов немецких философов и их последователя П. Й. Шафарика, состояло в том, что «Провидение» в каждую историческую эпоху избирает особый народ или «племя», которое способно наилучшим образом осуществить «начертанные» им задачи. «Немецкие и романские народы – говорил О. М. Бодянский в своей вступительной лекции в Московском университете – получили в наследство римскую образованность, римляне взяли ее от греков, заимствовавших ону из Азии. И каждый из них полученное обрабатывал по-своему, совершенствовал и, отживая свое время, передавал новому владельцу. *Теперь наступает преемственность нам, четвертому главному европейскому племени*». Молодое и энергичное (пассионарное, по выражению Л. Н. Гумилева. – М. Д.) славянское племя должно, усвоив «лучшие плоды» западноевропейской цивилизации и «образованности», далее действовать «своим умом», жить самобытной народной жизнью, а потом, достигнув зрелости, повести за собой Европу, вдохнув новую свежую струю в ее «угасающую жизнь»¹⁹.

Детального рассмотрения того, в чем именно заключается «предназначение» славян в современности, первые университетские слависты, как правило, не проводили. Однако можно предположить, что это, прежде всего, обогащение европейской «образованности» началами народности, основанной на общих принципах гуманизма в духе Я. Коллара. Так, В. И. Григорович полагал, что мерилom просвещенности европейских народов служит степень постижения ими общегуманистических идей христианства. И славяне в этом плане выдвигаются на передний план, могут достичь «всеобщности идеи просвещения» именно потому, что осознали необходимость преодоления своих религиозных различий, «обратившись к народности» и «поставив себя во взаимность»²⁰.

Романтическая концепция развития просвещения и литературы славянских народов, выраженная в магистерской диссертации В. И. Григоровича «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» (Казань, 1843), нашла серьезного оппонента в лице петербургского слависта П. И. Прейса, который подверг ее уничтожающей критике не столько за содержание, сколько за методологический подход к раскрытию темы. По мнению Прейса, Григорович руководствовался «подготовленным взглядом» вместо «свободного непринужденного» исследования, «жертвовал истине в пользу философских предубеждений», делал попытки типологического сравнения литературы западных и южных славян и пр. Суть спора была именно в различиях методологического подхода, неприятию принципов романтизма сторонника классиче-

ских ценностей Прейса, а не в личной неприязни, «ревности мастерового к появляющемуся новому работнику в том же цехе», как пытался ее объяснить ее в свое время славист М. П. Петровский²¹.

Интерпретация истории славян в исторической части курсов О. М. Бодянского, И. И. Срезневского и В. И. Григоровича осуществлялась по канонам западноевропейской славистической историографии, во главе которой стояли П. Й. Шафарик, Ф. Палацкий, В. Мацеёвский, И. Лелевель и др. ученые-романтики. Славянство рассматривалось как особое «племя», наделенное противоположными германскому чертами, при этом, однако, всегда подчеркивалась значимость общечеловеческих начал. И. И. Срезневский подчеркивал: «...всякая народность, как и всякая религия, должна быть священной»²².

Желая поставить славян наравне с другими народами мира, университетские слависты, вслед за П. Й. Шафариком и др., доказывали, что эти народы ни в чем не уступали в древности, прежде всего, германцам: ни в степени образованности, ни в давности поселения в Европе. Главным фактором развития славянских народов признавалась их борьба с инонациональными «стихиями»: греческой, немецкой, турецкой и пр. В соответствии с этим оценки исторических событий давались с точки зрения их «пользы» для национального развития того или иного славянского народа. Причиной потери ими национальной независимости чаще всего признавались: отсутствие сплоченности славянских народов, их «усобицы» и «братская ненависть». «Где же царствовало соглашение, племенное единодушие, там никакие натиски и погромы иноземцев не в силах были *обезнародить* нас», – писал О. М. Бодянский²³.

Все исторические аргументы в пользу сплочения славян использовались для обоснования необходимости культурной и научной «взаимности» славян в настоящем. Именно она могла способствовать успехам национального развития каждого славянского народа. Вопрос об освобождении славян из-под чужеземного гнета первые университетские слависты не поднимали, всячески избегая касаться современных политических вопросов, что им впрямую предписывал циркуляр министра народного просвещения 1847 г.²⁴

Первые университетские слависты заложили основы научного славяноведения в России, соответствующего уровню современной им европейской науки, основанной в то время на методологии романтизма. На ней же базировалась и западнославянская славистика, на которую ориентировались российские слависты. Зарубежной славистике были чужды идеи этноконфессиональной обособленности. Возможно, это способствовало тому, что все первые уни-

верситетские слависты не поддались влиянию отечественных славянофилов и их романтических историко-славистических концепций с приоритетом национально-религиозного фактора²⁵. Некоторое исключение, может быть, составлял только О. М. Бодянский. Близкий к кругу славянофилов по патриотической настроенности и «славянолюбию», но не разделявший многие положения их доктрины, он, тем не менее, передал своим ученикам по Московскому университету идеи (польского ученого В. Мацеёвского, В. Ганки и др.) о православии как некогда единой религии всех славян и о сохранении православной традиции в Чехии, что навело их на мысль о некоторой близости гусизма с православием, развитую впоследствии в романтическом славянофильском направлении русской гуситологии²⁶. Так или иначе, все славистические концепции (профессиональных славистов и славянофилов, в дальнейшем иногда совмещавшихся в одном лице), основанные на методологии романтизма, ангажированные определенными идеями и теориями, постепенно изживались последующей позитивистской историографией, придававшей первостепенное значение анализу конкретных фактов.

Примечания

¹ *Тураев С. В.* От просвещения к романтизму. М., 1983. С. 3; *Карташова И. В.* Изучение романтизма в отечественном литературоведении. Гуляевская школа // *Романтизм: грани и судьбы.* Тверь, 1998. С. 5–10 и др.

² См.: *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян.* М., 1988. Гл. II и др.

³ *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография. М., 1956. С. 23, 85, 86 и др.; *Досталь М. Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении 40–50-х гг. XIX в. (по материалам периодики) // *Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии.* М., 1990. С. 69; *Милюгина Е. Г., Кислякова О. А.* О методах романтизма как феномене мировой художественной культуры // *Романтизм: грани и судьбы.* Тверь, 1999. Вып. 2. С. 110–112 и др.

⁴ *Гуревич А.* Романтики или классики? // *Вопросы литературы.* 1966. № 2; *Микогоненко Г. П.* О романтическом герое декабристской поэзии // *Литературное наследие декабристов.* Л., 1975. С. 6–24; *История романтизма в русской литературе (1790–1825).* М., 1979. Т. 1. С. 255–308 и др.

⁵ *Досталь М. Ю.* Славистика в университетских курсах М. П. Погодина (1825–1844) // *Славянская филология.* Л., 1988. Вып. 6. С. 24–34.

⁶ Сафиулин Н. Г. Н. А. Полевой как теоретик романтизма. Казань, 1969. АКД.

⁷ Каменский З. А. Н. И. Надеждин. Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984 и др.

⁸ См.: Ю. І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: Матеріали Міжнародної наукової конференції. Ужгород, 1992. С. 191–199; *Досталь М. Ю.* Славист Ю. И. Венелин в кругу идей романтизма // Мир романтизма. Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (X Гуляевских чтений). Тверь, 12–15 сентября 2002 г. Тверь, 2002. Вып. 6. (30). С. 348–356 и др. *Данилюк Д. Д.* Ю. І. Гуца-Венелін. Ужгород, 1995.

⁹ *Бодянский О. М.* Критика. Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии, как простого, так и высшего сословия, собранные, в порядок приведенные, объясненные и выданные Яном Колларом. Ч. 1 и 2. Буда, 1834 и 1835 // Московский наблюдатель. М., 1835. Ч. 4. Кн. 13–16. С. 423.

¹⁰ *Венелин Ю. И.* О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835; *Костомаров Н. И.* Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843; *Надеждин Н. И.* Об исторической критике и достоверности // Библиотека для чтения. М., 1837. Т. XX. Отд. III. С. 141–171.

¹¹ Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Образ Словакии и словаков в трудах и путевых впечатлениях первых российских университетских славистов в 30–40-е гг. XIX в. // Русские и словаки в XIX–XX вв.: Контакты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции, приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии (Москва, 2–4 октября 2007 г.). М.; Йошкар-Ола, 2007. С. 69.

¹² РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. См. также: *Досталь М. Ю. И. И.* Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 72.

¹³ *Срезневский И. И.* Опыт о сущности и содержании теории в науках политическ. Харьков, 1837. С. 42.

¹⁴ *Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. СПб., 1861. С. 10, 11.

¹⁵ *Досталь М. Ю.* Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете 24 сентября 1842 г. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 283.

¹⁶ *Срезневский И. И.* Опыт о сущности... С. 5, 12.

¹⁷ *Срезневский В. И.* Вступительная лекция И. И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // ЖМНП. 1893. Ч. 287. № 5. С. 127.

¹⁸ *Досталь М. Ю.* Первая лекция О. М. Бодянского... С. 285, 289.

¹⁹ Там же. С. 290.

²⁰ Григорович В. И. Краткое обозрение славянских литератур // Ученые записки Казанского университета. 1841. Вып. 1. С. 93–153.

²¹ Петровский М. П. Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси. СПб., 1897. С. 6–9 (Оттиск из Известий АН. 1897. Т. 2).

²² Цит. по: Досталь М. Ю. И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 521.

²³ Досталь М. Ю. Первая лекция О. М. Бодянского... С. 297.

²⁴ Досталь М. Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 57.

²⁵ Подробнее см.: Досталь М. Ю. Основные проблемы истории славян в журнале “Русская беседа” // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 24–63; Она же. Славянство в историографии и политических воззрениях А. С. Хомякова // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Сборник статей по материалам международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 года в г. Москве в Литературном институте им. А. М. Горького. М., 2007. Том II. С. 136–146 и др.

²⁶ Подробнее см.: Лантева Л. П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.) М., 1978.

Г. К. Венедиктов, В. П. Гудков (Москва)

О двух нереализованных планах О. М. Бодянского

В уставе российских университетов, утвержденном в 1835 г., содержался перечень дисциплин, преподаваемых в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах, а также определены обязанности профессоров, преподававших ту или иную дисциплину. «Должность профессора, – сказано в уставе, – заключается: 1) в полном, правильном и благонамеренном преподавании своего предмета, 2) в точном и достоверном сведении о ходе и успехах наук, им преподаваемых, в ученном мире, и 3) в заседаниях в Совете, Факультетских собраниях и Правлении, смотря по назначению каждого». Объем аудиторной нагрузки профессора составлял 8 часов в неделю.

Приведенная формулировка не предписывает профессору заниматься научными изысканиями и изготавливать учебные пособия для слушателей. Однако само представление о профессоре университета предполагало, что он является и исследователем в определенной области науки, и все четверо профессиональных славистов, проводивших в славянских странах по несколько лет, оставили свой след в различных отраслях филологического знания. П. И. Прейс, к сожалению, рано ушел из жизни и не успел исполнить свои замыслы. Но И. И. Срезневский, работая в Петербурге, внес огромный вклад в изучение древнеславянской письменности и исторической лексикологии русского языка. Его учебные курсы не были изданы. Это можно сказать и о В. И. Григоровиче, который, впрочем, опубликовал обзор истории славянских литератур, служивший полезным пособием для студенческой молодежи.

Диапазон планов и свершений московского слависта О. М. Бодянского был более широким и разнообразным. Еще во время стажировки за рубежом он сознавал, что для обучения студентов нужны специальные пособия (тексты, хрестоматии, грамматические очерки, словари и т.п.) и закупал сотни книг на разных славянских и иностранных языках для библиотеки Московского университета. Кроме того, как известно, он перевел на русский язык целое собрание сочинений Шафарика, используя эти переводы в обучении студентов. Исполняя профессорские обязанности, он был убежден, что для учащихся необходима специальная учебная литература, и строил планы изготовления и издания соответствующих пособий.

1. Уже в самом начале преподавательской деятельности по кафедре истории и литературы славянских наречий у Бодянского зародилась мысль о необходимости подготовки специального учебного пособия по славянским языкам.

В письме от 7 июня 1843 г., т. е. сразу же после первого года преподавания им славянских языков и через месяц после проведенного им 3 мая 1843 г. первого в Московском университете экзамена по указанной кафедре, Бодянский писал известному деятелю иллиризма Станко Вразу о «деле», которое «имеет самую большую важность» и для адресата. «Я, – писал он Станко Вразу, – затеваю, по крайней мере, через 7–8 месяцев приступить к изданию Всеславянского учебника по нашим народным песням. Мы, профессора славянских кафедр, должны, прежде всего, заботиться доставить своим слушателям пособия для изучения преподаваемого предмета. Лучшим средством к усвоению славянских наречий считаю я знакомство с народными песнями, для того составляю избранный сборник их по всем наречиям, подречиям и разноречиям, снабдив его коротенькой грамматикой и словарем каждого из них»¹. Для такого пособия, считал Бодянский, есть материалы по всем славянским наречиям («изданы, богатые даже отчасти, пособия по народной литературе»), кроме хорватского, «которое не имеет никакого сборника своих народных песен»².

Чтобы включить во «Всеславянский учебник» и хорватский материал, Бодянский и обратился в письме к Вразу с «нижайшей просьбой» собрать для него по месту жительства Вразы «в середине Хорватии» самому или при помощи его знакомых «десятков три-четыре народных хорватских песен, именно так, как их сам народ поет»³. Он просил также прислать исправленный сборник изданных Вразом словенских народных песен, «равно как и несколько других песен из Словенской земли, особенно на каком-либо замечательном разноречии ее»⁴. Бодянский настоятельно просил Вразу прислать ему словенские песни, ибо «без образцов словенского языка в народных песнях, – писал он, – я никак не смею печатать своего Всеславянского учебника»⁵. Враз откликнулся на просьбу Бодянского через год, прислав ему с письмом от 7 июня 1844 г. 33 словенские песни на «посавском разноречии»⁶.

Нужно отметить, что изданию учебного пособия по славянским языкам («Всеславянского учебника») уже в самом начале профессорской деятельности в Московском университете Бодянский придавал исключительно большое значение. «Я уверен, – писал он Вразу в 1843 г., – что он (“Всеславянский учебник”) сильно подвинет у нас на Руси, и вообще между всеми соплеменниками, изучение славянских наречий, положит краеугольный камень в основание письменной взаимности между нами»⁷.

Цитируемое письмо Бодянского дает представление о характере задуманного им в начале 40-х годов учебного пособия по славянским языкам. Основу пособия должны были составить тексты народных песен славян. Такой его характер определялся общим подходом Бодянского к начальному преподаванию славянских языков студентам Университета, ориентированному на изучение, прежде всего, текстов народных песен, отражающих живой язык современных славян. Изучались на занятиях Бодянского также и тексты поэтических и прозаических сочинений славянских писателей. Включение в учебное пособие и таких текстов первоначально Бодянским, вероятно, не предполагалось. В цитируемом письме к Вразу Бодянский их не называет. Собственно описанию грамматики славянских языков в пособии отводилось, видимо, весьма скромное место: Бодянский собирался «снабдить» его «коротенькой грамматикой» каждого из них. Столь же скромными предполагались и намечавшиеся в пособии словари славянских языков.

Опираясь на письмо Бодянского к Вразу от 7 июня 1843 г., можно заключить, что уже в 1843 г. параллельно с ведением университетских занятий Бодянский занимался и подготовкой к изданию учебного пособия по славянским языкам. Завершить эту работу он, по-видимому, предполагал сравнительно быстро. Во всяком случае, как это видно из приведенной выше цитаты, через 7–8 месяцев, т. е. в начале 1844 г., Бодянский уже планировал «*приступить к изданию* Всеславянского учебника по нашим народным песням» (курсив наш. – Г. В., В. Г.), иными словами – начать печатание подготовленного пособия. Однако начало печатания по каким-то причинам было отложено. В письме от 13 июля 1844 г. Бодянский писал Вразу: «Я приступлю к печатанию своего учебника не прежде года»⁸, т. е. не ранее второй половины 1845 г. Но и в 1845 г. начало печатания пособия не состоялось. Реализация идеи подготовки и издания университетского пособия по славянским языкам, столь оптимистически высказанная Бодянским в июне 1843 г., затянулась на долгие годы. И только в 1857 г. она казалась вполне осуществимой, но до издания этого учебника и тогда дело не дошло.

О том, что в 1857 г. у Бодянского был подготовленный к изданию учебник по славянским языкам, в литературе уже сообщалось. О нем стало известно из опубликованного в 1969 г. Н. А. Кондрашовым письма управляющего Московским учебным округом А. Альфонсо к исправляющему должность ректора Московского университета от 7 августа 1857 г.⁹ Несколькоими годами позднее краткие сведения о содержании подготовленного Бодянским учебника были приведены в монографии «О. М. Бодянский и Возрождение Болгарии» болгарской исследовательницы Лиляны Минковой по письму Совета Москов-

ского университета к Бодянскому от 25 октября 1857 г.¹⁰ Более подробные сведения о рассматриваемом учебнике, почерпнутые из переписки Московского университета, правления Московского учебного округа и Министерства народного просвещения с Бодянским, находим в монографии Л. П. Лаптевой «Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века»¹¹. Однако до сих пор «Учебник славянских наречий» Бодянского (точнее будет сказать – вопрос об этом учебнике) оставался вне специального, заслуживающего особого внимания исследователей истории отечественного славяноведения. Ниже мы попытаемся подробнее осветить данный вопрос с учетом и других, обнаруженных нами архивных материалов.

Важные документы по рассматриваемому здесь вопросу сохранились в архиве канцелярии попечителя Московского учебного округа, хранящемся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2165) – «Дело Канцелярии попечителя Московского учебного округа об учебнике Бодянского» и в архиве правления Московского университета (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 26. Д. 743) – дело Совета Московского Университета «О поручении ординарному профессору Бодянскому издания учебника по славянским наречиям». Ряд документов, касающихся учебника Бодянского, находятся в личном архивном фонде ученого, хранящемся в Отделе рукописей Института литературы Украинской академии наук (ОРИЛ. Ф. 99)¹².

Хронологически первый среди интересующих нас документов – «Записка об учебнике славянских наречий» от марта 1857 г.¹³

Вот полный текст этого документа:

«Записка

об учебнике славянских наречий

Изучение славянской старины, быта, истории, словесности и т. п. сделалось в наше время необходимой потребностью для нас, как одного из важнейших славянских племен, если мы не желаем отстать от века и его требований, по которым познание самих себя и каждого предмета непременно должно сопровождаться познанием всего, что только однородно с тем или другим, познанием целого. Но знакомство с однородным тогда лишь плодотворно, когда оно непосредственно, из первых рук; следовательно, прежде всего, нужно озаботиться средствами, скорее и вернее всяких других к сему ведущими. Такими в области наук историко-филологических всегда признавалось и признается усвоение себе языка, которым занимающие нас народы говорили или говорят, как ключа к тайнику их жизни. Потому-то в высших учебных заведениях преподавание истории народа и его словесности обыкновенно сопровождается

преподаванием самого языка этого народа. Но преподавание языка невозможно без учебника, который прежде и больше всего наставник обязан доставить своим слушателям; иначе дело его будет двигаться неровно и зависеть от разных случайностей. А для составления учебника много требуется условий, не всегда и не всюду встречающихся в одном и том же лице. Кроме обладания своим предметом и умения передать его другим, необходимо еще иметь в своем распоряжении самые источники, разумею: письменные и печатные памятники, и притом в леточислительной последовательности, потому что в наше время изучение языков по преимуществу должно быть историческое, особенно в Университетах и Академиях, имеющих целью доставить своим воспитанникам не одно лишь реальное, но вместе с тем и филологическое образование, образование, как будущим наставникам и деятелям в области наук историко-филологических.

Высказанное здесь я испытал на самом себе, преподавая историю и литературу славянских наречий в Московском Университете в течение 15-ти лет. Скольких забот стоило и стоит мне ежегодно доставление моим студентам руководств из-за границы, которые, при всем желании и старании, не всегда соответствуют требованиям, а по некоторым отделам и совсем недоступны, отчего преподавание, естественно, идет не так, как его понимаешь, и хотел бы повести! Я уже ничего не говорю о любителях вне стен университетских, оставленных решительно самим себе, но коих тоже не следует выпускать из виду: без них никогда мы не успеем провести в общество никакой науки, или искус[с]тва, без которых то и другое – тепличные растения, мало на что годные.

Желая помочь такому важному недостатку, я, опираясь на свой опыт и богатую библиотеку, составил “Учебник по славянским наречиям”. Статьи, вошедшие в него, расположены в историческом преемстве, с целью познакомить учащегося со всеми видоизменениями того или другого наречия из века в век. К каждому прилагается такая же грамматика, словарь, пояснительные примечания и очерк письменности. Таким образом, хрестоматия (в подлиннике: хрестоматия. – Г. В., В. Г.) моя может служить пособием не только при изучении наречий, но, в известной степени, и при чтении истории словесности. По числу наречий, составляющих язык славянский, учебник будет состоять из 6-ти книг, в каждой по два или по три наречия, находящихся в ближайшем между собою родственной связи: в 1-ой болгарские; во 2-ой русские; в 3-ей сербские; в 4-ой чешские; в 5-ой польские и в 6-ой лужицкие. Каждая часть от 30 до 40 листов. Многие по рукописям, в первый раз обнародуваемым [так!].

Не имея средств для издания, я обращаюсь к Московскому Университету, как месту моего воспитания и служения, содействовать мне в осуществлении предлагаемого, и тем самым оставить за собою честь быть первым и по доставлению средств к правильному и скорому изучению славянских наречий, подобно тому, как при введении их в университетское образование действующим Уставом, был первым, озаботившимся о приискании преподавателя оных, возложив на меня это звание и доставив возможность путешествовать по землям соплеменников. Бывши во многом первым, не следует отказываться от своего высокого места и в этом случае. Хорошие учебники дело не легкое; они требуют знания да знания и [слово неразборчиво], и нередко переживают наши, самые важные, сочинения, стареющиеся со временем. Стоит только напомнить Хрестоматию арабского языка, де Саси, или у нас Хрестоматию арабского или персидского, Болдырева, по которым столько уже поколений изучают этот и другой, конечно, не от того, чтобы не было кому заменить их своим, но по существенному достоинству и годности этих учебников.

В вознаграждение издержек Университет удерживает у себя от каждой части по сту (так в подлиннике. – Г. В., В. Г.) экземпляров.

Ординарный профессор Московского Университета Осип Бодянский.
Марта дня 1857 года».

«Записка» эта на четырех страницах тетрадного формата, написана рукой Бодянского хорошо читаемым почерком (неразборчиво лишь одно слово). Точная ее дата, как видим, здесь не указана. В сохранившемся в бумагах Бодянского черновом наброске письма Бодянского к попечителю Московского университета Е. П. Ковалевскому, в котором речь идет об учебнике славянских наречий, стоит дата 17 марта 1857 г., а в самой «Записке» – 24 марта 1857 г.¹⁴ Но есть среди этих бумаг и чистовой вариант «Записки», датированный, как и приведенный выше текст, мартом 1857 г.

Очевидно, что во второй половине марта 1857 г. Бодянский составил приведенную выше «Записку» и направил ее по начальству, но конкретный адресат в ней не назван. И это обстоятельство указывает на то, что она не была оформлена как официальный документ, а представляла собой скорее своего рода еще неофициальную «докладную записку», подготовленную Бодянским для университетского руководства (сравни в «Записке»: «Я обращаюсь к Московскому университету...»), а через него и для попечителя учебного округа с целью привлечь их внимание к необходимости подготовки учебника по славянским языкам и к условиям его издания. Поскольку «Записка» оказалась в канцелярии попечителя, есть основания утверждать, что, в конечном счете,

она же ему и предназначалась, хотя Бодянский вряд ли сразу же обратился к нему напрямую, минуя ректора или Совет Университета. Как бы то ни было, вышедшая из рук Бодянского не ранее 24 марта «Записка» оказалась в канцелярии попечителя Московского учебного округа, где она без проволочек была рассмотрена и представлена министру народного просвещения. Об этом свидетельствует следующая запись (вероятно, канцеляриста) на полях первого листа приведенного выше ее текста: «Докладывано г. министру народного просвещения 10 апреля 1857 и получена резолюция: войти в ближайшее сношение с проф. Бодянским относительно напечатания его Учебника, а позже формально представить с окончательными замечаниями в С. Петербург». В «Деле канцелярии попечителя Московского учебного округа об учебнике Бодянского», где в настоящее время находится «Записка», нет ни письма министру, ни его ответного письма попечителю учебного округа. Отсутствие здесь таких документов объясняется, видимо, тем, что данное «Дело», согласно записям на обложке архивной папки, началось лишь 11 июня 1857 г., т. е. уже после состоявшейся переписки между двумя высокими чиновниками. «Записка» же оказалась в этом «Деле» (была вложена в него?), следовательно, после его открытия в канцелярии попечителя или даже после 7 июля 1857 г., когда оно, согласно отметке на обложке, было закрыто. Последнее вполне было возможно, так как в нем есть и другой документ, который никак не мог здесь оказаться ранее этого числа, – датированное 10 июля 1857 г. письмо товарища министра просвещения к управляющему Московским учебным округом, ректору Московского университета. Останавливаемся на этих подробностях, потому что они как-то дополняют не совсем обычное с самого начала движение «Записки» Бодянского к изданию учебника славянских языков. В общем складывается впечатление, что между Бодянским и попечителем учебного округа была договоренность (очевидно, с ведома университетского руководства) о том, что Бодянский как бы неофициально представит попечителю соответствующее обоснование в необходимости такого учебника, чтобы, опираясь на него, попечитель мог обратиться по делу об учебнике к министру народного просвещения.

Подтверждение сказанному находим в черновом письме попечителя Московского учебного округа управляющему Министерством народного просвещения от 13 июня 1857 г. Это было второе письмо попечителя в Министерство народного просвещения, касающееся подготовки и издания учебника Бодянского. Первым было письмо от 14 апреля 1857 г., о котором известно по приведенной выше приписке на полях «Записки». Во втором письме попечитель почти дословно повторяет обоснование необходимости в учебнике славян-

ских языков, данное Бодянским в его «Записке»: «Изучение истории и словесности славянских народов, в настоящее время, сделалось необходимою потребностью для всех просвещенных людей, а особенно русских, как важнейшего в славянском мире, имеющего с сим неразрывную связь и стоящего во главе его. С сим намерением учреждены в каждом русском университете кафедры для означенных наук. Основанием же их служит несомненно изучение языка каждого из славянских народов, в связи с русским. Но отчетливое преподавание языка невозможно без учебников, а их вовсе нет для большей части славянских наречий; от этого дело сие вообще движется неровно, неуспешно и зависит от многих случайностей»¹⁵. «Имея все это в виду, – писал попечитель – я обратился к профессору Московского университета Бодянскому, ... не примет ли он на себя труд составить необходимый и недостающий у нас учебник. Я не только встретил с его стороны просвещенное сочувствие и готовность исполнить мое предложение, но даже нашел у него множество подготовленных для того материалов, так что остается только окончить их пересмотр и приготовить к печати»¹⁶. Как видим, идею необходимости подготовки учебника славянских наречий попечитель представляет министру как собственную, равно как собственной инициативой он считает здесь и предложение Бодянскому составить обсуждаемый учебник. В такой именно версии и предстает в последовавшей переписке «начальная история» замысла Бодянского составить и издать учебник славянских языков, в частности, в письме управляющего Московским учебным округом, ректора университета А. Альфонского от 7 августа 1857 г. к исполняющему должность ректора Московского университета¹⁷. Любопытно, что в такой версии идея составления и издания учебника излагается и в письме Совета Московского университета от 15 октября 1857 г. к Бодянскому: «г. попечитель Московского учебного округа обращался к Вам, не примете ли Вы на себя труд составить необходимый и недостающий у нас учебник»¹⁸.

Возвращаясь к самой «Записке», следует, прежде всего, обратить внимание на изложенные в ее начале мотивы, побудившие Бодянского заняться подготовкой учебника славянских языков, и обоснование острой необходимости в таком учебнике. Заметим, что Бодянский смотрел на такой учебник как на пособие не только для студентов Университета, но и для тех «любителей вне стен университетских, оставленных решительно самим себе», кто изучает и хочет изучать славянские языки самостоятельно, особо подчеркивая, что без них нельзя рассчитывать на успехи в распространении науки и культуры в обществе.

Желая избавить преподавание славянских языков в Университете от такого «важного недостатка», каким он с полным основанием считал отсутствие учебника, и «опираясь на свой опыт и богатую библиотеку», Бодянский и составил «Учебник по славянским наречиям». По плану его учебник будет состоять из 6-и частей (книг) – «по числу наречий, составляющих язык славянский», а каждая часть (книга) должна будет содержать материал по двум или трем наречиям, «находящимся в ближайшей между собою родственной связи»: 1-ая часть (книга) включала наречия болгарские, 2-ая – наречия русские, 3-ья – наречия сербские, 4-ая – наречия чешские, 5-ая – наречия польские и 6-ая – наречия лужицкие. Переведя это в более привычную нам современную терминологию (наречие у Бодянского = самостоятельный язык), мы увидим, что каждая из перечисленных Бодянским 6 частей (книг) его учебника посвящалась соответственно языкам: болгарскому (с церковнославянским – ?), восточнославянским (русскому, украинскому, белорусскому), сербскому (с хорватским, словенским –?), чешскому (со словацким – ?), польскому (с кашубским –?), лужицким и их наречиям (диалектам). Каждая часть (книга), по расчетам (прикидкам) Бодянского выходила по 30–40 листов. Такой план учебника в общем повторяет структуру описания славянских языков в книге «Славянское народописание» П. Шафарика, которую Бодянский хорошо знал, постоянно на нее опирался в преподавательской работе и которую он в 1843 г. издал в русском переводе¹⁹. Бодянский в расположении языков «отступил» от Шафарика в том, что 4-ю книгу он посвящал «чешским наречиям» (чешскому и словацкому языкам), а 5-ую книгу «наречиям польским» (польскому и, наверное, кашубскому языкам), а у Шафарика раздел о чешском языке следовал за польским. Кроме того, в учебнике Бодянского не предусматривалась отдельная часть о вымершем полабском языке.

О самом содержании частей (книг) учебника, посвященных отдельным языкам, в «Записке» сказано очень кратко. Его составляли «статьи», расположенные «в историческом преемстве, с целью познакомить учащегося со всеми видоизменениями того или другого наречия из века в век», краткие очерки грамматики и словари, пояснительные примеры и «очерки письменности». В перечне разделов учебника не совсем ясным, на наш взгляд, предстает содержание раздела «статей». По-видимому, Бодянский имеет здесь в виду подобранные в хронологической последовательности тексты соответствующих языков (наречий), по которым учащиеся могли бы познакомиться с происходящими в языках (наречиях) изменениями. Подготовленный по такому плану свой учебник Бодянский характеризует как «Хрестоматию», которая «может служить пособием не только при изучении наречий, но, в известной степени, и при чтении истории словесности».

В рассматриваемом вопросе о подготовке и издании «Учебника славянских наречий» большое внимание было уделено материальной (финансовой) его стороне. Решению этого вопроса сам Бодянский придавал существенное значение, что видно и из опубликованной выше его «Записки», где он подчеркнул, что без содействия Московского университета издание учебника окажется невозможным и что содействием в этом деле Университет подтвердит свой приоритет в надлежащем обеспечении квалифицированного университетского преподавания славянских языков. Бодянский, как видно из «Записки», предложил издать учебник на средства Университета и в возмещение его расходов на это дело предлагал оставить Университету по 100 экземпляров каждой части учебника. Без особых задержек в Университете и в управлении учебного округа предложение Бодянского было основательно рассмотрено и конкретизировано и согласованное решение 13 июня 1857 г. попечителем учебного округа было направлено на рассмотрение и утверждение министра народного просвещения²⁰. В Министерстве представленные попечителем Московского учебного округа предложения были поддержаны. То, как был решен вопрос о финансовой стороне издания «Учебника славянских наречий» Бодянского, видно из приводимого ниже письма товарища министра народного просвещения от 10 июля 1857 г., направленного управляющему Московским учебным округом, ректору Московского университета:

«По уважениям, изложенным в представлении г. попечителя Московского учебного округа, от 14-го [так!] минувшего июня, я разрешаю потребные на издание, по изъясненному в сем представлении плану, составляемого ординарным профессором Московского университета по кафедре славянских наречий, статским советником Бодянским «Учебника по славянским наречиям», *две тысячи сто руб. сер.*, употребить из экономической суммы Московского университета, с тем, чтобы, по отпечатании на основании общих цензурных постановлений, сто полных экземпляров сказанного Учебника, долженствующих составить шестьсот книг, были представлены Бодянским безденежно в пользу Московского университета, в вознаграждение сделанного ему из сумм оного пособия на издание и напечатание означенного Учебника»²¹.

Так, довольно быстро – в течение около четырех месяцев – и на весьма благоприятных для Бодянского материальных условиях был решен вопрос об издании подготовленного, как считал в 1857 г. сам Бодянский и вслед за ним упоминаемые здесь участники переписки, его «Учебника славянских наречий». Казалось, никаких препятствий к изданию этого труда не было, и давно обещанный им, еще в 1843 г., учебник вот-вот увидит свет. Однако труд этот, как уже отмечали Л. Минкова и Л. П. Лаптева, издан не был²². Что стало при-

чиной этого, не известно. Л. П. Лаптева допускает, что «возможно, Бодянский посчитал для себя неприемлемыми условия издания или не смог выполнить взятой на себя трудной задачи»²³. Исползованные в настоящей статье неизвестные ранее архивные материалы, касающиеся рассматриваемого учебника, к сожалению, причины этого не проясняют. Вопрос о том, почему «Учебник славянских наречий» Бодянского при несомненно благосклонном отношении к нему властей Университета, правления Московского учебного округа и Министерства народного просвещения и при казалось бы весьма благоприятных финансовых условиях, сложившихся в 1857 г. для его издания, ни тогда, ни позднее отпечатан не был, по-прежнему остается, таким образом, открытым.

2. Во второй половине XIX в. в России почти не было переводных словарей славянских языков, роль которых столь велика при изучении иных языков. Сознвая это, Бодянский пытался привлечь к нуждам практической лексикографии своих студентов. По свидетельству Л. П. Лаптевой, в архиве О. М. Бодянского хранится немало письменных работ, темы которых определил профессор. Среди них находится словарь серболужицкого наречия, составленный Е. П. Новиковым, впоследствии защитившим магистерскую диссертацию о важнейших особенностях лужицких диалектов²⁴.

Бодянскому принадлежит нереализованная, к сожалению, инициатива перевода на русский язык второго издания знаменитого сербского словаря Вука Караджича (1852). Эту работу профессор поручил своим студентам, одним из которых был А. А. Кочубинский. Впоследствии А. А. Кочубинский свидетельствовал: «В 1866 г. Бодянский поручил перевести на русский язык “Сербский словарь” Вука, буквы А–К; другие имели перевести остальные части. Моя обработка, сделанная в Кишиневе летом 1866 г., осталась в рукописи, и ничего из этого не вышло»²⁵. Часть задуманного перевода, однако, сохранилась. Об этом свидетельствует хранящаяся в фондах Российской государственной библиотеки рукопись следующего, согласно описанию, содержания: «Словарь сербско-русский неизвестного автора, начинается словом Коник, оканчивается словом Пяштаница, новейшего письма, в лист, на 250 листах. Некоторые внесенные сербские слова с русским значением и с разными приведенными примерами совершенно тождественны с помещенными в известном словаре Вука Караджича»²⁶.

В рукописи представлено последовательное переложение на русский язык примерно четвертой части всего текста словаря Караджича. О времени создания перевода можно судить по имеющимся на бумаге штемпелям. Последние шесть тетрадей датируются 1866–1867 гг. Предшествующие тетради имеют

более ранний штемпель (1850–1857 гг.) или лишены его. Имя переводчика, к сожалению, неизвестно, но очевидно, что это был ученик Бодянского, один из студентов Московского университета и перевод был выполнен, вероятно, в 1866 или 1867 гг. Датировка по штемпелю согласуется со свидетельством Кочубинского.

Возникает вопрос, почему работа не была доведена до завершения. Скорее всего, потому, что Бодянский узнал, что харьковский славист П. А. Лавровский еще в 1865 г. по предложению М. П. Погодина начал составлять сербско-русский словарь на базе труда Караджича с прибавлением лексического материала из хорватских словарей. Словарь Лавровского был напечатан в 1870 г. и в течение нескольких десятилетий служил полезным пособием для всех обращавшихся к сербским и хорватским текстам.

Озабоченность подготовкой и изданием учебной литературы была свойственна ученику и преемнику Бодянского А. Л. Дювернуа. Он выпустил, в частности, «Практическое руководство к изучению старославянского, чешского, сербского и польского языков». Сохранились и литографированные пособия по лекционным курсам Дювернуа.

В свою очередь преемник Дювернуа Р. Ф. Брандт написал и напечатал целую серию небольших книжек об отдельных славянских языках и о проблемах сравнительно-исторической грамматики. Именно Московский университет был в XIX в. центром создания и издания учебной славистической литературы.

Примечания

¹ *Живанчевић М.* Враз и Бођански // Сборник за славистику. 8. Београд, 1975. С. 130–131.

² Там же. С. 131.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 135 и след.

⁷ Там же. С. 131.

⁸ Там же. С. 153.

⁹ *Кондрашов Н. А.* Документы по истории русского славяноведения // Ученые записки Московского обл. пед. института им. Н.К. Крупской. Т. 257. Русский язык. М., 1969. Вып. 16. С. 309–310.

¹⁰ Минкова Л. Осип Максимович Бодянский и Българското възраждане. София, 1978. С. 41.

¹¹ Лаптева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 57–58.

¹² С некоторыми документами этого фонда, относящимися к учебнику Бодянского, мы ознакомились по выпискам проф. Л. П. Лаптевой, которой выражаем искреннюю признательность за разрешение использования их в настоящей статье.

¹³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2165. Л. 1–2 об.

¹⁴ ОРИЛ. Ф. 99. Д. 34. Л. 191. Д. 32. Л. 38. – Здесь и далее ссылки на материалы этого фонда даются по выпискам проф. Л. П. Лаптевой.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2165. Л. 3. – Это обоснование, как и некоторые другие положения «Записки» Бодянского, дословно или почти дословно включалось и в другие письма, касавшиеся его «Учебника славянских наречий» (см., например: Кондрашов Н. А. Указ. соч. С. 309). Подобное «цитирование» фрагментов исходного документа в последующей переписке было обычной практикой (Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 247. Сноска 78).

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2165. Л. 3–3 об.

¹⁷ Кондрашов Н. А. Указ. соч. С. 309. – В передаче соответствующего фрагмента этого письма автором публикации допущена неточность: «попечитель Московского учебного округа обратился к ординарному профессору Бодянскому» вместо «попечитель... обращался» к Бодянскому (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 26. Д. 743, Л. 1).

¹⁸ ОРИЛ. Ф. 99. Д. 114. Л. 43.

¹⁹ Славянское народописание, составленное П.И. Шафариком. Перевод с чешского И. Бодянского. М., 1843.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2165. Л. 3–4 об.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Минкова Л. Указ. соч. С. 41; Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 58.

²³ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 58.

²⁴ Лаптева Л. П. Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX и начале XX века // Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С. А. Никитина. М., 1983. С. 40.

²⁵ Кочубинский А. А. Автобиографическая записка // Маркевич А. И. Двадцатипятилетие Имп. Новороссийского университете. Одесса, 1890. С. 262.

²⁶ Соколов Е. И. Библиотека Имп. Общества истории и древностей российских. М., 1905. Вып. II. С. 540.

И. Г. Воробьева (Тверь)

Первая биография О. М. Бодянского

В юбилей одного из основателей университетского славяноведения в России – О. М. Бодянского, полагаю, обоснованно обратиться к первым опубликованным биографиям ученого. Следует определить прочность и достоверность источниковой базы, на которой возрастали последующие исследования, и выяснить, как менялся со временем облик слависта Бодянского в историографии.

При жизни О. М. Бодянского (1808–1877) сведения биографического характера о нем публиковались в ряде справочных изданий, в том числе в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета» (1855. Ч. 1). Память ученого почтили некрологами его коллеги и ученики. Известно более десятка публикаций, и все они носили мемуарный характер¹. М. И. Семеvский, издатель «Русской старины», в майском номере журнала за 1879 г. выразил желание иметь более подробные сведения о жизни Бодянского². Он и предложил профессору Московского университета Н. А. Попову написать статью, которую опубликовал под названием «Осип Максимович Бодянский в 1831–1849 годах»³.

Историк Нил Александрович Попов (1833–1891) был на четверть века моложе профессора Бодянского⁴. Окончив Тверскую гимназию, он учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1850–1854), посещал лекции Бодянского, но выбрал специальность «русская история». Научной карьере Попов, несомненно, был обязан своему учителю С. М. Соловьеву. Под его руководством он написал выпускную работу «История вопроса о русской начальной летописи». В 1857 г. по рекомендации Соловьева Н. А. Попов начал преподавательскую деятельность в Казанском университете, а с 1860 г. был переведен в Московский университет на кафедру русской истории.

Магистерская диссертация Попова «В. Н. Татищев и его время» – первое монографическое исследование о жизни и творчестве великого русского историка, положившее начало «научному татищеведению»⁵. На магистерском диспуте Попова вместе с официальными оппонентами выступал и О. М. Бодянский. Содержание его возражений нам неизвестно, но важно отметить, что Бодянский хорошо представлял исследовательские возможности бывшего выпускника Московского университета. С 1861 г. оба состояли в одной университетской корпорации, участвовали в заседаниях научных обществ, публиковались в университетских изданиях.

Возможно, Бодянский давал рекомендации Попову, когда тот в 1862 г. отправился в заграничную командировку в славянские земли. К сожалению, с письмами Попова в фонде Бодянского, находящегося ныне в Киеве, мне не удалось ознакомиться, а они могли бы внести больше ясности в отношения двух ученых.

Возвратившись в Москву, Попов подготовил докторскую диссертацию, опубликовав книгу «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства с 1806 по 1856 гг.», прославившую автора во всем славянском мире. На эту тему ни в России, ни в Сербии не было исследований. Попов впервые на основе огромного числа разнородных источников, от воспоминаний до дипломатических материалов, представил историю освободительной борьбы сербов против османского владычества при поддержке России. Академия наук удостоила капитальное двухтомное исследование престижной Уваровской премии. Книгу тотчас же перевели на сербский язык, появилось множество откликов – как в России, так и в Сербии. Не так давно ее вновь переиздали в Белграде. Книга Попова насыщена таким количеством фактов и свидетельств, что и сегодня без нее не обходится ни один исследователь балканской истории.

В 1869 г. Попов был избран профессором Московского университета, где он читал курсы лекций по славянской истории и историографии, заменив стареющего Бодянского.

Тексты лекций Бодянского подвергались анализу в работах Л. П. Лаптевой, утверждавшей, что тот читал «по собственным запискам... творчески обрабатывал данные современной ему науки о славянах... курсы лекций, особенно по истории славян, были в значительной мере компилятивными, в них преобладало простое изложение фактов»⁶. Ученик Попова и Бодянского А. А. Кочубинский писал: «Мне достаточно вспомнить из студенческой жизни, что такой много сведущий профессор как Бодянский, излагая с университетской кафедры новейшую историю Сербии, ограничивался лишь пересказом книги Ранке, написанной по рассказам Вука Караджича... Мой товарищ М. С. Дринов сидел под кафедрой с сочинением Ранке и отмечал карандашом пропуски в немецком издании, благодаря чему вышел русский перевод Бартенева». Он же отмечал, что «с появлением Попова в жизни нашей аудитории стала замечаться новая черта... Попов привез с собой в Москву живое знание славянского мира, массу завязавшихся во время путешествия личных отношений с разнообразными представителями славянской интеллигенции, особенно между славян западных и вообще австрийских, т. е. той части славян, которая менее всего известна в России»⁷.

Историк стремился содействовать сближению русских с другими славянами не только через печатное и устное слово, но и путем практическим. С 1865 г. Общество любителей естествознания при Московском университете начало подготовку Этнографической выставки. Попов как член Общества выступил с предложением о создании на ней Славянского отдела и принялся за его устройство. Масса переписки, хлопоты по приему и расстановке присылаемых издалека предметов, подготовка к приему ожидавшихся в Москве славянских гостей – вся эта трудоемкая подготовительная работа увенчалась плодотворным результатом. Россияне впервые могли наглядно познакомиться с традиционной культурой и бытом западных и южных славян.

Одновременно с выставкой летом 1867 г. состоялся знаменитый съезд славянских деятелей, материалы которого Попов опубликовал в «Известиях Московского университета». Почти все приглашенные были личными знакомыми Попова и Бодянского, однако последний, сославшись на болезнь, не выступал перед гостями⁸. Тем не менее, нам известно, что Бодянский приготовил доклад о деятельности Общества истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете, секретарем которого он был многие годы⁹. К материалам Бодянского Попов обратился позднее, во время подготовки 80-летнего юбилея Общества. Ему удалось на основании архивных записей подготовить обширное исследование по истории Общества и внести определенные уточнения. Так, он установил, что первым председателем общества был Харитон Андреевич Чеботарев (1745–1815), профессор и первый ректор Московского университета¹⁰, а не Черепанов, как было сказано в докладе Бодянского.

После славянского съезда авторитет Попова возрос, его избрали секретарем Славянского благотворительного комитета в Москве. На этой должности он оставался до закрытия Комитета в 1878 г., сотрудничая с М. П. Погодиным и И. С. Аксаковым. О. М. Бодянский также участвовал в деятельности Комитета. Сохранившиеся письма Бодянского к Попову показывают, что двух ученых объединяла славянская тема. Так, в письме от 20 июля 1869 г. Бодянский просил оказать содействие и помощь доктору Драгишичу, с которым познакомился в Загребе в 1864 г. «Подайте ему малую толику во имя Христа и Славянской взаимности», – обращался Бодянский к Попову¹¹.

Как известно, профессор Бодянский оставил кафедру в 1868 г. При голосовании в Совете университета он был забаллотирован, но продолжал редактировать Чтения ОИДР. Попов в то время еще не входил в состав Совета, не участвовал в интригах вокруг выборов, поэтому их отношения оставались уважительными и искренними. Ученые обменивались научными новостями, книгами, в январе 1871 г. Бодянский писал: «На Ваше письмо от 5-го сего месяца, сейчас же имею честь ответить. Я теперь так занят, что составлять

какую-либо записку о Гавличке... не имею ни малейшего времени. Летом, конечно, буду посвободней. Вам я всегда рад-рад во всякую пору дня и ночи»¹².

Итак, первый биограф Осипа Максимовича Бодянского – его коллега и единомышленник Нил Александрович Попов, искренне сопереживавший славистической научной и общественной деятельности профессора. Отметим, что статья Попова о Бодянском не содержала никаких личных воспоминаний. Это была комментированная публикация документов архива Московского университета, касающихся службы Бодянского до 1850-х гг., т. е. до защиты им докторской диссертации. Какие же тексты извлек Н. А. Попов из архива и предложил для публичного чтения?

Все материалы – документы официального делопроизводства. Изучая их, Попов обратил внимание на отсутствие метрического свидетельства о рождении Бодянского. Он обнаружил, что дата рождения – 31 октября 1808 г. – установлена на основе расспросов восприемников при крещении, происшедшем 3 ноября. Однако в «Биографическом словаре профессоров Московского университета» и в первом формулярном списке Бодянского датой рождения названо 3 ноября. Как видим, расхождение в датах небольшое, но в справочных изданиях путаница сохраняется и сейчас¹³.

Дата рождения, конечно, имеет не столь уж существенное значение для биографии ученого. Большой интерес представляют опубликованные Поповым сведения о родственниках Бодянского, пояснение его деда, объясняющего, почему ребенка не записали в метрическую книгу: «при рождении его замечен был по крайней слабости». Попов пояснил, что это обстоятельство стало причиной той продолжительной болезни, которая застигла Бодянского во время командировки в славянские земли в 1838–1842 гг., превысившей положенные два года.

Опубликовал Попов и сведения из аттестата Бодянского, выданного Московским университетом 23 сентября 1835 г. Он дословно процитировал донесение словесного отделения Совету о магистерском экзамене, который 24 октября 1836 г. сдавал Бодянский. Отметим, что два вопроса, выбранные испытателями по жребию, не имели никакого отношения к славистике, вопреки представлению в нашей историографии¹⁴. Первый вопрос был из латинской словесности, а второй из российской истории – «Важность Москвы в истории России». Видимо сами университетские профессора (их должности и фамилии приведены в документе) имели в то время смутное представление о предмете «история и литература славянских наречий».

Сам Бодянский уже на экзамене проявил большее понимание проблемы, он предложил название своей магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен». Бодянский собирался писать о славянской этнографии,

а не лингвистике, поэтому не путал «племена» и «наречия». Точные даты приводимых Поповым документов, показывают, что Бодянский за короткий срок справился с написанием текста магистерской диссертации. Свидетельствует ли это о поспешности соискателя или о его высокой работоспособности? Вопрос, на который биографы пока не ответили.

Попов обратил внимание читателей на название документа, выданного Бодянскому, – «диплом на степень магистра философии, составленный, согласно обычаям того времени, на латинском языке».

Следующая группа документов, представленная Поповым, показательна не только для биографии Бодянского. В архиве университета отложились документы о времени пребывания Бодянского в славянских землях. Попов полностью опубликовал его донесения ректору Московского университета из Оломоуца от 28 августа 1839 г., обширное донесение Совету из Загреба от 7 марта 1840 г., из Австрийской Силезии 21 апреля 1841 г., из Праги 17 июля 1842 г. Официальные отчеты, вместе с донесениями в министерство, опубликованные в ЖМНП, и личными письмами Бодянского к М. П. Погодину (23 письма), изданные Поповым в том же 1879 г., – ценнейший источник для выяснения уровня славистических знаний, истории славяноведения в Европе, восприятия европейской культуры русским интеллектуалом.

Во время командировки Бодянский приобрел библиотеку, об объеме и способе доставки которой в Россию свидетельствуют документы, приведенные Поповым. Оказывается, Московский университет имел надежных книгопродавцев в Лейпциге, Любеке, Петербурге. В документах упомянут московский книгопродавец Дейбнер, принимавший участие в доставлении в университет книг.

Для понимания жизни университета и его полномочий в середине 1840-х гг. важны опубликованные документальные материалы об избрании Бодянского в звание ординарного профессора 11 декабря 1846 г. Попов указал и на результаты голосования (21 избирательный шар и 2 неизбирательных). Он процитировал решение Совета, который «принимая в уважение отлично усердную и полезную службу Бодянского, успешное преподавание им своего предмета в течение пяти лет и ученые труды его», избрал Бодянского в должность профессора.

Попов прокомментировал этот факт: Бодянский получил звание, «хотя и не имел степени доктора по занимаемой им кафедре». Как видим, автономные права университета в период «мрачного» правления Николая I сохранялись.

Последняя группа документов, представленная Поповым, тематически связана с исполнением Бодянским обязанностей секретаря ОИДР при Мос-

ковском университете. Попов без какой либо оценки привел конкретный факт: под редакцией Бодянского вышло 100 книг Чтений (!). Факт, который может поразить любого современного издателя научных текстов.

В 1879 г. уже была известна история с публикацией в ЧОИДР сочинения Флетчера, приведшей к переводу Бодянского в Казанский университет. Попов опубликовал все официальные документы о тех событиях, отложившиеся в университетском архиве. Его комментарий скуп. Бодянского он характеризует как «всегда отличавшегося твердостью в отстаивании, как личных прав, так и всякого рода интересов, ему вверенных». Как известно, упорство Бодянского привело к его возвращению на профессорскую кафедру в Московский университет.

Для характеристики корпоративной этики интересны документы, имеющие отношения к кратковременной службе В. И. Григоровича в Московском университете. Публикация официального письма Совета от 31 марта 1850 г. на имя Григоровича в Казань и его ответа от 20 июня 1850 г. показывают стремление профессоров обособиться от бестактных действий чиновников, высказать собственное мнение о профессиональных достоинствах коллеги и выразить ему «живейшую признательность за дружелюбные, благородные отношения к товарищам». Профессорская корпорация стремилась сгладить конфликт, проявляя тем самым свою независимость от решений властей.

Можно предположить, что московские профессора испытывали чувство вины перед В. И. Григоровичем и позднее. В 1876 г. по инициативе Попова, тогда уже декана историко-филологического факультета, Совет принял решение о вручении Григоровичу звания почетного профессора Московского университета. Отвечая 29 ноября 1876 г., Григорович писал Попову: «Честь, которой удостоили меня члены Совета славнейшего университета, ставлю выше всяческих наград. Знаю, что не заслужил ее, но, имея всегда глубокое уважение к славной Alma Mater, буду усиливаться оправдать столь поощрительное внимание»¹⁵. Григорович скончался 19 декабря 1876 г., а Бодянский – 6 (18) сентября 1877 г.

Остается сожалеть, что занятый другими делами, Н. А. Попов больше не возвращался к биографии слависта О. М. Бодянского и не представил университетские документы с 1850 по 1868 г. Позднее А. А. Титов, купивший архив Бодянского у его вдовы, опубликовал разные материалы для биографии Бодянского, но они не имели характера официальных документов. Таким образом, фундированная статья Попова осталась единственным документальным свидетельством о начальном этапе университетского славяноведения, и, на наш взгляд, требуется ее повторная комментированная публикация.

Примечания

¹ См.: *Кондрашов Н. А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 75–83.

² Осип Максимович Бодянский [Некролог] // Русская старина. 1879. № 5. С. 205–218.

³ *Попов Н. А.* Осип Максимович Бодянский в 1831–1849 годах // Русская старина. 1879. № 11. С. 461–480. Далее в тексте приведены цитаты из этой работы.

⁴ См.: *Воробьева И. Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов: Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999.

⁵ *Каменский А. Б., Шохин Л. И.* Об участии Н. А. Попова в подготовке издания сочинений В. Н. Татищева // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 185.

⁶ *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – в начале XX века. М., 1997. С. 65. В настоящем сборнике представлена статья Л. М. Аржаковой, анализирующая тексты лекций Бодянского по истории Польши.

⁷ *Кочубинский А. А.* Из моих воспоминаний // Новороссийский телеграф. 1892. № 5324. 3 января.

⁸ В упомянутых воспоминаниях А. А. Кочубинского сказано о тех днях: «Бодянский, обиженный, не выходил. Леонтьев и Катков для гостей были мало полезны, как и Дювернуа. Один Попов поспевал всюду и вывозил всех».

⁹ См.: *Ишутин В. В.* Славянская проблематика в научных заседаниях ОИДР при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848) // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984. С. 108–110.

¹⁰ *Попов Н. А.* История Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1884.

¹¹ См.: НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 5. № 28. Л. 1.

¹² См.: НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 5. № 28. Л. 4.

¹³ См., к примеру: Советская историческая энциклопедия. 1962. Т. 2. С. 515.

¹⁴ См.: *Лантева Л. П.* Указ. соч. С. 42.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 7. № 49.

О. Н. Хохлова (Тверь)

О. М. Бодянский и А. А. Майков: к вопросу о взаимоотношениях в университетской среде

В начале XXI в., когда идут мучительные и подчас болезненные поиски новой образовательной парадигмы, когда рыночные отношения создают дополнительные трудности в развитии университетской и академической науки, новое звучание приобретают вопросы межличностного взаимодействия в преподавательской среде. Процесс коммуникации, налаживания толерантных отношений в научном сообществе играют далеко не последнюю роль в становлении и развитии научных школ, деятельности образовательных учреждений. В данной связи пример длительных отношений между А. А. Майковым и О. М. Бодянским представляется достаточно показательным для второй половины XIX в.

Встреча О. М. Бодянского с А. А. Майковым произошла в период обучения последнего в Московском университете. Из всех профессоров, преподававших в 40-х гг. позапрошлого столетия на историко-филологическом факультете, Бодянский оказал на Майкова наибольшее влияние. Под его руководством Майков выполнил ряд письменных работ, в частности филологический разбор песни «Честмир и Вацлав», «Племенное и язычное отношение хорватов к сербам», «Литературные сношения чехов со словаками»¹ и др. Майков, вспоминая годы студенчества, писал редактору «Беседы» С. А. Юрьеву о том, что четыре года он усиленно читал, чтобы приобрести фактические знания, без которых немислима самостоятельная научная деятельность². Большую помощь своему способному ученику О. М. Бодянский оказывал во время работы над магистерской диссертацией: они обменивались литературой на сербском языке, вместе с десяти часов утра «работали над памятниками»³. Бодянский, отличавшийся огромной работоспособностью, советовал молодому ученому любое свободное время «употреблять на знакомство с памятниками..., находящимися в публичной библиотеке», а порой присылал длинные списки источников и литературы (до 70 наименований!) с указанием их местонахождения⁴.

Некоторые отрывочные сведения из источников позволяют сделать вывод о том, что уже в начале 1850-х гг. их отношения переросли рамки научных

дискурсов. В частности, А. А. Майков присылал своему учителю билеты на концерты, а тот, в свою очередь, поручал ученику переписывать статьи цензурного характера, что свидетельствует о том, что А. А. Майков наряду с К. С. Аксаковым и П. И. Бартеневым входил в число особо доверенных лиц Бодянского⁵.

Диссертационное сочинение А. А. Майкова «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа» было закончено в марте 1857 г. и вызвало ряд негативных откликов. Так, на предварительном обсуждении декан факультета С. М. Соловьев указал, что «первая половина сочинения, содержащая историю сербского народа, по грамотам, находится вне пределов темы, утвержденной факультетским Советом и потому не может быть допущена к публичному защищению. Что касается второй половины, то она содержит историю сербского языка только в этимологическом отношении, ибо о синтаксисе автор не говорит»⁶. И. И. Срезневский в принципе согласился с такой оценкой филологической части диссертации. В письме А. А. Майкову от 9 июля 1857 г. Он писал: «Я жалею, что тяжело добираться до Ваших лингвистико-исторических убеждений и что Вы не обратили... внимания на лексическую сторону сербского языка»⁷. Годом позже Срезневский пояснил, почему считает вторую часть диссертации А. А. Майкова незаконченной: автор «ограничился лишь корилловскими памятниками, оставив в стороне глаголические, не коснувшись лексики, соотношения славянского языка с другими языками», а обозрение памятников во введении «составлено превосходно»⁸.

О. М. Бодянский сумел отстоять труд своего ученика, превратив недостатки, указанные оппонентами, в достоинства. Свои аргументы он повторил на защите диссертации: «...выводы, к которым пришел он (Майков. – О. Х.), с одной стороны совершенная новость, подарок, а с другой, – и прежде является в ином, не менее неожиданном виде... самостоятельность произведения обязана... счастливому соединению исторического и филологического способов исследования... Если бы наши любители и почитатели родного придерживались этого пути, нет сомнения в том, что наука от такого совмещения... двух областей донныне пока разрозненных между собою и чуть не враждебных, только выиграла бы»⁹.

Трудно заподозрить О. М. Бодянского в субъективизме по отношению к труду своего ученика. Ему не было свойственно допускать к защите не доведенные до должного научного уровня магистерские диссертации. Он позволил себе такую слабость только один раз – в октябре 1853 г. На защите диссертации А. Ф. Гильфердинга «Об отношении славянского языка к родственным»

и «дал слово никогда не делать подобного послабления никому»¹⁰. Из дневника О. М. Бодянского можно понять, как профессор готовил своих магистрантов к защите основных научных положений: «рубить направо и налево», «новостью озадачивать», не падать в случае нужды и авторитета руководителя. Он считал неблагородным «уничтожать» соискателя на публичной защите: «...разве может быть сомнение в превосходстве учителя над только что вышедшим учеником?»¹¹. Бодянский считал своим долгом поддерживать начинающих исследователей, решивших посвятить себя славяноведению как комплексной дисциплине.

Немаловажную роль в сближении А. А. Майкова и О. М. Бодянского сыграли их черты характера. Судя по воспоминаниям и письмам современников, Бодянский отличался принципиальностью и прямоотой. Это обостряло отношения в университетской среде. Еще в 1848 г. против него начались «гонения», спровоцированные С. П. Шевыревым, «которому в последнее время много доставалось от О. М. Бодянского»¹². Если разногласия Бодянского с Шевыревым можно объяснить различием политических взглядов (Шевырев оправдывал усиление цензуры над деятельностью научных обществ), то его конфликт с В. В. Макушевым возник на бытовой почве. Макушев присвоил деньги за книги и рукописи, присланные Бодянскому из Дубровника. «Я вырвал (их), – писал О. М. Бодянский В. И. Ламанскому в 1867 г., – только спустя два года, уличивши его неопровержимыми уликами в воровстве, мошенничестве и грозя в противном случае опубликованием... Вот ведь будет наказание для славянских кафедр, если только правда, что его прочат на место Григоровича»¹³. Сложные отношения между преподавателями, существовавшие в конце 50-х гг. на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвали, видимо, у Бодянского желание сделать А. А. Майкова не только своим учеником, но и коллегой по кафедре.

После увольнения С. П. Шевырева на кафедре русского языка образовалась вакансия, на которую претендовали Н. С. Тихонравов и А. А. Майков. О. М. Бодянский, будучи наставником обоих, отдал предпочтение последнему.

В прошении факультету от 8 августа 1857 г. он так обосновал свой выбор: Майков «одинаково сведущ в русском языке и его как древней, так и новой литературе, доказательством чего выступает работа «О современном романе», написанная по окончании университета. Главным преимуществом Майкова являются его десятилетние научные изыскания» в области славистики. Тихонравов «обладает только теми познаниями, которые он вынес из университета, а этого в наше время мало для профессора... Чтобы приобрести эти знания, мало одного желания. Нужны возможность и время. Этого не будет иметь

Тихонравов», вынужденный совмещать преподавательскую деятельность с написанием магистерской диссертации. К тому же, подчеркивал Бодянский, доверие студентов к преподавателю, который сам только начинает осваивать науку, невелико¹⁴. При обсуждении 12 октября 1859 г. вопроса о создании резерва преподавателей О. М. Бодянский вновь предложил магистра А. А. Майкова в качестве лица, «специально себя приготавливающего и наиболее способного» к преподаванию дисциплин по кафедре славянских наречий¹⁵. Интересно, что в протоколе заседания сохранилась едва заметная приписка: «... если только он примет такое предложение», которая свидетельствует о том, что преподавательская деятельность для самого Майкова не была голубой мечтой.

Однако, казалось бы, веские и логичные аргументы Бодянского не оказали влияния на ситуацию. Одним из контраргументов сторонников Н. С. Тихонравова, среди которых были профессора Ф. И. Буслаев, И. К. Бабет, С. М. Соловьев, являлся тезис о том, что работа Майкова на кафедре русской словесности идет вразрез его научным интересам. Ему предложили пройти научную стажировку за границей. Таким образом, О. М. Бодянский и А. А. Майков оказались в эпицентре проблемы, которая остается актуальной до сих пор: обязательно ли для университетского преподавателя соответствие его научного профиля и преподаваемой учебной дисциплины; существует ли прямая зависимость между научными заслугами лектора и эффективностью его педагогических усилий?

Результаты голосования – пять голосов против одного – оказались в пользу адъюнкта кафедры педагогики Н. С. Тихонравова. Причиной такого исхода О. М. Бодянский посчитал личную неприязнь к нему ректора, с которым у него «были столкновения»¹⁶. Неудача не остановила О. М. Бодянского. Он идет на прием к попечителю университета, однако склонить его к определенному решению не удалось. Всю осень Бодянский пишет многочисленные прошения, записывается на приемы к влиятельным лицам, параллельно с научными беседами обсуждает с Майковым проблему его трудоустройства, называя ее «Вашим и нашим делом». Наилучшим вариантом, по его мнению, было бы представление права выбора министру народного просвещения, так как, «по слухам, министр склонен отдать предпочтение Майкову».

В ноябре 1857 г. А. А. Майков был зачислен в штат преподавателей на должность адъюнкта кафедры русской словесности¹⁷. О. М. Бодянский поздравил ученика с победой и помог определить ему круг источников для дальнейших исследований. Во вступительной лекции, прочитанной 20 января 1858 г.,

Майков вслед за Бодянским подчеркнул значение сравнительно-исторического метода для развития языкознания, а также необходимости связи науки с современностью: «Наука... должна быть живою, вызывая и разрешая в слове жизненные вопросы общества»¹⁸.

Подход А. А. Майкова к содержанию вузовских лекций был специфичен: основное внимание он уделял не анализу сюжетов произведений русской литературы XVIII в., а общефилософским размышлениям о соотношении природы и общества, материального и духовного начал в истории человечества, взаимодействии философии и истории. Судя по сохранившимся конспектам лекций, тексты Майкова не отличались лаконичностью и структурированностью¹⁹. Это привело студентов к отказу от посещения лекций молодого преподавателя. Не смотря на то, что декан факультета С. М. Соловьев вернул студентов в аудиторию, Майков решил покинуть стены вуза и погрузиться в общественную деятельность. Вся его дальнейшая биография будет связана с исполнением организаторских функций во Владимирском комитете по подготовке реформы отмены крепостного права, управлении императорскими театрами, Обществе по защите авторских прав театральные писателей и композиторов. Современники подчеркивали его энергию, отзывчивость, предприимательский дух²⁰. Эти обстоятельства позволяют предположить, что сам приход Майкова на кафедру был вызван не его желанием посвятить себя преподаванию, а стремлением О. М. Бодянского пополнить за счет него ряды сторонников в университете. А. А. Майков, как благодарный ученик, не мог отвергнуть предложение своего наставника.

После увольнения из университета Майков стал встречаться в Бодянским реже, но не прервал отношений. В начале 1870-х гг. он стал верным единомышленником бывшего научного руководителя в борьбе против педагогической рутины в российских университетах. Мысли А. А. Майкова во многом перекликались с идеями О. М. Бодянского, высказанные десятилетием раньше²¹. Это обстоятельство позволило в течение ряда лет считать автором статьи «Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни университета» О. М. Бодянского²². Между тем из его письма Майкову от 26 мая 1873 г. следует, что авторству Бодянского принадлежит лишь первая часть названия: «Предлог, почему не помещена статья *Ваша* в майской книжке «Отечественных записок» глуп донельзя и потому надлежит во что бы то ни стало выручить ее поскорее и прислать мне... К моему заглавию, конечно, не дурно присоединить пояснение вроде «Очерк из секретной истории русских университетов», предлагаемое Вами»²³. Статья была опубликована под псевдонимом

К. Муций Сцевола в ЧОИДР, которые редактировал О. М. Бодянский. Появление статьи чуть не привело к распаду Московского общества истории и древностей российских и больно ударило по Бодянскому – члены общества приняли решение не печатать его статьи без предварительного обсуждения. Исходя из этого, можно предположить, что Бодянский не открыл тайну псевдонима, приняв на себя критику за их общие взгляды.

Основные положения статьи касались организации учебного процесса и взаимоотношений вузов с министерством. Майков считал, что в университетах специальные курсы должны преобладать над общими, призывал покончить с практикой изучения классических языков через бессмысленную зубрежку мелких правил о частях речи. Он подверг критике предложение о проведении выпускных экзаменов по единой программе, утвержденной в министерстве, так как это позволит выявить только знания студента, а не его владение основными аналитическими операциями: подобные программы делают студентов куклами, начиненными зазубренными фразами, чужими мыслями, убивают в них самостоятельность суждений²⁴. Не меньший вред делу образования, по мнению А. А. Майкова и О. М. Бодянского, наносило бесконечное изменение программ и учебников, так как изменения в абсолютном большинстве случаев не имели принципиального значения, а являлись следствием слепого подражания зарубежной практике. Особое возмущение славистов вызвало наступление бюрократии на права университетов, в том числе прямое вмешательство в формирование кадрового состава кафедр. У преподавателей, заручившихся поддержкой влиятельных чиновников, не возникало осложнений с получением должности и докторских степеней, так как Совет университета присуждал их без защиты диссертации. В другой статье А. А. Майков с негодованием писал о поощрении в университетах лицемерия, шпионства и доносов²⁵. Возможно, в этих статьях содержался намек на обстоятельства, при которых был забаллотирован на очередных выборах О. М. Бодянский.

А. А. Майков до конца жизни сохранил глубокое уважение к О. М. Бодянскому как ученому с энциклопедическими знаниями: «Бодянский в равной степени обладал знанием древней русской истории и славянских наречий, литературы и истории славянских народов... трудно найти человека, который успешно совместил в своем лице эти две громадные отрасли знания»²⁶. Отношения с семьей научного наставника не прекратились и после смерти Бодянского. Зная о сложном материальном положении вдовы, Майков хлопотал о продаже библиотеки выдающегося слависта, обсуждал возможность назначения ей пенсии²⁷.

Таким образом, во взаимоотношениях О. М. Бодянского и А. А. Майкова отразилась вся палитра взаимодействий в университетской среде: механизм формирования научной школы, взаимосвязь научных конфликтов и скандалов, имевших политическую основу, роль слухов и протекционизма в формировании кадрового состава преподавателей²⁸. Бодянский и Майков как активные субъекты университетского и научного сообщества, не боялись конфликтов, открыто проявляли свою принципиальную позицию не были склонны к компромиссам. Это в конечном счете привело обоих к исключению из университетской среды.

Примечания

¹ Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 41.

² ЦГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 329, Л. 1.

³ ОР ГНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 217. Л. 2, 9, 10, 24.

⁴ Там же. Л. 40–41.

⁵ Исторический вестник. 1913. № 8. С. 426.

⁶ ОР ГНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 351. Л. 1 об.

⁸ *Срезневский И. И.* Разбор сочинения А. Майкова под заглавием «История сербского языка» // 27-е присуждение утвержденных П.Н. Демидовым наград. 20 мая 1858 г. СПб., 1859. С. 124–126.

⁹ ЖМНП. 1857. № 7. С. 23.

¹⁰ *Кочубинский А. А.* Бодянский в его дневнике // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 523.

¹¹ Там же.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 312. Д. 5. Л. 7–8.

¹³ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 241. Л. 24.

¹⁴ ОР ГНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–5 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 418. Оп. 476. Д. 50. Л. 27 об.

¹⁶ Там же. Л. 23 об.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 178. Д. 457. Л. 1 об.

¹⁸ Вступительная лекция адъюнкт-профессора русской словесности г. Майкова, читанная 20 января 1858 г. Отдельный оттиск. М., 1858. С. 14.

¹⁹ ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 85.

²⁰ См., напр.: *Ламанский В. И.* Некролог на смерть Майкова // Известия Академии наук. 1903. Т. 18. № 31. С. 19; *Полиевктов М. А.* А. Майков // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1902. С. 25.

²¹ *Бодянский О. М.* Замечания на проект общего устава императорских университетов // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. С. 217–242; *Он же.* Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета // ЧОИДР. 1862. Кн. 3. С. 179–205; Отдельное мнение профессора Бодянского по вопросам, касающимся штатных преподавателей университета по уставу 1863 года // Московские университетские известия. 1867. № 37. С. 417–420.

²² *Кондрашов Н. А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 48–49.

²³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 28. Д. 210. Л. 9 об.

²⁴ *Муций Сцевола.* Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета // ЧОИДР. 1873. № 1. С. 314.

²⁵ *Майков А. А.* Наши педагоги // Отечественные записки. 1873. № 10. С. 179.

²⁶ ЧОИДР. 1878. Январь–март. Кн. 1. С. XI.

²⁷ ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 272. Л. 6.

²⁸ См.: *Свешников А. В.* «Вот вам и история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: Историкографический сб. Вып. 1. Омск, 2005. С. 231–262.

Е. А. Макарова (Тверь)

Письма П. А. Лавровского к О. М. Бодянскому: источниковедческий аспект

История отечественного славяноведения как на уровне обобщений, так и в частных сюжетах и персоналиях, привлекала к себе внимание российских ученых уже во второй половине XIX в. На страницах научной периодики стали появляться статьи, некрологи, биографические очерки, посвященные деятельности научных центров и отдельных ученых. По большей части, за редкими исключениями, эти работы были лишены справочно-библиографического аппарата, указаний на источниковую базу, послужившую для их написания. Тем не менее, уже тогда в научном сообществе формируется понимание того, что изучение истории науки должно опираться на столь же прочную источниковую основу, как и любое другое гуманитарное исследование. Свидетельством тому могут служить достаточно многочисленные публикации источников по истории славяноведения, которые были осуществлены во второй половине XIX – начале XX в.

Существенной чертой мира науки XIX в. были научные контакты, общение ученых, которое проходило как в личной форме, так и посредством переписки. Это подтверждает огромное число эпистолярных комплексов, сохранившихся в фондах ученых. Письма ученых друг другу являются одним из самых информативных источников, позволяющих взглянуть на мир науки «изнутри», глазами самих ученых. Источники личного происхождения, к которым относится переписка ученых, отличаются полифоничностью содержания, что значительно расширяет их возможности для исследования самых разнообразных процессов, происходивших в научной среде. Письма ученых стали непосредственным «материальным» выражением внутри- и межгрупповых контактов, присущих социальной общности на определенном этапе ее развития, это наделяет эпистолярные источники особой ценностью с точки зрения изучения сознания социальной группы, к которой принадлежат авторы писем. В частном письме автор сообщает не только об обстоятельствах своей научной и служебной деятельности, фактах своей биографии, но и раскрывает свойства своей личности, что также представляет несомненный интерес для исследователя. Не удивительно, что переписка ученых попала в поле зрения исследователей и сразу стала объектом публикации и изучения.

Выдающийся российский славист О. М. Бодянский (1808–1877) вел оживленную переписку с целым рядом отечественных и зарубежных ученых. Письма Бодянского являются ценным источником по истории научных контактов, истории высшей школы, научных обществ, жизни и творчества отдельных деятелей науки. Большинство личных писем ученого отложилось в фондах его корреспондентов. Как известно, после смерти ученого его личный фонд был разрознен. Андрей Александрович Титов (1844–1911) – член Общества истории и древностей российских, собиратель и издатель рукописных памятников, а также материалов из архивов ученых-славистов – приобрел собрание рукописей и личные бумаги О. М. Бодянского. Часть этих материалов он опубликовал, в том числе и письма крупного специалиста по славянскому языкознанию, истории и литературе славян Петра Алексеича Лавровского, с которым Бодянский долгие годы состоял в активной переписке¹.

Петр Алексеич Лавровский (1827–1886) происходил из семьи сельского священника. Образование он получил в Санкт-Петербургском Главном педагогическом институте (1842–1851) и был одним из самых способных учеников И. И. Срезневского, под влиянием которого увлекся славяноведением. По рекомендации Срезневского в 1851 г. П. А. Лавровский возглавил кафедру славянских наречий в Харьковском университете. Вскоре он защитил магистерскую диссертацию «О языке северных русских летописей» (1852), а затем и докторскую диссертацию «Исследование о летописи Иоакимовской» (1855), тогда же он получил звание профессора. Лавровский стремился привлечь внимание молодежи к проблемам истории и культуры славян, среди его учеников были крупные ученые А. А. Потебня, М. А. Колосов. В 1859–1860 гг. Лавровский совершил путешествие по славянским землям, итогом которого стали новые научные труды и лекционные курсы. В 1869 г. П. А. Лавровский был назначен ректором Варшавского университета (до 1872 г.), позднее был попечителем Оренбургского и Одесского учебных округов. Он являлся членом-корреспондентом Академии наук и Югославянской академии наук и искусств в Загребе.

Научная биография П. А. Лавровского в существующей историографии воссоздана в самых общих чертах и по сей день нуждается в серьезном исследовании². Для подобной лакуны есть свои причины, и одной из главных можно назвать то, что архив П. А. Лавровского разрознен и частично утрачен. Известно, что многие работы П. А. Лавровского остались незавершенными и хранились в личном архиве ученого, там же хранился его личный дневник, письма коллег. Попытки отыскать следы архива делались еще в начале XX в. Родственник Лавровского К. Я. Грот в 1927 г. пытался разыскать архив, предположительно оставшийся у сына Петра Лавровского Арсения Петровича Кадлу-

бовского, который также стал славистом, преподавал в Нежинском историко-филологическом институте, в Харьковском университете, позднее он переехал в Симферополь³. В письме к коллеге Грот писал: «А теперь позвольте Вас попросить осведомить меня вот о чем. Что случилось с бумагами и рукописными материалами умершего у вас в Симферополе в кровавые годы революционной войны Арс. П. Кадлубовского? Не сохранились ли они в вашем бывшем Университетском архиве или не знаете что об их судьбе... Меня интересует главным образом то, не хранил ли у себя А. П. Кадлубовский бумаг своего отца П. А. Лавровского и дяди Ник. Ал. Лавровского? Ибо иначе куда бы девались рукописи, по крайней мере, Петра Алексеевича? Ведь тут могли быть интересные вещи, например, дневник, который он, говорят, вел»⁴. Ответ коллеги не порадовал Грота: «Очень благодарю Вас за справку и сообщение того, что Вы узнали относительно бумаг А. П. Кадлубовского. Очевидно в пережитые тяжелые годы, при частых перемещениях местожительства, ему не удалось сохранить свои рукописные материалы и бумаги, в том числе рукописное наследие его отца, если только он не успел передать в какое-нибудь книгохранилище или архив⁵. К. Я. Грот надеялся, что пропавший архив, возможно, уцелел и со временем обнаружится, но и по сей день судьба личного архива П. А. Лавровского не известна. Поэтому все сохранившиеся источники об ученом представляют большой интерес, в том числе и опубликованные А. А. Титовым письма Лавровского к Бодянскому. К сожалению, ответная корреспонденция Бодянского, очевидно находившаяся в фонде Лавровского, до сих пор не выявлена, и, вероятно, утрачена, однако переписка – это диалог, и наличие писем даже одного корреспондента позволяет получить информацию о двух авторах.

А. А. Титов опубликовал 21 письмо П. А. Лавровского. Первое письмо датировано 22 ноября 1851 г., последнее – 12 октября 1876 г., т. е. переписка охватывает 25 лет. Судя по содержанию писем, это – не весь существовавший комплекс. Возможно, первое письмо, отправленное Лавровским из Харькова, действительно открывает переписку, поскольку автор, по приезде в Харьковский университет, вспоминает обстоятельства знакомства с корреспондентом и сообщает о данном обещании писать ему. В дальнейшем текст писем и значительные интервалы между ними позволяют предположить, что часть их была утрачена. Об этом свидетельствуют и некоторые замечания Лавровского, к примеру, в последнем опубликованном письме от 12 октября 1876 г. он сообщает: «4 октября проводили мы начальство, и я мог спокойно заболеть и пролежать целую неделю. Вот вам и причина моей необычной неисправности в корреспонденции»⁶. Судя по этим словам, переписка носила частый

и регулярный характер. Отношения славистов поддерживались не только посредством писем, они встречались и лично, во время поездок Лавровский всегда старался заехать к Бодянскому в Москву, об этих встречах неоднократно упоминается в тексте писем.

По хронологии и содержанию письма можно разделить на несколько групп. Первая включает 10 писем, датируемых 1851–1855 гг., отправленных за исключением одного из Харькова. Судя по всему, переписка продолжалась, однако в публикации она не представлена, и образовался интервал в 3 года. В этой группе писем Лавровский сообщает в основном о своей работе в Харьковском университете, своих научных трудах, оценивает уровень преподавания в провинциальном вузе, дает характеристики коллегам и студентам.

Другая группа включает 8 писем: четыре, отправленных Лавровским из Харькова в 1858 г., два (1860–1861 гг.) – из-за границы во время научной командировки и два – от 1861 г. из Харькова. Содержание писем позволяет предположить, что письма этой группы представлены в публикации в полном составе, поскольку автор сам объясняет интервалы в переписке различными обстоятельствами. В харьковских письмах Лавровский сообщает Бодянскому о значительных проблемах, научных и служебных, с которыми он сталкивался в это время, о его желании покинуть Харьков и найти новое место работы. Письма из славянских земель имеют совсем иной характер, они напоминают научные отчеты о работе автора, итогами которых он спешит поделиться с коллегой.

И, наконец, третья группа включает три письма, написанные из различных мест с большими интервалами: одно – из Харькова в 1869 г., второе – из Санкт-Петербурга в 1874 г., третье – из Оренбурга в 1876 г. Есть все основания считать, что переписка между корреспондентами не прерывалась, и существовали и другие письма, не вошедшие в публикацию. Вероятно, они не попали к А. А. Титову, поскольку ни его предисловие к публикации, ни ее структура не свидетельствуют о каком либо отборе материала для издания, очевидно, он опубликовал все имевшиеся у него письма. Кроме того, и в предисловии Титов упоминает, что за последние годы жизни Лавровского у него сохранилось лишь два письма (20 и 21).

В публикации текстам писем предшествует предисловие, в котором А. А. Титов косвенным образом объясняет, что послужило поводом для издания писем П. А. Лавровского, а именно – смерть ученого в 1886 г. Судя по дате предисловия, публикация и была подготовлена в апреле 1886 г., через полтора месяца после смерти ученого. Титов с незначительными неточностями перечисляет основные вехи жизни Лавровского, синхронизируя и иллюстрируя их

содержанием писем. Одновременно он оценивает информативные возможности некоторых писем. К недостаткам публикации можно отнести то, что издатель не указал место хранения рукописей и общее состояние фонда Бодянского, из которого были извлечены письма. Не объяснены и приемы передачи текста писем, к примеру, некоторые слова в текстах выделены курсивом, но принцип выделения не пояснен.

Далее следуют тексты писем. Письма расположены строго в хронологическом порядке, они пронумерованы издателем. Большинство писем имеют двойную дату – авторскую и дату получения письма адресатом. Некоторые письма снабжены подстрочными примечаниями, как текстуальными, раскрывающими сокращенные фамилии, инициалы и т. п., так и комментариями к тексту, к примеру, приводятся списки попечителей Харьковского университета за годы службы в нем Лавровского. В целом следует высоко оценить публикацию, подготовленную А. А. Титовым, она соответствует уровню развития археографии того времени.

Письма П. А. Лавровского к О. М. Бодянскому по форме и целевому назначению можно отнести к группе интеллектуально-эмоциональных писем, которые писались, чтобы сообщить адресату мысли и взгляды автора, его отношение к происходящим событиям. Его письма, с одной стороны, интеллектуально наполнены, с другой – передают его эмоциональное состояние, переживания, чувства. Они свидетельствуют о доверительных и уважительных взаимоотношениях корреспондентов.

Судя по содержанию первого письма, знакомство ученых состоялось в Москве в 1851 г., куда Лавровский заехал, направляясь на полученное им первое место службы в Харьковский университет. Он с благодарностью вспоминает теплый прием, оказанный ему в Москве: «Я неоднократно слышал, что русские московские ученые свято соблюдают древнеславянское гостеприимство, теперь убедился в этом собственным своим опытом; в Москве я прожил двое суток как в родном городе. Ваши подарки драгоценные для меня вдвойне – и как подарки уважаемого мной ученого, и как пособия бесполезные при моих занятиях – стоят на первом месте в скудной моей библиотеке... Благодарю вас... за ваше внимание, за ваши советы, исполненные опытности, которые такгодились мне здесь, в Харькове»⁷.

Знакомство ученых постепенно переросло в прочное многолетнее общение коллег, духовно и интеллектуально близких людей. Сама форма обращений Лавровского к Бодянскому свидетельствует о доверительных и, подчас, неформальных отношениях, в тексте можно встретить фразу: «Обожаемый Осип Максимович»⁸. Для подобных взаимоотношений были основания, судя-

бы Бодянского и Лавровского во многом схожи. Оба были выходцами из небогатых семей провинциальных сельских священников, сходными были и их пути к образованию – через духовные училища. Оба возглавляли кафедры славянской филологии, активно работали со студентами и имели значительную преподавательскую нагрузку. Научные интересы Бодянского и Лавровского также пересекались и в сфере славянского языкознания, и в кирилло-мефодиевской проблематике. Наконец, оба ученых были близки и по общественным и политическим взглядам, склонялись к славянофильским воззрениям. Судя по письмам, Бодянский при знакомстве почувствовал симпатию и интерес к молодому коллеге и искренне стремился помочь ему успешнее влиться в научную и педагогическую среду. Бодянский передал с Лавровским незначительное поручение к бывшему ректору Харьковского университета П. П. Гулак-Артемовскому, что дало возможность молодому ученому представиться старшему коллеге. Позднее Лавровский неоднократно служил посредником в общении Бодянского и Гулак-Артемовского.

Письма свидетельствуют о том, что Бодянский прислал Лавровскому свои труды и научные новинки, в частности в 1855 г. тот получил от автора исследование «О времени происхождения славянских письмен»: «Вы не можете вообразить, в каком я был восторге, когда развернул пакет и вынул из него ваше полновесное творение. Сведение о нем я прочитал уже давно в Московских Ведомостях и думал уже распорядиться выпискою»⁹. Бодянский вообще постоянно помогал пополнять славянскую библиотеку в Харькове, на скудость которой постоянно жаловался Лавровский. В первом же письме он спрашивает совета у Бодянского, какие славянские журналы лучше выписать из-за границы для университета¹⁰, и благодарит его за скорый ответ: «Ваше мнение о библиотеке Варшавской мною принято и на другой же день по получении письма отправлены уже деньги в Варшаву»¹¹.

Обсуждалась в письмах деятельность Бодянского в Обществе истории и древностей российских. Лавровский тепло поздравляет его с возобновлением секретарства в ОИДР в 1857 г. и с тем, что его корреспондент вновь редактирует «Чтения» и благодарит «за те две книжки, которые имел я удовольствие прочитать и порадоваться новым силам воскресших «Чтений»¹². Он отмечает, что благодаря трудам Бодянского «Чтения» опять по старому сделались предметом ожидания ученой публики, как в самом деле много значит человек»¹³. Желание помочь молодому коллеге побудило Бодянского обеспечить его выпусками «Чтений ОИДР». Об этом поступке ученого с большой благодарностью в 1861 г. пишет Лавровский: «Благодаря доброму вниманию вашему я владею всеми Чтениями со времени победоносного вашего возвращения в секретарст-

во Общества. Вполне понимаю, что я не имею права на даровое получение изданий Общества, не принадлежа к нему ни с какой стороны, и ежели надежда моя на продолжение доброго вашего внимания ко мне будет в настоящем случае некоторым посягательством и на вашу доброту и на чужую собственность, в таком случае я охотно внесу следуемые деньги, чтобы только не лишиться дорогого для меня издания»¹⁴.

Содействие Бодянского помогло Лавровскому опубликовать в «Чтениях» ОИДР ряд своих работ¹⁵. Письма Лавровского позволяют проследить путь научных трудов провинциального ученого на страницы «Чтений». Как правило, предлагая исследование для «Чтений», он дает в письме описание своего труда, характеризует его источниковую базу, основные выводы и положения. Особенно подробно излагает Лавровский содержание своей работы, посвященной «Житию князя Лазаря», сербской повести из рукописного сборника XVII в., обнаруженного ученым в библиотеке Общества любителей сербской словесности в Белграде. Он не просто знакомит Бодянского с основными положениями своего труда, но и аргументирует свои выводы, а также отмечает те места в повести, которые «не может объяснить»¹⁶. Надо отметить, что научные советы и отзывы Бодянского имели для его корреспондента большое значение, и он получал от него реальную помощь. Практически в каждом письме Лавровский сообщает о своей текущей научной работе и планах на будущее, конкретных выводах по тому или иному вопросу, просит совета или содействия, даже если исследование предназначено для другого издания. Так, отправив свою статью «О русском полногласии» в «Известия ОРЯС»¹⁷, Лавровский замечает: «Как мне грустно, что я не имел возможности прочесть ее прежде вам. Поверьте, достопочтеннейший Осип Максимович, по крайней мере, в этом деле между всеми русскими учеными я никогда не избрал бы себе судью кроме вас. Но что делать, когда нас отделяет такое громадное пространство. Дай Бог, чтобы хоть поскорее была отпечатана она, и я мог бы узнать ваше мнение. Я почти уверен, что в основном взгляде вы согласитесь со мною, хотя в частности, быть может, и успеете открыть некоторые недостатки и промахи»¹⁸.

Общение с Лавровским, возможно, заставляло Бодянского вносить коррективы и в собственные научные планы. В своих воспоминаниях его ученик А. А. Кочубинский сообщает, что Бодянский поручал ему сделать перевод на русский язык части «Сербского словаря» Вука Караджича¹⁹, однако замысел об издании словаря не осуществился. В. П. Гудков предположил, что Бодянский отказался от издания, зная, что подготовкой сербско-русского словаря занимается П. А. Лавровский²⁰. Прямых указаний на это в письмах Лавров-

ского нет, поскольку годы, когда он работал над словарем, как раз не представлены в комплексе писем.

Зная, что Лавровский часто публикует свои труды в «Известиях ОРЯС», Бодянский предупреждает его о том, что это издание выходит с большими задержками. Лавровский отвечает на это: «Меня изумило уведомление ваше о неисправности Российской академии наук; я до сих пор был такого мнения, что подобная неисправность касается только Харькова и других отдаленных местностей: после вашего письма частью мнение должно обобщиться и привести в недоумение относительно самого выхода издания. Известия давно уже заставляют посматривать на себя недружелюбно и крайне сомневаться в точности своего появления, хотя и не могу придумать достаточно для того причины. Кажется, в материалах недостатка быть не должно»²¹.

Лавровский в письмах постоянно обращается к Бодянскому с различными просьбами, что свидетельствует о большой отзывчивости и обязательности его корреспондента в этом отношении. Это и присылка книг, и поручения к московским коллегам и издателям. Так, в кратком письме из Праги он присылает свой некролог о чешском ученом В. Ганке: «Вы, разумеется, уже знаете о смерти В. В. Ганки, я только что получил о том телеграмму из Праги и невольно написал несколько строк. Желательно, чтобы они поместились в «Московских Ведомостях», чем скорее, тем лучше... Я думаю, что кроме распоряжения, вам не предстоит тут никаких других хлопот»²².

Частым предметом обсуждения в письмах были хлопоты Бодянского о своих учениках и коллегах, для которых он старался найти работу в Харьковском университете. Особенно активно обсуждалась судьба выпускника Московского университета Николая Саввича Тихонравова (1832–1893), в будущем – выдающегося филолога, профессора Московского университета. Дело Тихонравова затянулось, и об этом вопросе Лавровский подробно сообщает в трех письмах²³. В 1853 г. в Харьковском университете освободилось место адъюнкта по кафедре русской литературы. Из текста писем ясно, что Бодянский ходатайствовал за Тихонравова перед ректором, и при этом просил Лавровского извещать его о ходе дела. Оказалось, что попечитель Харьковского университета С. А. Кокошкин продвигал на место адъюнкта своего ставленника «какого-то Беккера»²⁴, в итоге завязалась борьба, в которую были вовлечены ректор Харьковского университета, многие профессора, Министерство народного просвещения. Лавровский также оказался втянут в эти события, хотя это и грозило ему осложнениями по службе. В письмах он выражает горячее сочувствие плану Бодянского, советует ему искать помощи в Петербурге. Поддерживая кандидатуру Тихонравова, Лавровский не только старал-

ся помочь Бодянскому в его намерениях, но и беспокоился о состоянии преподавания в Харькове, он резко критиковал научный и педагогический уровень многих харьковских коллег: «Ради Бога, Осип Максимович, отпустите к нам г. Тихонравова, не дайте занять место одному из здешних и таким образом не погубите русскую словесность в Харькове»²⁵. К тому же он, вероятно, знал Тихонравова лично, они учились в одни годы в Главном педагогическом институте, возможно, встречались в Московском университете, где Тихонравов продолжал свое обучение в 1850–1853 г., Лавровский в письмах через Бодянского передает ему поклоны. Однако хлопоты их не увенчались успехом, Тихонравов остался в Москве, а место в Харькове занял третий человек.

И в последующих письмах не раз обсуждались вопросы о вакансиях в Харьковском университете, Лавровский сообщает о них, очевидно, по просьбе своего корреспондента, характеризует новые состоявшиеся назначения. Так, он в 1869 г. информирует Бодянского о состоявшихся выборах на кафедру церковной истории знакомого Бодянского, члена Общества истории и древностей российских Амфиана Степановича Лебедева (1833–1910), характеризует обстановку и проблемы, с которыми тому придется столкнуться на новом месте, дает советы, как молодому коллеге держать себя в новой обстановке.

Надо отметить, что едва ли не в каждом письме Лавровского содержится информация о положении дел в Харьковском университете, о состоянии преподавания, о настроениях коллег и студентов, интересах провинциального общества. Как правило, Лавровский негативно характеризует свое окружение, дает ироничные и едкие оценки руководству университета, коллегам, жалуется на свои проблемы и сложности жизни профессора провинциального вуза. Эта информация представляет несомненный интерес, однако лежит вне задач данного исследования, но резкие и нелюбезные высказывания Лавровского позволяют предполагать, что и его корреспондент был с ним достаточно откровенен.

Обращает на себя внимание равнодушие корреспондентов к политическим событиям. Хронологические рамки писем очерчивают период, связанный с драматическими обстоятельствами, важнейшими реформами, глубокими переменами, которые приковывали к себе внимание всего российского общества, однако в письмах они практически не обсуждались. События Крымской войны упоминаются лишь однажды, в письме Лавровского от 1 ноября 1855 г., да и то в связи с приездом в Харьков императора Николая I. Тон сообщения свидетельствует о полной благонамеренности автора: «Завтра ждем мы в Харькове Государя Императора, который по всей вероятности остановится здесь, потому что без сомнения пожелает осмотреть больницы раненых. Здесь

в настоящую пору число больных выше четырех тысяч. Умирает весьма немного: с 1 октября по 1 ноября умерло не более 30 человек; самая большая часть, едва ли не больше двух третей, выздоравливает так, что отправляется снова в Крым... К чести наших солдат должно сказать, что неудачи не только не произвели на них ослабляющего нравственного влияния, напротив, возвысили до того их дух, что все без исключения непременно желают идти еще раз бить неприятеля»²⁶.

Отмена крепостного права упоминается лишь в связи с приездом в Харьков императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, о чем Лавровский сообщает в несколько ироничном тоне: «Встреча была изумительно восторженная: народ в течение двух суток не сходил с улиц, и неистово шумное ура не давало покоя ни днем, ни поздно вечером, когда Государыня прогуливалась по великолепно освещенному городу. Едва ли можно объяснить подобный энтузиазм народный, чем иным, кроме всеобщей молвы, что Императрица принимала живое участие в деле освобождения. Так по крайней мере думает народ»²⁷. Подобное замечание объясняется, скорее всего, не его критическим отношением к властям, а резким и язвительным характером Лавровского, который вполне явно проявился в его оценках коллег и харьковской жизни вообще. Вероятно, и Бодянский не обсуждал с коллегой события общественно-политической жизни, иначе следы этого диалога нашли бы свое отражение в текстах писем.

Собираясь в долгожданную научную командировку в славянские земли, Лавровский обращается к Бодянскому: «Я надеюсь, что обожаемый Осип Максимович не откажет мне в некоторых наставлениях и, быть может и в поручениях...»²⁸ Советы и поручения были даны во время личной встречи ученых в Москве, о которой Лавровский вспоминает в следующем письме, отправленном в 1860 г. уже из Праги. Описывая свои поездки, Лавровский сообщает своему корреспонденту: «Имена Погодина, Надеждина, Бодянского, Срезневского и Прейса всюду до сих пор так еще памятны, как будто мое путешествие отделялось от путешествия упомянутых лиц лишь несколькими месяцами... Само собою разумеется, что я не забыл передать точно все ваши поклоны и взамен принял охотно поручение переслать вам приветствие от знакомых вам сербов, хорватов и далматинцев»²⁹.

Письма Лавровского содержат его поклоны и поручения к целому ряду славистов (А. А. Майкову, П. Н. Бессонову и др.), что позволяет определить и окружение Бодянского. Конечно, эти сведения являются лишь небольшими штрихами к его портрету, но подчас и подобная информация позволяет ответить на важные вопросы.

В заключение можно отметить, что письма П. А. Лавровского к О. М. Бодянскому могут служить источником как по истории отечественного славяноведения в целом, так и для изучения его отдельных сюжетов, в частности деятельности О. М. Бодянского, свойств его личности, его отношений с коллегами и учениками, контактов с провинциальными учеными и вузами и т. п.

Современная наука располагает значительным кругом источников по истории славяноведения, как опубликованных, так и архивных, но вряд ли возможно говорить о том, что они позволяют полноценно воссоздать картину развития отечественной славистики во всем ее многообразии. К сожалению, многие архивы не сохранились, документы утрачены, и ряд проблем явно недостаточно обеспечен источниковой базой. Однако существуют и неиспользованные резервы. Если количество источников со временем может быть исчерпано, то информативные возможности введенных в научный оборот источников неисчерпаемы. Они могут быть выявлены с помощью современных источниковедческих методик и использованы для получения нового знания.

Примечания

¹ Письма П. А. Лавровского к О. М. Бодянскому. 1851–1876 // ЧОИДР. 1887. № 1. С. 217–250.

² Макарова Е. А. Слависты Лавровские – уроженцы села Выдропужск. Тверь, 2006.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 38. Д. 53. Письма А. П. Кадлубовского к М. И. Соколову. 1888–1902.

⁴ Цит. по: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 287.

⁵ Письма П. А. Лавровского... С. 288.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Там же. С. 219–220.

⁸ Там же. С. 237.

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Там же. С. 220.

¹¹ Там же. С. 221.

¹² Там же. С. 232.

¹³ Там же. С. 235.

¹⁴ Там же. С. 246.

¹⁵ *Лавровский П. А.* Описание семи рукописей Императорской Санкт-Петербургской Публичной библиотеки // ЧОИДР. 1858. Кн. 4; *Он же.* Житие царя Лазаря. По списку XVII века в библиотеке Общества сербской словесности в Белграде // Там же. 1860. Кн. 2; *Он же.* Стихотворение хорватского поэта Павла Витезовича о Петре Великом // Там же. 1862. Кн. 2; *Он же.* Разбор исследования «О мифическом значении некоторых поверий и обрядов». Сочинение А. Потебни (М., 1865) // Там же. 1866. Кн. 2; *Он же.* Падение Чехии в XVII веке // Там же. 1868. Кн. 2.

¹⁶ Там же. С. 239–242.

¹⁷ *Лавровский П. А.* О русском полногласии // Известия Второго отделения Академии наук. СПб., 1858. Т. VII.

¹⁸ Письма П. А. Лавровского... С. 236.

¹⁹ *Кочубинский А. А.* Автобиографическая записка // *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890.

²⁰ *Гудков В. П.* Фрагменты Караджичианы // Советское славяноведение. 1987. № 4. С. 107.

²¹ Письма П. А. Лавровского... С. 234–235.

²² Там же. С. 244.

²³ Там же. С. 223–227.

²⁴ Там же. С. 224.

²⁵ Там же. С. 225.

²⁶ Там же. С. 231–232.

²⁷ Там же. С. 246.

²⁸ Там же. С. 237.

²⁹ Там же. С. 239.

Л. В. Юрченкова (Москва)

О. М. Бодянский и ученики: А. А. Кочубинский

О. М. Бодянский открыл путь в науку многим славистам, слушателями его лекций в московском университете были многие впоследствии выдающиеся ученые. В литературе к младшему поколению учеников О. М. Бодянского, наряду с А. А. Котляревским и М. С. Дриновым, относят и А. А. Кочубинского. Как отмечает Л. П. Лаптева в ряде своих исследований по истории отечественного славяноведения «за четверть века преподавательской деятельности в Московском университете Бодянский создал школу славистов. К его школе можно отнести Е. П. Новикова, А. С. Клеванова, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Майкова – старшее поколение, А. А. Кочубинского, А. А. Котляревского, А. Л. Дювернуа, М. С. Дринова, П. А. Бессонова – младшее поколение». Все вышеперечисленные ученые прошли курс славяноведения у О. М. Бодянского в Московском университете, и стали в дальнейшем профессиональными славистами и обогатили отечественное славяноведение своими научными трудами.

А. А. Кочубинский (1845–1907), профессор Императорского Новороссийского университета, оставил весомое наследие по многим отраслям славистики. Ему принадлежат труды по истории славяноведения в России, по исторической географии, этнографии, славянскому языкознанию и другим дисциплинам. Но если в целом труды ученого являются достижением русского славяноведения последней четверти XIX в., то отдельные части его творчества неравноценны: некоторые его работы представляют большой интерес и в настоящее время, тогда как другие были новым словом в науке лишь в момент их появления и сейчас безнадежно устарели.

А. А. Кочубинский родился в Кишиневе 22 октября 1845 г. в семье священника семинарии Александра Михайловича Кочубинского. Его мать, Елена Лукинична Пламенко происходила из семьи военного¹. В 1847 г. после перевода А. М. Кочубинского в Аккерман, с ним переехала и его семья.

Сначала А. А. Кочубинский обучался дома, затем, с 1854 г. по 1857 г. в Аккерманском уездном училище, которое закончил с наградами, с 1857 г. в гимназии при Ришельевском лицее в Одессе. Обучаясь в гимназии, он жил в семье Козловых–Сухомлиновых и занимался воспитанием и обучением их детей. Гимназию он закончил в 1863 г. с золотой медалью².

В этом же году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета³. В это время деканом факультета был С. М. Соловьев, историю литературы преподавал профессор Ф. И. Буслаев, славянские наречия и историю славян – проф. О. М. Бодянский, историю Средней Европы – и. д. адъюнкта Н. А. Попов, русскую историю – профессор С. М. Соловьев, историю русской литературы – и. д. адъюнкта Н. С. Тихонравов⁴.

Курс университета А. А. Кочубинский закончил в 1867 г., получив звание кандидата за сочинение «Сношение румунов и южных славян с Россией при Петре Великом».

Об этой работе слависта О. М. Бодянский отозвался следующим образом: «Нахожу работу вполне удовлетворяющей тем требованиям, которые необходимы для получения степени кандидата университета, так как она основывается на непосредственном знакомстве с источниками и пособиями избранного предмета, обличает умение пользоваться существенным, располагать материалы в стройном порядке и соотношении, показывает верный взгляд и суждение, а также замечательную способность излагать чистым русским языком»⁵.

Однокурсниками А. А. Кочубинского были М. С. Дринов, Л. Каравелов, первый премьер-министр Болгарии, один из основателей и лидеров Либеральной партии⁶.

По окончании университета А. А. Кочубинский как казеннокоштный стипендиат, должен был два года служить преподавателем в гимназии и был направлен во Владимир на Клязьме учителем русской словесности⁷.

А. А. Кочубинского относят к младшему поколению учеников О. М. Бодянского, вместе с А. А. Котляревским и М. С. Дриновым. Однако, будучи студентом, А. А. Кочубинский был очень строг к своему учителю и отмечал, что «Бодянский был неинтересен. Сама живая речь Бодянского была ужасна: какой-то винегрет из славянских языков. Еще ужаснее была его неславянская речь, например, его французский язык с комическим семинарским произношением. Однажды он читал французский декрет маршала Мармона об уничтожении Дубровницкой республики. Все хохотали...» Однако, в тех же воспоминаниях славист подчеркивал: «Но Бодянский был отменно полезен на практических занятиях, при преподавании славянских языков. Я хорошо познакомился с сербским языком, с песнями Караджича; но от теоретических курсов все бегали».

Обращаясь в воспоминаниях и письмах к годам учебы в Московском университете, А. А. Кочубинский писал, что наибольшее влияние на выбор направления его научных интересов оказал Нил Александрович Попов (1833–1891). Н. А. Попов тогда только что вернувшийся из поездки по славянским

странам «перевез с собой живой славянский мир в Москву и пустил его в наше обращение».

В своей автобиографической записке А. А. Кочубинский заметил, что «он из почти готового пойти по дороге классика студента обращался в слависта среди славянских книг, бесед о славянстве, его прошлом и настоящем»⁸.

В 1868 г. А. А. Кочубинский был переведен в Одесскую вторую гимназию. В это время он состоял членом-благотворителем Славянского комитета в Москве и был одним из деятельных участников в организации Славянского благотворительного общества в Одессе в 1869 г.⁹

В 1869 г. А. А. Кочубинский был командирован Попечителем Одесского учебного округа на три месяца в Австрию и Пруссию с целью «посмотреть, как идет преподавание немецкого языка и словесности в гимназиях»¹⁰. Однако параллельно ученый планировал использовать эту командировку «для ознакомления со славянскими землями», «заняться собиранием книг, материалов, приглядываться к нации славянской», что благополучно и осуществил, «пропутешествовав по славянским землям Австрии»¹¹.

В апреле 1871 г. на историко-филологическом факультете Императорского Новороссийского университета А. А. Кочубинский сдал устный и письменный экзамены на степень магистра славянской словесности и начал работу над магистерской диссертацией по теме «Турецко-польская война 1621 года и ее выражение в славянских литературах», планируя завершение ее к весне 1873 г.¹²

По представлению В. И. Григоровича 4 октября 1871 г. он был избран Советом Императорского Новороссийского университета исправляющим должность доцента по кафедре славянских наречий историко-филологического факультета, а в декабре 1872 г. был утвержден в этой должности Министерством народного просвещения. Свою вступительную лекцию по теме «Славянские наречия и сравнительное языкознание» он прочел в первой половине ноября 1871 г.¹³

В ходе работы над магистерской диссертацией А. А. Кочубинский дважды изменял тему. Сначала, в феврале 1872 г., он решил работать над темой о южнославянской литературе XVI в. Затем, как показывают его письма к русским ученым, его интересы к концу 1872 г. переключаются на религиозную борьбу в Чехии в XVII–XVIII вв., на орден иезуитов и деятельность Коньяша¹⁴.

В результате, 28 октября 1873 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Братья-подбои и чешские католики в начале 17 века». Оппонентами выступали В. И. Григорович и Ф. К. Брун. В письмах А. А. Кочубинского к Н. А. Попову приводится любопытное описание хода защиты: В. И. Григо-

рович, по словам Кочубинского, «был лют, как зверь дикий, рычал, кричал, обозвал меня иезуитом, еретиком, иезуитским летописцем», выступление Ф. К. Бруна «было мирного свойства», но в целом, «диспут окончился благополучно»¹⁵.

В фондах Отдела рукописей РГБ имеется экземпляр выступления В. И. Григоровича на защите диссертации А. А. Кочубинского, на основании которого можно судить, что, вероятно, форма выступления оказала на испытуемого большее впечатление, чем его содержание, так как критика отдельных сторон сочинения магистранта в целом перекрывалась в речи В. И. Григоровича общей высокой оценкой и его личных качеств и его сочинения. Им отмечалось, что «в состязании я встретился с соперником, который умеет постоять за себя, ...мои возражения могли быть слишком придирчивы, но не могут отрицать и достоинства труда. В завершении речи В. И. Григорович предложил «удостоить Кочубинского степени магистра»¹⁶.

В 1874 г. А. А. Кочубинский был утвержден в должности доцента кафедры славянских наречий историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета.

В течение всей своей научной деятельности ученый не раз командировался в славянские страны, одной из самых плодотворных стала его поездка 1874–1876 гг. «для подготовки к профессорскому званию»¹⁷.

В отзыве И. И. Срезневского на план предполагаемой поездки, представленный А. А. Кочубинским в Министерство народного просвещения, говорилось, что «этот молодой ученый (лично мне не известный) достоин покровительства министерства и доброго отзыва»¹⁸. В подготовке этого плана слависту большую помощь оказал В. И. Григорович¹⁹.

Отчеты о поездке ученого рассматривались раз в полгода на заседаниях Ученого комитета Министерства народного просвещения, причем член Ученого комитета В. Г. Васильевский, всегда отмечал их высокую научную исследовательскую ценность, и именно по его рекомендации «Отчеты о занятиях славянскими наречиями командированного за границу доцента А. А. Кочубинского» публиковались в Записках императорского Новороссийского университета» в 1876–1877 гг.²⁰

В целом результаты его командировки были охарактеризованы следующим образом: «его пребывание за границей вполне оправдало те надежды, которые возлагались на талантливую и усердную молодого слависта»²¹. Материалы, собранные ученым, послужили основой для его докторской диссертации по теме «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий»²². Защита предполагалась в университете им. Св. Владимира в Киеве. Первым оппонентом был А. А. Котляревский²³.

В марте 1877 г. состоялась ее защита. К сожалению, материалы об обстоятельствах защиты пока не обнаружены. Ему было присвоено звание доктора славянской филологии, а в апреле Ученым Советом университета он был избран экстраординарным профессором университета²⁴.

В этом же году ученый стал членом Исторического общества Нестора-летописца в Киеве и членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии²⁵.

В Новороссийском университете славист читает лекции по польскому, чешскому, сербо-лужицкому языкам на 1–2 курсах, и по славянским древностям на 3–4 курсах. В круге его научных интересов в этот период – работы по завершению второго тома монографии «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий», вопрос о происхождении славян и их древности на Балканском полуострове, завершение лекционного курса обозрения славянских наречий, публикация книги по истории и политике славянских братьев («Братья-подобой и чешские католики в н. 17 в.»), переработка статьи об отношениях Петра Великого со славянами и собирание материала для книги по истории русской славистики, особенно о М. Т. Каченовском, А. С. Шишкове, П. И. Кёппене²⁶.

В ноябре 1877 г. А. А. Кочубинский был избран ординарным профессором Императорского Новороссийского университета, а в апреле 1878 был назначен редактором «Записок» Императорского Новороссийского университета²⁷.

В письмах к Н. А. Попову он отмечает, что у него очень много работы: читает лекции по двум кафедрам – славянской филологии и сравнительной грамматики, кроме того, заведует библиотекой Одесского общества истории и древностей, собирается подготовить к изданию среднеболгарские рукописи из коллекции В. И. Григоровича, переписывается с казанским славистом, профессором М. П. Петровским по поводу В. И. Григоровича и его славистической деятельности²⁸.

Однако неблагоприятная обстановка на факультете приводит к тому, что в одном из писем к А. А. Котляревскому ученый с горечью признается «в науке я замерз», «скука научная одолевает меня страшная» – это он считает следствием непрерывных распрей в университете, мелкой грызни и бесконечных счетов и происков²⁹.

В последующие годы А. А. Кочубинский продолжал читать курс славянских наречий на историко-филологическом факультете, постоянно обновлял и вносил новые курсы в преподавание, например, «Письменную литературу славян», «Введение в славяноведение и церковнославянское языкознание», принимал активное участие в работе Одесского общества истории и древностей, членом-учредителем которого он являлся³⁰.

Круг его основных научных интересов включал развитие русского славяноведения, вопросы чешского религиозного движения и иезуитизма, отдельные стороны истории южных славян, в особенности в связи с политикой России на востоке, а также некоторые другие проблемы.

Ученый был активным участником ряда археологических съездов, международных съездов, например, Греческого съезда в 1886 г., участвовал в работе Предварительного съезда славистов 1903 г.³¹

В 1890 г. он был избран иностранным членом Чешского королевского общества наук, в 1899 – иностранным членом Чешской академии наук и искусств.

А. А. Кочубинский был избран в Попечительский Совет Императорского Новороссийского университета и находился в должности декана историко-филологического факультета в 1903–1905 гг.³²

Умер А. А. Кочубинский в 1907 г.³³

По мнению его современников, советских и российских исследователей, труды слависта по истории славяноведения являются наиболее интересными в его творчестве и не потеряли своей научной ценности до наших дней.

Ученый исследовал вопросы истории славяноведения в России в течение всей своей жизни. Впервые он обратился к этому сюжету в 1874 г. в «Записке о путешествии по славянским землям»³⁴, а последняя его статья «П. Й. Шафарик. Очерк из жизни русской науки полвека тому назад» была опубликована в «Вестнике Европы» в 1906 г., за год до его смерти.

Наиболее обширным и интересным трудом по указанной проблематике является монография А. А. Кочубинского «Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцов. Начальные годы русского славяноведения», вышедшая в Одессе в 1887–1888 г., за которую в 1889 г. ему была присуждена Премия митрополита Макария.

Автор рассматривает в ней деятельность первых русских ученых, обративших свой интерес на развитие славянских языков, ибо, как известно, славяноведение на первом этапе было наукой о развитии славянских языков. Он освещает деятельность Российской академии и ее главы, А. С. Шишкова, в области языкознания вообще и славянского, в частности.

А. А. Кочубинский подчеркивал, что заслуга в развитии истинно научного славяноведения в России принадлежит Москве, Московскому университету, Московскому обществу истории и древностей и знаменитому «частному кружку науки» канцлера Н. П. Румянцева. Однако, в его трудах не было противопоставления Российской академии – Московскому университету. Более

того, автор монографии всячески подчеркивал сотрудничество москвичей и петербуржцев в изучении славян, а А. С. Шишкову воздает должное за его деятельность в министерстве просвещения по открытию славянских кафедр в университетах с приглашением славянских ученых.

Раскрывая в своей монографии научную и организаторскую деятельность Кружка Румянцева и Российской академии, исследователь, прежде всего, оценивает их вклад в развитие научного славяноведения в России и их первый опыт на этом пути.

Далее А. А. Кочубинский останавливается на деятельности в Московском Обществе истории и древностей профессора Х. А. Чеботарева (1746–1815) и его последователей, И. Ф. Тимковского (1773–1853) и А. Ф. Малиновского (1762–1840).

Х. А. Чеботарев, по мнению А. А. Кочубинского, одним из первых в русской науке с университетской кафедры в 80-е гг. XVIII в. поставил вопрос о происхождении славянских народов.

Подробно освещена в монографии и деятельность М. Т. Каченовского (1775–1842), первого, по университетскому уставу 1835 г., профессора славянской филологии. Автор говорит о заслугах М. Т. Каченовского как издателя «Вестника Европы», в котором в 1805–1831 гг. было опубликовано более пятидесяти статей по славянской тематике: «Жители области Монтенегро или черногорцы», «О трагедии славяно-сербской», «Славянская старина», «О польском языке», «О старинной славянской рукописи Хроники Далматинской», «Правительство и судилища в Сербии» и др.

А. А. Кочубинский называет М. Т. Каченовского одним из первых сеятелей славянских интересов в Московском университете. Особое внимание уделяется в монографии деятельности Румянцевского кружка, в который входили многие ученые Московского университета, университетского исторического общества, а позднее и такие представители Российской академии и Петербургского университета, как А. Х. Востоков, А. Н. Ермолаев, В. И. Григорович, П. И. Кёппен.

Следует подчеркнуть, что работа А. А. Кочубинского – наиболее полное в историографии исследование о славистической деятельности Кружка Румянцева. Основанное на обширном и впервые привлекаемом источнике материале, оно и поныне не потеряло своей ценности.

А. А. Кочубинский высоко оценивает деятельность К. Ф. Калайдовича (1792–1832) по публикации рукописей сочинения Иоанна экзарха болгарского, Черноризца Храбра.

Следующим крупным представителем зарождающегося научного славяноведения в России ученый называет А. Х. Востокова (1781–1864). Особое значение для развития отечественного и мирового славянского языкознания имело сочинение А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам, вышедшее в 1820 г. Славист делает вывод, что «Рассуждением» А. Х. Востокова было положено начало сравнительно-историческому методу в изучении славянских языков в языкознании.

А. А. Кочубинский пишет и о талантливом ученом П. И. Кёппене (1793–1864), который своей публицистической и организаторской деятельностью содействовал развитию связей ученых России и славянских стран и пропагандировал как достижения зарубежных ученых-славистов в России, так и российских ученых за рубежом. Как подчеркивает одесский ученый, еще в 1819 г. в первой работе, в сборнике «Обозрение источников для составления российской словесности», П. И. Кёппен уделил значительное место сообщениям о трудах европейских славистов, о научных журналах Й. Добровского «Славин» и «Слованка», он первым из русских славистов предпринял длительное путешествие с научными целями в Европу в 1821–1824 гг. Путешествие П. И. Кёппена, по мнению Кочубинского, оказало огромное влияние на развитие славяноведения как в России, так и за рубежом, так как П. И. Кёппен во время путешествия ознакомился с собранием книг и рукописей в библиотеках и музеях Австрии и Германии, неоднократно встречался с учеными, писателями, общественными деятелями славянских народов, изучал их работы, впоследствии знакомил русских славистов с их деятельностью.

В своих сочинениях А. А. Кочубинский останавливался и на вопросе организации кафедр славяноведения в Российских университетах, он осветил первые шаги Российской академии в этой области, отдал должное начинаниям А. С. Шишкова на посту министра просвещения, его попыткам пригласить в Россию славянских ученых.

Логическим продолжением первой крупной работы ученого явилась статья «Граф С. Г. Строганов. Из истории наших университетов 30-х гг.», опубликованная в «Вестнике Европы» в 1896 г. В Московском университете кафедре истории и литературы славянских наречий занял М. Т. Каченовский. Первым от Московского университета в славянские страны был командирован О. М. Бодянский (1808–1877).

Жизни и деятельности представителей первого поколения русских славистов посвящено несколько статей А. А. Кочубинского: В «Историческом

вестнике» – О. М. Бодянский в его дневнике и в «Славянском обозрении» – О. М. Бодянский. Особенно А. А. Кочубинский отмечал заслугу Бодянского в осуществлении трех главных задач – введение преподавания «славянских наречий», которых О. Бодянский насчитывал семь, организации лекционных курсов по литературе, истории и этнографии западных и южных славян, которые заложили основы преподавания славяноведения в Московском университете, создании при Обществе истории и древностей» своего рода «библиотеки подручных славянских изданий из вывезенных им из славянских стран книг и рукописей, а также в посредничестве между научными интересами Москвы и славянского Запада на посту редактора «Чтений общества истории и древностей российских».

Исследователь устанавливает периодизацию развития славяноведения в России. Первый, подготовительный период, с конца XVIII в. до первой четверти XIX в., когда можно говорить лишь «попытках славянской науки», которая, впрочем, «имела много доброй воли, да не имела средства дать ей удовлетворение, не было сил близко познакомиться с миром родного»³⁵. Это период, когда средства русского славизма ограничены. Церковный язык и история – круг занятий первых славистов, славистов «подготовительной эпохи».

Начало второго периода русского славяноведения А. А. Кочубинский относит к середине 30-х гг. XIX в. Он пишет: «Русское славяноведение правильно и твердо стало развиваться с открытием университетской кафедры «Истории и литературы славянских наречий», это – «Эпоха академического славяноведения». В этот период исследования в области языка и истории славян продолжают, но на более высоком уровне, при непосредственном общении и знакомстве с наукой славянских стран.

Периодизация А. А. Кочубинского, выделившего подготовительный этап в развитии славяноведения в России и 30-е гг. XIX в., как грань его качественно нового периода, когда славяноведение как наука получила некоторую материальную базу в виде кафедр славянских наречий в университетах, представляется обоснованной и убедительной.

Исследования А. А. Кочубинского в области истории славяноведения в России, основанные на новых, впервые использованных материалах, внесли большой вклад в развитие этой науки, фактически явились первым, но очень важным и удачным ее опытом. И весьма важную роль в становлении славяноведения как науки в России, несмотря на отдельные юношеские впечатления, А. А. Кочубинский безусловно отводил своему учителю, О. М. Бодянскому.

Примечания

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 55. Л. 388. (Метрическое свидетельство А. А. Кочубинского, справка о происхождении и службе его родителей). ГАОО. Ф. 157 (А. П. Доброклонского). Оп. 1. Д. 43. Л. 1. (Автобиография А. А. Кочубинского).

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 32. Д. 368. Л. 3. (Аттестат А. А. Кочубинского от Педагогического совета Ришельевской гимназии в Одессе).

³ Там же. Оп. 32. Д. 368. Л. 4. (Прошение А. А. Кочубинского на имя ректора Императорского Московского университета с резолюцией «Допустить»).

⁴ Там же. Оп. 33. Д. 264. Л. 2. (Списки профессорско-преподавательского состава и расписание занятий) Оп. 32, Д. 260. Л. 2.

⁵ Там же. Оп. 476. Д. 55. Л. 65.

⁶ Там же. Оп. 33. Д. 175. Л. 1–2, Л. 32–33.

⁷ Там же. Оп. 36. Д. 104. (Распоряжение Попечителя Московского учебного округа Совету Императорского Московского университета).

⁸ *Кочубинский А. А.* Автобиографическая записка. В кн.: *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета: Историческая записка. Одесса, 1890. С. 258.

⁹ ОР РГБ. Ф. 239 (Н. А. Попова) Оп. 11. Д. 22. Письмо А. А. Кочубинского Н. А. Попову от 4 февраля 1869 г. (Все письма Кочубинского – Попову находятся в фонде ОР РГБ. Далее – ссылки на этот фонд).

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 228 (В. И. Григоровича) Оп. 4. Д. 67. (Письмо Кочубинского Григоровичу от 4 июня 1869 г.).

¹¹ Там же; Письмо Кочубинского – Попову от 20 октября 1869 г.

¹² Письмо Кочубинского – Попову от 5 мая 1871 г.; ЦИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 642. (Донесение Попечителя Одесского учебного округа Министру народного просвещения от 27 ноября 1872 г.).

¹³ РГАЛИ. Ф. 538 (А. А. Хованского). Оп. 1. Д. 55. (Письмо Кочубинского – Хованскому от 8 декабря 1871 г.).

¹⁴ Письмо Кочубинского – Попову от 16 ноября 1872 г.

¹⁵ Письмо Кочубинского – Попову от 29 октября 1873 г.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 228 (В. И. Григоровича). Оп. 3. Д. 23. (Автограф выступления В. И. Григоровича на защите магистерской диссертации А. А. Кочубинского).

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 228 (В. И. Григоровича) Оп. 3. Д. 44. (Докладная записка В. И. Григоровича); РГИА. Ф. 733, Оп. 148, Д. 54. (Дела Департамента народного просвещения о командировании А. А. Кочубинского 1874–1876 гг.).

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 148. Д. 54. (Дела Департамента народного просвещения о командировании А. А. Кочубинского 1874–1877 гг.).

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 228. (В. И. Григоровича) Оп. 3. Д. 44. (Докладная записка В. И. Григоровича).

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 148. Д. 54. (Выписка из журнала Ученого комитета от 7 июля 1875 г.).

²¹ Там же. Выписка... от 11 октября 1876 г.

²² ОР РНБ. Ф. 386 (А. А. Котляревского) Д. 63. (Письма Кочубинского Котляревскому от 16 августа и 18 декабря 1876 г.). (Все письма Кочубинского – Котляревскому находятся в фонде ОР РНБ. Далее – ссылки на этот фонд); Письмо Кочубинского – Попову от 1 декабря 1876 г.

²³ Письма Кочубинского Котляревскому от 7 и 15 февраля 1877 г.

²⁴ Письмо Кочубинского Котляревскому от 8 апреля 1877 г.

²⁵ Письмо Кочубинского Котляревскому от 16 декабря 1877 г.

²⁶ Письма Кочубинского Котляревскому от 20 и 27 октября 1877 г., 16 и 30 декабря 1877 г., 24 мая 1878 г.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 538 (А. А. Хованского) Оп. 1. Д. 55. (Письмо Кочубинского Хованскому от 6 октября 1878 г.; ГАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 59, Л. 3, 50. (Материалы Одесского цензурного комитета).

²⁸ Письмо Кочубинского Попову от 3 марта 1878 г.; Письма Кочубинского Котляревскому от 24 ноября и 28 декабря 1878 г.

²⁹ Письмо Кочубинского Котляревскому от 12 ноября 1878 г.

³⁰ ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 7–12. (Журналы заседаний Одесского общества истории и древностей).

³¹ Письма Кочубинского Попову от 15 июля 1884 г., 24 мая и 8 ноября 1886 г. 25 апреля 1887 г.; ОР РНБ. Ф. 621 (А. Н. Пыпина) Д. 446. (Письмо Кочубинского Пыпина от 28 марта 1903 г.).

³² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 347. Л. 5. (Канцелярия Попечителя Одесского учебного округа); ООГА. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2611. Л. 3, 32, 103, 199, 607. (Материалы учебной части историко-филологического факультета).

³³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 8832. Л. 7–8. (Дела Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете).

³⁴ *Кочубинский А. А.* Записки императорского Новороссийского университета. Одесса, 1874. Т. 13. С. 87–140.

³⁵ *Кочубинский А. А.* Историки литературы славян // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1880. № 5. С. 149–178. (Не окончена).

О. В. Саприкина (Москва)

Теоретические воззрения О. М. Бодянского и В. И. Ламанского на славянство: общее и особенное

Осип Максимович Бодянский (1808–1877) и Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) – два крупнейших российских ученых-слависта принадлежат к различным поколениям исследователей. Но оба они внесли огромный вклад не только в становление и развитие славяноведения, прежде всего, его филологической, исторической, этнографической составляющих; но и в формирование представлений о славянстве в России и за рубежом, как общественные деятели, активно развивавшие у соотечественников «славянское самосознание».

О. М. Бодянский принадлежит к первому поколению русских славистов, начавших свою деятельность в российских университетах в 40-е гг. XIX в. В 1835 г. был утвержден новый университетский устав, который в ряду других новых кафедр образовал кафедру славянской филологии, или, как гласил сам устав, «истории и литературы славянских наречий»¹. И. И. Срезневский отмечал, что не было создано никаких руководств или высказано мнений о том, что именно должно было входить в состав преподаваемых курсов по новой кафедре. Министерство народного просвещения не только не присылало от себя каких-либо указаний, но и не стремилось наладить связь между программами курсов различных преподавателей, целиком предоставив им самим содержание новых наук². Занимая кафедру языка и литературы славянских наречий в Московском университете, О. М. Бодянский в течение четверти века работы (1842–1868 гг.) преподавал студентам все те славистические дисциплины, которые первые слависты определили в науке 40–60-х гг. прошлого столетия. В соответствии с практикой своего времени он уделял главное внимание языкам и литературам славянских народов, между тем как история славян еще не выделилась в специальную дисциплину и служила лишь фоном, на котором излагалось развитие и особенности соответствующих языков и литератур³. У Бодянского получили подготовку многие российские слависты. В разные годы его слушателями были Е. П. Новиков, А. А. Майков, А. Ф. Гильфердинг, А. А. Котляревский, А. Л. Дювернуа, А. А. Кочубинский, М. С. Дринов и др.⁴ Хотя труды учеников Бодянского не отличаются единством научных взглядов и методов исследования или сосредоточенностью на одном

направлении славистики, но все же многие из них испытали на себе значительное воздействие идей учителя.

Важнейшим фактором, который определил сферу научных интересов В. И. Ламанского, стало современное ему состояние истории, филологии, этнографии и политическая ситуация в Российской империи и за ее пределами. Славяноведение в начале 60-х гг. XIX в., в период окончания Ламанским Санкт-Петербургского университета, выходило на новый, но всего лишь второй этап развития. Молодой ученый считал, что изучение славистики перспективно, так как это наука молодая, имеющая широкое поле для исследования⁵. Первые ученые этого направления – А. Х. Востоков, В. И. Григорович, Н. И. Надеждин, И. И. Срезневский, О. М. Бодянский и другие исследователи, начавшие свою деятельность в 30–40-е гг. XIX столетия, были поглощены вопросами становления новой науки, началом изучения славянских языков, прошлого этих народов и практически не уделяли внимания общим, концептуальным вопросам национальных особенностей славянства и путей развития славянской истории.

Начало активной научной и общественной деятельности В. И. Ламанского совпало с ослаблением консерватизма и проявлением либеральных тенденций в первый период царствования Александра II, с усилением политической заинтересованности Российской империи во взаимоотношениях с зарубежными славянскими народами; эти обстоятельства определили не только направление его деятельности, но и сущность его теоретических построений, сосредоточенных на размышлениях о современном состоянии и дальнейшей судьбе «славянской цивилизации».

В. И. Ламанский вел активную преподавательскую деятельность: с 1864 г. до конца жизни работал в Санкт-Петербургском университете, 25 лет преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии, с 1890 по 1900 гг. состоял профессором Генерального штаба⁶. Он воспитал плеяду талантливых ученых-славистов, которые заняли впоследствии кафедры славяноведения почти во всех российских университетах. Среди его учеников были: историк и правовед Ф. Ф. Зигель, филологи А. С. Будилевич и М. И. Соколов, историки И. С. Пальмов, К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, Н. В. Ястребов, А. Л. Погодин и многие другие, всего не менее тридцати.

Научная концепция В. И. Ламанского тяготела к славянофильству. Однако научный подход к изучению славянской истории и филологии, глубокие знания, широкое видение проблем, воздействие на личности учеников привело к тому, что далеко не все выходцы из школы Ламанского разделяли его мировоззрение. Среди них были ярые славянофилы и ярые западники. Так, к его старшим ученикам принадлежал славянофил, и даже русский шовинист,

филолог по роду деятельности, А. С. Будилович. Со славянофильских позиций написаны многие исторические сочинения И. С. Пальмова, к славянофилам себя причислял также К. Я. Грот. Но Т. Д. Флоринский, хоть и являлся славянофилом по мировоззрению, по методу исследования был позитивистом. Ф. Ф. Зигель также придерживался позитивистской методологии. Поздние ученики Ламанского, воспринявшие его историческую и филологическую школу, но жившие в иную эпоху, считали славянофильский подход к истории анахронизмом⁷.

Следовательно, заслугой О. М. Бодянского и В. И. Ламанского было воспитание нескольких поколений российских славистов. Обоим ученым удалось создать первые научные школы в русском славяноведении, первому – в Москве, второму – в Санкт-Петербурге. Эти школы представляли очень широкий спектр профессиональных интересов. Важно, что исследователи, как люди толерантного сознания, прививая студентам интерес к славянству, не ставили им жестких канонических требований. В результате многие ученики как Бодянского, так и Ламанского сумели преодолеть научные и методологические позиции, а так же ошибки своих учителей и стали работать в рамках иных направлений. На базе строго научного отношения к источникам, свободе их интерпретаций, исследователи сумели развить в учениках методологическую культуру, ставшую основой их дальнейшей работы в разных теоретических полях и в широком спектре отраслей славистики.

Большое значение для российского общества имела издательская деятельность обоих ученых.

В 1845 г. О. М. Бодянского избрали секретарем Московского Общества истории и древностей российских, затем ученый стал редактором «Чтений» – периодического печатного органа этого Общества. Вот как охарактеризовал виднейший отечественный славист И. И. Срезневский это издание: «...эта обширная библиотека, необходимая для всякого, изучающего Россию и славянство, запечатлена вся его (О. М. Бодянского – О. С.) мыслью и трудом, и убедительно свидетельствует как об отчетливости мысли его, так и о тщательности труда. Такие издания редки в самых богатых литературах; тем более дорожить ими должны мы, будучи богаты более надеждами и предположениями, чем их исполнением, особенно в том, где легче судить, чем трудиться»⁸.

Именно на страницах «Чтений» впервые появились труды западно- и южнославянских ученых, идеи которых были близки Бодянскому и другим представителям первого поколения русских славистов. «Чтения» с полным правом можно назвать первым русским периодическим изданием, систематически публиковавшим памятники старославянской и древнерусской письменности, переводы трудов деятелей славянских национальных движений, органом про-

паганды славянской литературы и книгообмена⁹. Выявленные, собранные и опубликованные Бодянский памятники славянской письменности составили основу для дальнейших славистических исследований¹⁰. Чрезвычайно важно, что в «Чтениях» нашли отражение взгляды О. М. Бодянского на славянство, его историческую миссию и на славянское самосознание как идеологический феномен.

За свою долгую творческую жизнь В. И. Ламанский сотрудничал со многими научными, просветительскими и публицистическими изданиями. Его статьи выходили в журналах «Русская беседа», «Библиографические записки», «Русская старина», в «Журнале министерства народного просвещения», в газетах «Голос», «День», «Новое время» и многих других; а также в специализированных изданиях: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» и «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» (в организации этого журнала Ламанский принял самое живое участие)¹¹.

В 1890 г. исследователь стал главным редактором журнала «Живая старина» – нового научного издания Императорского Русского географического общества, председателем этнографического отделения которого он был. Ламанский лично выступил с инициативой создания печатного органа этого отдела для обсуждения проблем народонаселения России и соплеменных ей стран и лично собирал пожертвования для его организации. «Живая старина» выходила до 1910 г. под редакцией Ламанского. В издании публиковались статьи этнографического плана не только о русском народе, но и обо всех славянах, заметки по исторической географии славянских земель Балканского полуострова, Австро-Венгрии и Германии, по исторической этнологии Восточной Европы. В отделе критики и библиографии помещались обзоры и извещения об отдельных сочинениях и периодических изданиях, по этнологии как славянских, так и других народов. Таким образом, это был общезнаменательный журнал научного направления, где политические симпатии и антипатии выражались лишь в завуалированной форме¹². С 1890 по 1910 гг. в нем печаталась большая часть статей ученого.

О. М. Бодянский в своих исследованиях не выказал тяготения к широким теоретическим обобщениям. Он не говорил также о своей склонности к каким-либо политико-идеологическим течениям. Однако в его работах можно проследить определенные теоретические воззрения на прошлое и будущее славянских народов.

Так, обобщая имевшиеся сведения о фольклоре и о поэзии славянских народов в своей работе «О народной поэзии славянских племен»¹³, важнейшим критерием оценки последней Бодянский называл народность, что было харак-

терно для представителей романтического направления научной и литературной мысли. В трактовке славян как народа земледельческого, миролюбивого, песенного Бодянский примкнул к национально-романтическому взгляду на прошлое славян, свойственного известнейшему чешскому слависту того времени П. Й. Шафарику и воспринятому им из учения о славянах немецкого философа И. Г. Гердера. Это исследование предоставило новые аргументы сторонникам концепции «самобытного развития славянского мира»¹⁴. В 1878 г. И. И. Срезневский говорил об этом труде Бодянского: «Нельзя сказать, что он уже утратил совершенно значение – если не по частным выводам, то по способам их достижения, и вместе с тем по некоторым основным убеждениям. Таковы, например, [размышления] о поэзии вообще: “всякая поэзия, чтобы быть самостоятельной, истинной поэзией, должна быть народной; всякая народная поэзия с достоинствами общечеловеческого искусства соединяет еще особенные, свойственные ей как достоянию одного особенного народа, и выделяется от других разными чертами, ... изображающими и характер этой поэзии и характер народа, которому она принадлежит” и т. д.»¹⁵.

Важным направлением научного творчества О. М. Бодянского было изучение истории славянской письменности. Самым значительным его исследованием на эту тематику стала работа «О времени происхождения славянских письмен»¹⁶, написанная с опорой на широкий круг источников и научной литературы. Не останавливаясь на научных достоинствах и недостатках названного сочинения, отметим, что в нем Бодянский часто упоминает враждебное, с его точки зрения, отношение греков к славянам с периода Византии до настоящего времени¹⁷. Именно этим ученый объяснял отсутствие сведений о ранней письменности южных славян: «Вот почему и о годе составления славянской азбуки, как вообще и о целом событии, коего оно только часть, ни один современный византиец не сказал нам ни слова в своем сочинении; позднейшие летописцы, почерпавшие сведения свои... из мутного, во многих отношениях народного предания и сторонних писателей, говорят только вообще о принятии крещения Болгарским государем Борисом, ...а потому и не могут составить собой в теперешнем нашем исследовании, никакого источника»¹⁸.

Бодянский отметил, что противопоставление «славяне-греки» также характерно для южных славян, как «славяне-немцы» – для западных. Причину данного обстоятельства исследователь нашел в народной гордости греков, как свойстве их характера, сформированного на восхвалении успехов своей гражданственности и государственности¹⁹. Возможно, причина данных убеждений ученого крылась в поддержке им существовавшего тогда на Балканах (особенно в болгарских землях) движения славянских народов против эллинизации их культуры и Православной церкви.

Значительное место в исследованиях Бодянского принадлежало изучению славянских языков. В этой связи он полемизировал со взглядами хорватского писателя XVII в., сторонника идеи славянского единства Юрия Крижанича, выступившего с инициативой создания общеславянского языка, который позиционировался в качестве объединителя разрозненных славянских этносов. Высоко оценивая познания Крижанича в области сравнительной славянской филологии, Бодянский, однако, указывал на «естественную невозможность создать одному лицу язык своего народа, а тем более для нескольких»²⁰. Ученый придерживался гегелевского представления о языке как о «духе народа», а не искусственно сконструированной системе, поэтому отверг опыты Крижанича. Единый славянский язык, по мнению Бодянского, станет следствием славянского возрождения, естественным формированием славянского самосознания, а не системой, созданной талантливым филологом²¹.

Этим языком, по мнению О. М. Бодянского, должен быть церковнославянский. В исследовании его роли и предназначения в историческом прошлом славянских народов и в составлении прогнозов на их будущее, Бодянский особо выделял три момента – образовательную функцию церковнославянского языка в прошлом и объединяющую славянские народы, служащую главным гарантом сохранения их национальной самобытности в будущем. Ученый писал: «Вот где, когда и каким образом произошли письмена для выражения звуков того из говоров необозримого своей численностью славянского племени, который, превосходя прочих собратьев богатством, звучностью и разнообразием форм, составляет для всех их язык разъяснительный, что готский в семье немецкой, латинский в романской, санскрит в целой индоевропейской, а для разъединенного славянского народа... то же самое, чем предназначался, было служить им...; разумею звеном собрания в одну точку всех лучей славянского мира, талисманом против дальнейшего его разложения и гибели, который... как первый... древнейший известный нам источник славянского языка, должен быть изучаем и усвоен всеми славянскими ветвями, если уже не ради единения церквей, по крайности, ради высшего ученого образования, сохранения славянской народности»²².

Изучая происхождение славянского языка, О. М. Бодянский сделал важный вывод о времени изобретения Константином Философом (апостолом Кириллом – *О. С.*) славянской азбуки. Имелись свидетельства том, что этот алфавит появился в 855 г. Это навело научные круги на мысль о возможности празднования тысячелетия славянской азбуки в один год со столетием Московского университета, что способствовало бы как поднятию народного, национального духа славян, так и привлечению к их проблемам еще более широкой российской общественности. Изучение достоверности сведений было

поручено Бодянскому. Обширные исследования ученого доказали, что изобретение Кирилла должно быть отнесено к 862 г. Именно эта точка зрения преобладает и в современной науке. Встав перед дилеммой, что выбрать: научную достоверность или популяризацию «славянского вопроса», Бодянский остался на стороне первой. Так же, как позднее В. И. Ламанский, О. М. Бодянский стремился к строгой научности, а не к подтасовке исторических фактов: «Рассматривая книгу г. Бодянского («О времени происхождения славянских письмен» – О. С.), легко убедиться, что автор сводил свои соображения не с желанием угодить временной прихоти, не жалея труда и времени, что мог быть не без внутренней скорби сам расставшись с мыслью соединить в одно два торжества, равно дорогие сердцу русского, искал себе успокоения в совестливом пересмотре всего, что и его самого, и других могло убедить в том, что ему представлялось как истина»²³.

Одним из основополагающих элементов всех лекционных курсов Бодянского был тезис об индоевропейском происхождении славян и об их автохтонности в Европе. Ученый утверждал его в борьбе с теориями некоторых немецких исследователей, и это обусловило полемический характер лекций Бодянского, где наряду с убедительными доказательствами славянской «старожитности» встречались сомнительные утверждения о распространении славян в VI–VII вв. по всей Европе вплоть до Рейна, Нидерландов и Британии. История народов излагалась Бодянским с большой долей идеологизации и политизации. Борьбу славянской и германской (для южных славян соответственно – турецкой и греческой) стихий, православия и других религиозных течений Бодянский считал определяющим фактором развития славянских народов. При этом в отличие от западнославянских ученых того времени, например, Ф. Палацкого, он сделал упор на религиозные противоречия²⁴.

О. М. Бодянский одним из первых среди русских ученых проявил интерес к истории православия у зарубежных славян. Именно Православной церкви отводилась ученым великая культурно-историческая миссия по объединению славянских народов. Исследователь был убежден в том, что церковнославянский – отец остальных славянских языков, сыгравший центральную роль в формировании славянского самосознания. О. М. Бодянскому в значительной мере обязана своим появлением трактовка гуситского движения в Чехии как борьбы за возвращение к православию, нашедшая яркое обоснование в трудах его ученика Е. И. Новикова («Православие у чехов» – 1848 г., «Гус и Лютер» – 1859 г.) и подхваченная затем другими исследователями, придерживавшимися славянофильской ориентации. Бодянский считал православие общеславянской религией и, в подтверждение этого тезиса, ссылаясь на чешского филолога Й. Добровского, который, желая перехода чехов в православие, умолял

императора Франца II Габсбурга ввести в Чешских землях богослужение на церковно-славянском языке²⁵. Доказывая готовность чешского народа к принятию православия, О. М. Бодянский апеллировал к работам историка, филолога и этнографа П. Й. Шафарика и к решению об установлении памятника Кириллу и Мефодию в Тынском храме в Праге во втором десятилетии XIX в.²⁶

Бодянский говорил также о движении в сторону Православной церкви в Хорватии, которое он увидел в появлении требований уничтожить безбрачие белого духовенства, ввести церковно-славянский язык в богослужении и печатать книги и газеты кириллицей²⁷. Вслед за учителем, Е. И. Новиков в исследовании «Гус и Лютер» называет движением в сторону Православной церкви требование причастия под обоими видами для мирян в период гуситского движения в Чехии. Интересно, что отмечая вклад работ Е. И. Новикова в науку В. И. Ламанский писал: «Пора же сказать откровенно: значительная доля чести и заслуг труда г. Новикова «Гус и Лютер» принадлежит Бодянскому. Основная мысль, главные поднятые в ней вопросы, само сопоставление Гуса и Лютера, указание источников и способ их разработки были поданы, сообщены и объяснены г. Новикову Бодянским»²⁸.

По мнению московского слависта, «три раздела Польши были прямым и естественным следствием и плодом религиозной нетерпимости и преследования православных»²⁹. Впрочем, исследователь полагал, что в интересах сохранения своей этнической самобытности поляки должны не просто иметь прочные связи с Россией, но и входить в Российскую империю. Подобные соображения позднее высказывал и В. И. Ламанский.

Внимание к борьбе религиозных и национальных идей, увлечение началами православия и народности характеризуют отношение Бодянского к славянской проблематике в целом, показавшее близость его позиций к славянофильству. Выступления Бодянского в ряде публицистических статей в «Чтениях» и в славянофильской газете «Молва», в том числе и в связи с польским восстанием 1863–1864 гг. и Славянским съездом 1867 г., лейтмотивом которых был тезис о Российской империи как державе, защищающей самобытность славянских народов, отвечали общему духу статей А. Ф. Гильфердинга и И. С. Аксакова.

О. М. Бодянский, таким образом, примыкал к славянофилам во взглядах на ряд проблем, связанных со славянским миром, применял отдельные их положения к славянской истории. Однако формально он не входил в кружок московских славянофилов, что объяснялось, в том числе, и своеобразием воззрений ученого. Но именно О. М. Бодянский активно способствовал формированию «славянского самосознания» русского образованного общества, являлся связующим звеном между русской, западно- и южнославянской наукой.

Хотя В. И. Ламанский по молодости и месту деятельности не мог принадлежать к московскому славянофильскому кружку, но он с первых шагов в науке указал на свою склонность именно к этому направлению. Временем определения исследовательских приоритетов В. И. Ламанского стали 60–80-е гг. XIX в., тогда же сформировалась его склонность к широким теоретическим обобщениям. Даже анализируя конкретные исторические и этнографические сюжеты в магистерской диссертации – «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании»³⁰, историографию в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»³¹, Ламанский развивал свой главный историософский постулат о существовании на европейском континенте двух культурно-исторических типов или «миров» – германо-романского и греко-славянского, которые представляли собой особые культурные системы, имеющие сложенную внутреннюю структуру. По мнению ученого, «миры» существуют независимо друг от друга и развиваются параллельно, каждый со своими нюансами. Систему культуры Ламанский при этом идентифицировал с типами религии. Более всего ученого интересовали исследования прошлого и будущего «греко-славянского мира» или «славянской цивилизации».

В этническом и культурном отношении Ламанский представлял себе славянство как единое целое, составляющее «греко-славянский мир», который он противопоставлял «романо-германскому миру», «латинству». Специфической особенностью славянского мира, по мнению исследователя, являлась православная религия, греческие культурные начала, отличающиеся от римских. В единой «славянской цивилизации» Россия и ее народ, как считал Ламанский, неотделимы от прочих славянских народов и земель. Он полагал, что развитие культуры до «высшего славянского этапа» приведет к «чистому выражению народного духа».

Отметим, что концепция «греко-славянского мира» у В. И. Ламанского имеет не отвлеченную мотивацию (по праву «племенного родства» и т. п.), а теоретическое обоснование с отсылкой на широкий круг источников и литературы. Политический экспансионизм, свойственный некоторым формам имперского панславизма в России, у Ламанского был заменен идеей постепенного распространения «нравственного влияния» России.

К перспективе общеславянского союза Ламанский относился как к достаточно отдаленному будущему, так как считал, что во второй половине XIX в. плоды русской культуры еще слишком скромны, чтобы удовлетворить все государственные и научные потребности славянских народов. Он считал, что русские могут многому научиться у западных и южных славян, поэтому всестороннее изучение этих народов принесет большую пользу России.

Занимаясь научной и педагогической деятельностью, Ламанский все больше сосредотачивался на изучении современного ему политического положения зарубежных славянских народов. Следствием этого была его активность в общественной жизни. Особенно можно выделить его участие в подготовке Славянского съезда в 1867 г. как отражение планов ученого в отношении западного славянства и роль его идей в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В 60–80-е гг. XIX в. дискуссии по славянскому вопросу в России и за рубежом обострились. В период царствования Александра II и Александра III активизировалась русская политика на Балканах. Точка зрения В. И. Ламанского была созвучна государственным интересам России в славянском вопросе, поэтому он стал идеологом геополитики империи. Во время Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ученый, как член Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета, принимал активное участие в филантропическом движении в поддержку христианских народов Балканского полуострова, а его идеи о преимуществах России перед Западной Европой стали руководством к практическим действиям, к пропаганде «великой исторической миссии России в отношении славян». Неоднократно в своих лекциях Ламанский высказывался в пользу присоединения к России Галиции и желательному объединению большей части польских земель именно в составе Российской империи³².

В трудах Ламанского тесно сплелись два понятия: собственно славянская идея и «наука славянская». Под последней Ламанский подразумевал все науки о славянстве: филологию, историю, этнографию, палеографию, географию – то есть все отрасли знания, которые могут изучать судьбы славянских народов, их языков, мест их расселения. Основу славянской идеологии В. И. Ламанского составили:

- идеи взаимной пользы от изучения и создания общеславянского языка;
- взаимные успехи русской и славянской образованности;
- успехи русской и славянской гражданственности;
- историко-сравнительное изучение социального и экономического быта, внутренней и внешней политики России и существовавших ранее славянских государств³³.

Таким образом, важнейшими факторами развития славянского мира и России Ламанский считал гражданственность, образованность и внешнюю политику. Обратим внимание на интерпретацию ученым второго фактора.

«Образованность» – то есть развитие науки, культуры, искусства и образования Ламанский связывал с проявлениями «народного духа», считая, что «страна необразованная не может быть могущественна и уважаема соседями, страна бедная, неблагоустроенная всегда будет бессильна извне и скудна

творчеством народного духа»³⁴. Ученый считал главными недостатками русской культуры и искусства численную скудость русских художников и художественных произведений, полагал, что даже «даровитейшие русские художники еще не вполне свободны от подражательства, от подчинения чужим идеалам и образцам и от отрицательного отношения к русской жизни», ставил в укор деятелям литературы и искусства «слабую производительность», «несколько небрежное служение своему делу»³⁵.

Политические успехи Российского государства В. И. Ламанский напрямую соединял с «самостоятельным движением русской литературы и науки, чисто славянским направлением мысли и образованности»³⁶. Освобождение других славянских народов как южных, так и западных от иностранной зависимости ученый связывал с их духовным возрождением, которое было невозможно, по его мнению, без «общего дипломатического языка и общего органа образованности для всех славян». Большое место в публицистических и научных работах Ламанского занимает вопрос о пути достижения единства славянских народов, преодоления ими междоусобной розни и, как следствие, улучшения всех аспектов развития славянских земель и государств. Главную роль в этом процессе ученый отводил общеславянскому языку, считая его несколько искусственным, но необходимым элементом литературного и национального объединения. «И древне-церковный язык славянский не есть собственно одно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный... У племени славянского в среде всей его тысячелетней жизни постоянно чувствовалась и более или менее сознательно высказывалась живейшая потребность в языке искусственном, смешанном, в языке более или менее общеславянском»³⁷. Исследователь отмечал, что аналогичное явление – создание единого языка – характерно для народов, уже литературно и национально объединенных, таких как немцы и итальянцы. Функции «искусственного общеславянского языка», по мнению Ламанского, должен выполнить русский язык. Его роль особенно усилилась, когда «грозные победы Пруссии, успехи итальянского и особенно германского единства, введение дуализма в Австрии и участие русской журналистики в деле западных и южных славян, наконец, приезд славянских гостей в Москву на этнографическую выставку, торжественный и радушный их прием в России произвели на умы славян глубокое впечатление, которое не останется без важных последствий для всего дальнейшего славянского движения на юг и на запад»³⁸.

Для распространения русского языка в качестве общеславянского, повышения его престижа Ламанский предлагал следующую программу. Он надеялся, что в Сербском княжестве, как в государстве автономном от Османской империи и самостоятельном во внутренних делах, в средних и высших учеб-

ных заведениях будет введено преподавание русского языка, литературы и истории. Другие же славянские земли, входившие в состав Австро-Венгрии и Османской империи, не имели возможности сделать это на своей территории³⁹. Так же Ламанский считал необходимым создание в России славянских библиотек. Для этого он предлагал повести опись всех славянских книг Императорской Публичной библиотеки, библиотеки Академии наук, Санкт-Петербургского университета, Генерального Штаба и многих других и создать в них славянские отделения. После этого ученый предполагал издание «Славянской библиотеки» – энциклопедии, охватывающей труды по языкознанию, литературе и истории зарубежного славянства⁴⁰. В-третьих, не менее важным считал Ламанский составление общеславянского словаря. Подобный «параллельный словарь» был создан профессором Ф. Миклошичем по инициативе принца П. Г. Ольденбургского. В основу его были положены русский и церковно-славянский языки: слова их помещены в первом столбце, болгарские – во втором, сербские – в третьем, чешские – в четвертом, польские – в пятом, в шестом и седьмом – французские и немецкие слова, а также толкования славянских терминов. Однако Ламанский считал, что этот словарь не имел ничего общего с научным сравнительным словарем, идея создания которого выдвигалась еще А. Шлейхером и И. И. Срезневским. Цель издания Ф. Миклошича определялась Ламанским как чисто практическая – «дать западным славянам в руки пособие для чтения русских книг... Если имелось в виду сравнение русского языка со сродными языками в словарном отношении, то нельзя же было ограничиваться только избранными наречиями и данным списком слов»⁴¹. Составлять словарь должен был российский филолог, именно он смог бы создать перечень слов, оборотов, идиом, наиболее ярко характеризующих специфику русского языка, без указания которых чтение самих русских книг будет затруднено, подчеркнул Ламанский⁴².

Несмотря на ряд замечаний, ученый считал издание словаря шести славянских языков знаменательным историческим фактом и сетовал на слишком высокую, по его мнению, цену продажи – 15 рублей за экземпляр. Ламанский отметил, что этот словарь предназначен для широкой публики, а не только для людей науки, его целью было распространение русского языка среди западного славянства. Поэтому цена на словарь должна быть значительно снижена, а Славянское благотворительное общество должно заняться рассылкой его экземпляров в земли западных славян⁴³.

Отметим, что при выделении объединительной роли русского языка и православия в национальных движениях славянских народов, Ламанский настаивал на публикации славянских исторических источников и литературных памятников средневековья на языках оригиналов. Он считал перевод их

на церковно-славянский «делом совершенно напрасным и бесполезным». Таково его мнение об издании древнечешских и древнепольских текстов «в церковно-славянском облачении»⁴⁴.

В «образованности» любого народа В. И. Ламанский выделил четыре главных действующих начала: 1) просвещение; 2) крепость народного быта и обычая; богатство, свежесть и разнообразие народного языка – одним словом, непосредственную, творческую жизнь народа; 3) разнообразие местных географических условий, климата, течения рек и т. д.; 4) разнообразие «иноземных влияний, которые будут восприняты народом сообразно особенностям его страны и быта, переработаны в горниле народного духа и подчинены его духовному и нравственному идеалу»⁴⁵.

Ученый полагал, что Россия во всех этих четырех «началах» превосходит остальные славянские народы, что делает ее лидером всего славянства и центром славянских объединений. В этом Ламанский видел главную внешнеполитическую и культурную обязанность русского народа.

Основным условием развития науки, искусства, образования Ламанский считал национальную направленность этих процессов, вырастающую из их народности. Мировая история искусств, подчеркивал он, раскрывает теснейшую общность народного и личного художественного творчества⁴⁶.

Несмотря на признаваемую ученым глубокую связь между наукой и национальной природой государства, он не пытался поставить собственно научные, исследовательские задачи на службу этим злободневным политическим интересам и национальной идеологии. В своей рецензии на труды А. А. Котляревского «Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке» и «Древности юридического быта балтийских славян» Ламанский полемизировал с автором, в частности, по вопросу о доказательствах автохтонности немецкого населения балтийских областей и о более позднем приходе славян в эти регионы. Котляревский отметил: «Стремясь доказать нравственную законность и необходимость германизации балтийского поморья, некоторые исследователи утверждали, что население страны испокон века было и оставалось немецким, что дружины славян покорили его, составили высшее, численно незначительное сословие»⁴⁷. В своей рецензии Ламанский возразил: «Нам кажется, автор наш (А. А. Котляревский – О. С.) напрасно по поводу вопроса чисто ученого заводит речь о патриотических увлечениях. Они, конечно, бывают, но не единственным же источником научных ошибок и заблуждений, что касается гипотезы, то ее нет надобности объяснять увлечением немецкого патриотизма. В пользу того, что славяне явились в Балтийское поморье или в земли между Эльбою и Вислою после III века, что еще во II веке по Р. Х. оно

было немецким, имеются неопровержимые свидетельства древних (Веллей Патеркул, Птолемей, Тацит). Дабы считать германскими упомянутые племена и вовсе не требуется немецкого патриотизма, а дабы считать их славянами еще мало одного патриотизма славянского, а нужно, прежде всего, обладать смелую решимостью – свободно и развязно обращаться с важными научными вопросами, без научной подготовки и без соблюдения необходимых критических приемов»⁴⁸.

Можно заключить, что сфера политики и национальной идеологии и сфера научных исследований, связанных с изучением исторических фактов и их доказательств, у В. И. Ламанского не объединены, а достаточно дистанцированы одна от другой. Это позволяет говорить о научной этике Ламанского, не стоящей в зависимости от его политических и даже славистических воззрений. Несмотря на то, что область Силезии всегда являлась предметом споров между славянскими и немецкими государствами, Ламанский, вслед за П. Й. Шафариком подчеркнул германское происхождение ряда географических названий на этой территории: «Некоторые собственные местные имена Балтийского поморья в период славянский (VI–XI вв.) объясняются из языка немецкого, а не из славянского, например, реки Гавель, Шпрее, Одер, которые мы не сделаем славянскими, называя их даже Гаволею, Спревою и Одрою, как название и самая земля Силезия не станут коренными славянскими, если даже будем называть ее Шленском или Слезком»⁴⁹.

В своих исследованиях и политических статьях В. И. Ламанский не отождествлял Россию и славянский мир полностью, отмечал, что, несмотря на внутреннее единство, славянский мир отличается удивительным богатством и разнообразием. Ученый выделял два направления борьбы, которую ведут славянские народы с момента своего решительного выступления на историческом поприще: с одной стороны – с европейским Западом, с другой – с азиатским Востоком. Именно эта борьба олицетворяла всемирно-историческую миссию славянства.

Однако существовала и другая борьба, считал исследователь, не менее ожесточенная, и происходила она внутри самого славянства – усобицы, «которые религиозная рознь не породила, а страшно усилила»⁵⁰. Ламанский полагал, что эта борьба исторически необходима и называл ее «борьбой сил гегемонии и автономии»⁵¹. Путь к единству, к достижению мира ученый видел в национальных, истинно народных образованности, науке, прогрессе, просвещении. «Этим словам мы издавна привыкли давать эпитет «европейский». Но мы также привыкли и отделять Европу от России. И это не без причины: Россия Европой не ограничивается, хотя и скудно населенные азиатские вла-

дения ее дают ей право на звание мировой державы»⁵², – писал Ламанский. Однако существует, считал он, глубочайшее заблуждение, выразившееся в противопоставлении: передовая Европа – отсталая Россия. И это мнение «будет у нас держаться, пока не укоренится в русском общественном сознании то убеждение, что прогрессивное стремление к чистому знанию, свободе духа и жизни, потребность постоянного усовершенствования, настойчивое преследование общих государственных целей, привычка к анализу, любовь к труду и самоуправлению – все эти качества составляют одинаковую, неотъемлемую собственность, как Европы, так и России, которая как страна христианская и славянская, следовательно, индоевропейская, арийская по происхождению, ни в один самый тяжелый период своего существования, никогда не изменяла этим отличительным особенностям христианских и арийских племен»⁵³.

Итак, ученый подчеркивал общность происхождения европейских, в том числе славянских, народов. Но в дальнейшем развитии их культуры и истории Ламанский видел два основных отличия. Во-первых, он считал, что перед славянской культурой стояла задача возрождения народного самосознания⁵⁴. Во-вторых, В. И. Ламанский, вполне в славянофильском духе, придерживался теории различия исторических возрастов германо-романского и славянского миров. Для образованности, считал он, это имеет огромное значение: основание первого русского университета относится к 1755 г., многие открыты уже в XIX в., тогда как «римско-немецкая» Европа в средние века имела до 30 университетов в Италии, Испании, Португалии, Франции, Англии, Германии⁵⁵. (Утверждая это, Ламанский не учитывал, что образование первого университета в славянских землях и Центральной Европе – пражского Карлова – произошло в 1348 г.). В то же время, ученый выразил мнение, что более «позднее» развитие имеет и положительные аспекты: у славянских народов немислимы алхимия, астрология и «старые» теории «грамматеев» о сравнении языков, так же как невозможны инквизиция, Варфоломеевская ночь и другие «печальные последствия» западноевропейской учености⁵⁶.

Кроме различия возрастов, западноевропейская и славяно-русская «образованности» отличаются, считал Ламанский, характером своего внутреннего историко-этнографического содержания: поскольку славяно-русская образованность подвергалась разным историко-этнографическим влияниям (романо-германскому, азиатскому), она отличается большим разнообразием внутреннего состава⁵⁷.

Объемный труд В. И. Ламанского «Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом в истории славистики», поме-

щенный в ЖМНП, самым непосредственным образом связан с трактовкой ученым славянской идеологии. Собственно, в работе поставлен вопрос о том, что имеет приоритетное значение – помощь национальному возрождению всеми доступными средствами, включая фальсификацию исторических источников, или соблюдение научной корректности как основное правило развития «науки славянской». Поводом для споров между российскими и зарубежными славистами стало обсуждение подлинности нескольких средневековых чешских эпических произведений – «Песнь о Вышеграде», «Песнь о короле Вацлаве», «Песнь о суде Либуши» и др., а также знаменитая Краледворская рукопись, якобы найденная видным литературным и общественным деятелем Вацлавом Ганкой в городе Кёнигингофе (Краледворе). Талантливо исполненные самим В. Ганкой совместно с поэтом-романтиком Йозефом Линдой, поддельные «древнечешские» произведения стали не только средством национальной пропаганды, но и учебным пособием для молодых славистов даже за пределами чешских земель. В. И. Ламанский, занимаясь в университете славянской палеографией, читал в семинаре И. И. Срезневского Краледворскую рукопись⁵⁸.

Во второй половине XIX в. поддельность этих источников была доказана; в своей работе Ламанский подверг их всестороннему историческому и языковедческому анализу, объясняя несостоятельность положений защитников подлинности рукописей. Ученый назвал издание этих памятников Ф. Палацким и П. Й. Шафариком книгой, которая имела самое вредное влияние на науку славянскую⁵⁹. По мнению Ламанского, ни насущная национальная необходимость, продиктованная политической ситуацией, ни глубокое уважение к деятелям «славянской образованности» не должны мешать непредвзятому, строго научному анализу исторических источников. Ученый подчеркнул, что «период смешения политики с палеографией, период сердечных восторгов и слез умиления не ученых только, ...а всех милославов и властимиров по поводу открытия славянских рун, новых известий о Свароге, Хорсе, Роде, Рожаницах... – этот период уже миновал»⁶⁰. Исследователь охарактеризовал публикации поддельных рукописей как памятники ученой доверчивости и слабости критики, заметив, что они были закономерны для начального периода развития славяноведения.

О. М. Бодянский и В. И. Ламанский по праву составляют гордость российской славистики. Один олицетворял ее истоки, другой – развитие. Оба сделали очень много для развития преподавания наук о славянах в Московском и Санкт-Петербургском университетах. Оба воспитали талантливых учеников, продолживших их дело. Издательская и общественная деятельность ученых популяризировала знания о славянах в российском обществе и за рубежом,

пробуждала горячее сочувствие к национальным движениям славянских народов и, в конечном итоге, способствовала их результативности.

Своеобразие воззрений О. М. Бодянского не позволило ему примкнуть к какому-либо политико-идеологическому течению. Однако особое внимание ученого к борьбе религиозных и национальных идей, увлечение его православием и народностью ярко показывают его близость к славянофильскому мировоззрению. Именно с позиций славянофильства исследователь рассматривал многие события славянской истории.

Нельзя однозначно ответить на вопрос, строилась ли программа научного познания В. И. Ламанского только на классическом славянофильстве. С одной стороны, его теоретические построения базируются на славянофильской историософии, противопоставляющей «славянскую» и «западную» цивилизацию, различные по религиозному, гражданскому и нравственному характеру и по «историческим возрастам». Ученый делал акцент на духовной, этической сфере человеческой жизнедеятельности, следовательно, он испытывал влияние романтизма в науке и искусстве, соответствующего первой половине XIX в. Славянство у Ламанского ассоциировалось с православием, принятие русского языка как общего литературного для всех славян подразумевалось им как не требующее доказательств. С другой стороны, все исследования ученого имеют широкое источниковедческое основание, его взглядам, наряду с консерватизмом, присущ умеренный либерализм, выразившийся в признании необходимости развития всех без исключения национальных языков и литератур, как средств культурной, и вслед за тем, политической состоятельности народов; в защите свободы волеизъявления; в критике государственной цензуры; в защите интересов крестьянства. Хотя зачастую славянофильская историософия мешала исследователю делать строго научные выводы, он, однако, критиковал фальсификации источников и подтасовки научных фактов, имеющие целью доказательство «исторических преимуществ» славянских народов.

Возникает вопрос: были ли постулаты Ламанского проекцией внешнеполитических амбиций России на Балканах или эти убеждения возникли как следствие его научных занятий и особенностей его мировоззрения? Исследованные архивные источники убедительно доказывают справедливость второго утверждения. В. И. Ламанский действительно выражал идеологию Российской империи в славянском вопросе и воспринимался в связи с этим как представитель государственной интеллигенции, мыслящей и действующей в соответствии с этактистскими идеями. Но эта его позиция сформировалась в результате складывания историософской концепции слависта, определявшейся его идеологическими убеждениями.

Примечания

¹ Срезневский И. И. На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и И. И. Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сборник Отделения Русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1978. Т. 18. С. 2.

² Там же. С. 36.

³ Лантева Л. П. Профессор Московского университета О. М. Бодянский и его связи с лужицкими сербами // Lëtopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Sonderdruck. 1990. Reihe B–Geschichte. № 37. S. 1.

⁴ Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 80.

⁵ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб, 1859. С. 7–8.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 316. Л. 8–11 об.

⁷ Лантева Л. П. В. И. Ламанский (1833–1914) и его историческая школа // Российские университеты в XVIII–XIX веках. Воронеж, 2002. С. 77–80.

⁸ Срезневский И. И. Разбор сочинения О. М. Бодянского под заглавием «О времени происхождения славянских письмен», составленный академиком И. И. Срезневским // Извлечено из двадцать пятого присуждения учреждённых П. Н. Демидовым наград. Б. м., б. д. С. 65.

⁹ Аристова Л. Ю. Роль О. М. Бодянского в издании «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» // Славяноведение в России в XIX–XXI вв. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007. С. 43–47.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 144. Л. 1–1 об. (Неопубликованная работа В. И. Ламанского «Об издании журнала «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Автограф).

¹² Лантева Л. П. В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX и XX веков. С. 124–125.

¹³ Бодянский О. М. О народной поэзии славянских племён. Рассуждение на степень магистра философского факультета Первого отд. кандидата Московского университета Иосифа Бодянского. М., 1837.

¹⁴ Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь... С. 79.

¹⁵ Срезневский И. И. На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и И. И. Прейсе, первых преподавателях славянской филологии... С. 32.

¹⁶ Бодянский О. М. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.

¹⁷ Там же. С. 8–9.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ *Бодянский О. М.* О древнейшем свидетельстве, что церковно-книжный язык есть славяно-болгарский // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1843. № 6.

²⁰ Цит. по: *Аристова Л. Ю.* Роль О. М. Бодянского в издании «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». С. 47.

²¹ Там же.

²² *Бодянский О. М.* О времени происхождения славянских письмен. С. 380.

²³ *Срезневский И. И.* Разбор сочинения О. М. Бодянского под заглавием «О времени происхождения славянских письмен», составленный академиком И. И. Срезневским. С. 66–67.

²⁴ Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь... С. 80.

²⁵ *Бодянский О. М.* Примечания к сочинению Е. Новикова «Православие у чехов» // ЧОИДР, 1847/48. Отд. IV. С. 95.

²⁶ Там же. С. 95–96.

²⁷ Там же. С. 96.

²⁸ *Ламанский В. И.* Новейшие памятники древнечешского языка // ЖМНП. 1879. № 1. С. 149.

²⁹ *Бодянский О. М.* О поисках моих в Познанской публичной библиотеке. // Цит. по: *Аристова Л. Ю.* Роль О. М. Бодянского в издании «ЧОИДР»... С. 48.

³⁰ *Ламанский В. И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.

³¹ *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.

³² ОР РНБ. Ф. 14. Д. 195. Л. 7 об. – 8 (В. И. Ламанский – И. С. Аксакову. Без даты).

³³ *Ламанский В. И.* Чтения о славянской истории в Императорском Санкт-Петербургском университете. Чтение I. Изучение славянства и русское народное самосознание // ЖМНП. 1867. № 1. С. 145.

³⁴ Там же. С. 117.

³⁵ Там же. С. 118–119.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 109. Л. 59 (Неопубликованная работа В. И. Ламанского «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам»).

³⁷ *Ламанский В. И.* Непорешенный вопрос. Статья первая. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка. // ЖМНП. 1869. № 1. С. 127.

³⁸ *Ламанский В. И.* Распространение русского языка у западных славян // ЖМНП. 1867. № 6. С. 442.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Эрбен И.* Заметки о славянских топографических названиях. Примечания В. И. Ламанского // ЖМНП. 1867. № 10. С. 260–261.

⁴¹ Ламанский В. И. Словарь шести славянских языков. Рецензия // ЖМНП. 1885. № 12. С. 241–242.

⁴² Там же. С. 242.

⁴³ Там же. С. 249.

⁴⁴ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики // ЖМНП. 1879. № 1. С. 137.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 109. Л. 59–59 об. (Неопубликованная работа В. И. Ламанского «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам»).

⁴⁶ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории... С. 119–120.

⁴⁷ Цит. по: Ламанский В. И. Рецензия на книги А. А. Котляревского «Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке» и «Древности юридического быта балтийских славян» // ЖМНП. 1875. № 1. С. 216.

⁴⁸ Там же. С. 217–218.

⁴⁹ Там же. С. 219.

⁵⁰ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории... // ЖМНП. 1867. № 1. С. 120–121.

⁵¹ Там же. С. 121.

⁵² Там же. С. 123.

⁵³ Там же. С. 123–124.

⁵⁴ Там же. С. 119.

⁵⁵ Там же. С. 124–129.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 129–130.

⁵⁸ В одном из своих студенческих писем В. И. Ламанский заметил: «Но самый мой любимый профессор – это Срезневский. К нему я хожу и во второй курс, где... мы... читаем Краледворскую рукопись или собрание древних чешских стихотворных памятников IX–XIV вв., найденных Ганкою... в старой башне между разным хламом». Письмо датировано 1850 г. // Цит. по: Документы по истории славяноведения в России (1850–1912). М., 1948. С. 1.

⁵⁹ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка // ЖМНП. 1879. № 1. С. 138.

⁶⁰ Там же. С. 154.

Л. Н. Алексашикина (Москва)

Научная переписка О. М. Бодянского со славянским миром

В кругу источников по истории XIX столетия переписка занимает особое место как совокупность свидетельств о различных сторонах жизни людей и общества в целом. Применительно к истории славяноведения она важна тем, что позволяет выявить и дополнить известные по другим материалам характеристики научной жизни, контактов и взаимодействий между отдельными учеными и славистическими сообществами. В переписке прямо или опосредованно отражаются личностные качества и взаимоотношения ее участников, черты времени, влияние исторических событий и обстоятельств и т. д. Без этой группы источников невозможно оценить личности и явления в контексте эпохи.

Вышесказанное в большой степени относится к деятельности одного из первых отечественных славистов Осипа Максимовича Бодянского. Его профессиональная биография отличается многосторонностью и богата событиями. Она включает научную командировку в славянские земли в 1837–1842 гг., преподавание в течение четверти века на кафедре истории и литературы славянских наречий в Московском университете, собрание и публикацию отечественных и зарубежных славянских литературных и исторических памятников, деятельность в Обществе истории и древностей российских и издание «Чтений» общества. Все это предопределило широту и интенсивность научных контактов Бодянского. Соответственно, его переписка позволяет охарактеризовать как его собственную преподавательскую и издательскую деятельность, так и состояние и некоторые общие проблемы славистических исследований в контексте общественной ситуации в России и у зарубежных славянских народов.

Анализ корреспонденции Бодянского с зарубежными славянскими учеными и учреждениями (опубликованной и находящейся в архивах) позволяет выявить масштабы, содержание и особенности его научных контактов на протяжении более чем трети века. При этом выделяются несколько этапов, отличавшихся составом адресатов, интенсивностью и тематикой переписки.

1840-е годы

Начало контактам О. М. Бодянского с зарубежными учеными было положено в ходе его научной командировки 1837–1842 гг. Маршрут этой поездки можно считать весьма насыщенным и по теперешним понятиям, а в то время

он представлялся всеобъемлющим. Известный своей критичностью И. В. Ягич заметил впоследствии о программе этой поездки, первоначально планировавшейся на 2 года: «...вояж почти по половине Европы в такой срок был бы приятным путешествием, но мало что давал для научной подготовки на кафедру славянской филологии»¹. Тем не менее, командировка, растянувшаяся из-за болезни Бодянского на пять лет, позволила ему посетить Чехию (Прагу, Карловы Вары), Моравию, Вену, Словакию, Венгрию, Сербию, Славонию, Хорватию и др.² и познакомиться со многими ведущими славистами и деятелями славянского Возрождения. В Праге это были П. Й. Шафарик, В. Ганка, Ф. Палацкий и другие чешские ученые, в Вене – Е. Копитар, В. С. Караджич, Л. Гай, в Пеште – Я. Коллар, в Загребе – С. Враз, во Вроцлаве – Я. Е. Пуркине и др.

Вернувшись в Москву и приступив к преподаванию на университетской кафедре истории и литературы славянских наречий, О. М. Бодянский продолжил общение с зарубежными коллегами. Переписка свидетельствует, что 1842–1848 гг. были временем его разносторонних и интенсивных контактов со славянским миром. При этом он выступал и как частное лицо, занимающееся научными изысканиями и преподаванием, и как секретарь Общества истории и древностей российских и редактор издаваемых обществом «Чтений» (в 1845–1848 гг. и, после перерыва, с 1857 г.).

Наиболее значительными в рассматриваемый период являлись связи Бодянского с чешскими учеными, прежде всего – П. Й. Шафариком и В. Ганкой. Переписка с ними позволяет выявить многие стороны славистических контактов того времени в целом.

Известно, что Бодянский уже при первом знакомстве с Шафариком написал: «Он для меня – целая Академия». В их последовавшей переписке проявляется наставническое отношение старшего и маститого исследователя к начинающему. Так, Шафарик указывал на необходимость составления первыми русскими славистами учебных пособий, в первую очередь – учебников по сравнительной грамматике, истории славян, истории славянских литератур, а также хрестоматии, антологии славянских народных песен³. В первые годы преподавательской деятельности Бодянского Шафарик советовал ему: «Хорошо сделаете, если с самого начала будете давать больше молока, чем тяжелой неудобоваримой пищи. Не забывайте, что мы начинатели. Я бы на Вашем месте читал историю всеславянской литературы (обзор), из сравнительной грамматики только важнейшее о наречиях польском, чешском и сербском, затем объяснял бы некоторые из лучших произведений, например, Рукопись Краледворскую, сербские и иллирские стихотворения, а в подробности наречий и наречийц, не говоря о подречиях и подречьицах, вообще не

пускался бы. Достаточно открыть дверь и указать дорогу: кто хочет быть славянским филологом, пусть сам идет дальше»⁴. Подход Шафарика, предусматривавший системное изложение ключевых обобщенных знаний в сочетании с практическим изучением конкретных литературных и исторических произведений, представляется весьма продуктивным. Бодянский избрал иную манеру преподавания, освещая литературы славянских народов «неравномерно и не по единому принципу», как отмечала Л. П. Лаптева, и увлекаясь обстоятельным разбором разрозненных, порой частных сюжетов и текстов⁵.

Заслуживает внимания также обмен мнениями между П. Й. Шафариком, с одной стороны, и М. П. Погодиным и О. М. Бодянским, с другой стороны, о принципах публикации памятников славянской письменности и истории. Так, Шафарик критически высказывался о применявшемся Бодянским способе издания источников без разбивки текста, с буквальным его воспроизведением, называя это «непрактичнейшей, несчастнейшей мыслью на свете». Он считал необходимым следовать научным требованиям своего времени, таким, как соблюдение орфографии, расшифровка аббревиатур, ведение логической интерпункции, разбивка текста на главы и др.⁶ Бодянский в одном из ответных писем отказывался от «рабства подлиннику», однако качество его публикаций и в дальнейшем вызывало замечания специалистов. Шафарик принял также активное участие в создании отвечавшего современным потребностям кирилловского шрифта для издания старославянских памятников. По его заказу и после консультации с Бодянским такой шрифт был создан в Праге и его матрицы направлены в типографию Московского университета⁷.

Переписка пополняет представления и о такой стороне деятельности Бодянского как перевод на русский язык и издание трудов чешских ученых – сочинений Шафарика «Славянские древности» (переводились и издавались дважды), «Славянская этнография» и др., статей В. Ганки, Ф. Палацкого и других исследователей. Так, Шафарик, как и всякий автор, заботившийся о качестве публикаций своих работ, дипломатично писал Бодянскому: «Русские жалуются на Вас, что опять слишком буквально и недостаточно четко переводите “Этнографию” на русский язык, как и “Древности”. Это плохо. Ваша публика и так испорчена, поэтому Вы не должны шероховатостью формы отталкивать ее от чтения серьезных вещей»⁸. Данное обращение, очевидно, было вызвано критическими замечаниями в адрес переводов Бодянского, высказывавшимися в рецензиях российских ученых, не говоря о язвительных сентенциях О. И. Сенковского («Этот перевод сделан так искусно, что наш язык кажется в нем почти божеским»). В целом приведенная информация свидетельствует как о сложности переводческой миссии для Бодянского, так и о его упорстве в достижении поставленных целей. Она в известном смысле

раскрывает «человеческое измерение» межславянских контактов на начальном этапе развития отечественной славистики.

Активным корреспондентом первого московского профессора-слависта был В. Ганка. Он также проявлял интерес к преподавательской и издательской деятельности Бодянского, но по-иному, чем Шафарик, усматривая в ней, прежде всего, возможности широкого обмена научными публикациями, распространения трудов славянских ученых в России. Так, выпустив в свет «Сазаво-Эмаусское Евангелие», Ганка сообщал Бодянскому: «Вы – первый, получающий полный экземпляр, даже у меня его еще нет. Мне было бы приятно, если бы Вы показали его в Москве и объявили о нем в печати, и в особенности, если бы Вы рекомендовали его своим слушателям в качестве хрестоматии древнейших памятников славянского языка»⁹. Переписка двух славистов показывает, что Ганка, наряду с Шафариком, являлся одним из наиболее деятельных партнеров и посредников Бодянского в обмене литературой между российскими и зарубежными славянскими учеными. Кроме того, Ганка использовал сам факт преподавания славянских языков, в том числе – чешского, в Московском университете для пропаганды и поддержки идей национального возрождения. Он опубликовал в «Журнале Чешского музея» в 1843 г. перевод письма Бодянского к Л. Штуру с описанием успехов московских студентов в «славянских студиях». Тогда же в популярном чешском журнале «Květy» появились тексты писем К. Гавличка-Боровского об экзамене, который сдавали студенты О. М. Бодянского: «Итак, Москва была первым городом в мире, где Славянская карта ex officio висела на доске и где ex officio студенты учились по трудам Шафарика... когда студенты взяли за чешские книги, которых не знают в Праге и которые там валяются только в лавках, когда эти русские и поляки... начали читать и переводить – я просто очутился на пятом небе...»¹⁰ Эти публикации имели, по свидетельствам современников, широкий общественный отклик.

Во второй половине 1840-х гг. в переписке О. М. Бодянского нашла отражение и такая форма контактов со славянским миром, как избрание славянских ученых и общественных деятелей в почетные члены Общества истории и древностей российских. По рекомендации Бодянского были избраны Д. Зубрицкий, В. Ганка, Й. Юнгман, Ф. Палацкий, Я. Коллар, Ф. Л. Челаковский, Я. Е. Пуркине, В. А. Мацеёвский. В качестве секретаря ОИДР Бодянский заботился об отправке изданий общества всем его членам. Когда же оказывалось, что в ответ не всегда поступали публикации зарубежных славистов, он не стеснялся указать на это коллегам. В одном из писем Шафарику говорится: «Вот уже другой год как Общество наше высылает своим славянским загра-

ничным членам изданное им в течение года, а от них хоть бы один догадался отблагодарить его своими изданиями, кроме г. Юнгмана, который прислал ему свой Словарь. Ведь затем же их и избрало Общество в свои члены, чтобы иметь возможность прямо и непосредственно меняться с ними издаваемыми им книгами. Чтобы тем была истинная славянская взаимность!»¹¹ Столь решительная позиция в борьбе за «славянскую взаимность» не могла не привести к положительным результатам: со временем обмен изданиями приобрел регулярный характер.

В порядке обобщения следует отметить, что применительно к рассматриваемому периоду можно говорить о завершённом во временном отношении и целостном по содержанию этапе контактов О. М. Бодянского со славянским миром. Его переписка 1840-х гг. позволяет раскрыть такие предпосылки и слабые стороны этих связей, как:

– совокупность личных и социально-значимых мотивов участников контактов в ситуации становления славистических исследований в их странах (профессиональные, просветительные и популяризаторские, идеологически ориентированные и другие мотивы);

– спектр профессиональных компетентностей и научных позиций участников контактов (проявлявшийся в обмене мнениями и полемике по актуальным проблемам, различной степени романтизма и скептицизма в научных взглядах славистов и др.);

– формы осуществления связей, в том числе: а) обмен научными изданиями; б) взаимные переводы и публикации источников и трудов в области славянских языков, литератур, истории; в) обсуждение отдельных исследовательских проблем; г) распространение знаний о славянских народах в публицистике, популярных изданиях и др.

Результаты указанных контактов представлены в реальных научных достижениях и явлениях, не ограничивавшихся рамками деятельности О. М. Бодянского, но имевших общенаучное значение. Это – организация первых кафедр литературы и истории славянских наречий и подготовка первых поколений российских славистов; формирование славистических библиотек; установление связей между учеными сообществами и др.

В последовавшие за рассмотренным периодом десятилетия научные контакты О. М. Бодянского, затрудненные после известной «флетчеровской истории» 1848–1849 гг., уже не достигли такой разносторонности и интенсивности. Тем не менее, переписка этих десятилетий содержит интересный материал для характеристики его деятельности и славистических исследований в целом.

1849–1857 годы

Этот трудный для О. М. Бодянского период ознаменовался годичным смещением его с университетской кафедры и почти десятилетним отлучением от работы секретаря ОИДР и редактора «Чтений». Соответственно, значительно сократились и его научные контакты. Изменилась и ситуация в славянском мире. С одной стороны, в ходе революционных событий 1848–1849 гг. многие ученые и общественные деятели активно включились в политическую жизнь. С другой стороны, после подавления революционных выступлений во многих славянских землях установились жесткие порядки, ограничивавшие общественную жизнь, в том числе научные и культурные связи. Так, П. Й. Шафарик писал Бодянскому в 1850 г.: «С начала 1848 г. я ничего не получил из русской литературы...»¹²

В указанных обстоятельствах переписка Бодянского была обращена, главным образом, на поддержание обмена научными книгами и периодическими изданиями. Одним из его наиболее активных посредников в связях с зарубежными славистами стал в 1850-е гг. священник православной церкви при российском посольстве в Вене протоиерей М. Ф. Раевский¹³. При его помощи пересылались письма и книги в земли, входившие в состав Австрийской империи – Чехию, Словакию, Галицию, Хорватию, Словению. Наряду с П. Й. Шафариком и В. С. Караджичем адресатами этой переписки выступали Я. Ф. Головацкий, И. Кукулевич-Сакцинский, Ф. Миклошич, А. В. Шембера, А. Патера и др. В перечнях пересылавшихся публикаций обращает на себя внимание заметно возросшее по сравнению с предшествующим десятилетием число периодических изданий. Нередко Бодянский заказывал несколько экземпляров книг, предназначавшихся для студентов (например, учебник польского языка Ф. Л. Челаковского, издания «Сербских песен» В. С. Караджича). Значение переписки Бодянского и Раевского не исчерпывается комплексом фактической информации, но состоит также в том, что она показывает, какую роль в научных сношениях того времени часто играл посредник, пусть не причастный к науке, но бравший на себя практическое обеспечение связей.

1858–1877 годы

Характерные черты этого периода состоят в изменении состава участников научных контактов, переходе от регулярной к эпизодической переписке и постепенном ее свертывании. Некоторое оживление наблюдается лишь после поездки О. М. Бодянского в славянские земли в середине 1860-х гг.

Отмеченные тенденции объяснялись уходом из жизни старших коллег и наиболее активных корреспондентов Бодянского – В. Ганки и П. Й. Шафа-

рика (в 1861 г.), В.С. Караджича (в 1864 г.) и др. Изменились и условия, в которых велись славистические исследования. Многие слависты оказались вовлечены в общественную и публицистическую деятельность. Примечательно в этом отношении одно из писем М. Ф. Раевского к О. М. Бодянскому: «Благодарю Вас за «Вестник» («Русский вестник», издававшийся М. Н. Катковым. – Л. А.), за сочинение Майкова (речь идет о диссертации А. А. Майкова «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа». – Л. А.); последнее произвело здесь изумительное впечатление... до которых пор Вы не будете посылать разбора подобных сочинений и летописи Вашей деятельности, например, в «Augsburger Allgemeine Zeitung»? ... Да и славян-то хоть бы заинтересовали, а то дожидаетесь, пока они будут читать по-русски! Читают по-русски у них одни только избранные ученые»¹⁴. Нетрудно увидеть, что священник посольской церкви в Вене считал необходимым вести более активную пропаганду достижений русской науки и культуры среди зарубежных славян. Между тем О. М. Бодянский предпочитал ограничиваться сугубо научной сферой, тем более что с конца 1857 г. он вернулся к исполнению обязанностей секретаря ОИДР и редактора «Чтений».

В переписке О. М. Бодянского в рассматриваемый период значительное место уделяется контактам со славянскими научными обществами, обращавшимися в 1850–1870-е гг. в ОИДР с предложениями осуществлять обмен изданиями. В их числе были Общество истории и древностей югославянских (в Загребе), Чешский Музей, Верхнелужицкое общество наук (в Гёрлице), Общество сербской словесности, Верхнелужицкая Сербская Матица, Югославянская Академия науки и искусства (в Загребе), Сербская Матица (в Новом Саде), Сербское ученое общество (в Белграде), Институт Оссолинского (во Львове). Эта часть корреспонденции Бодянского свидетельствует о новом этапе в процессе институционализации славистики как отрасли знания.

Нельзя не отметить, что научные и культурные события 1860-х гг. все же побуждали О. М. Бодянского к отдельным высказываниям общественного характера. Так, в связи с готовившимся празднованием 500-летней годовщины рождения Яна Гуса (1869 г.) он направил в Чешский распорядительный комитет письмо от имени ОИДР с поддержкой стремлений «братьев-чехов», направленных «к охранению и утверждению народной самобытности и самодеятельности»¹⁵.

В целом переписка одного из первых российских славистов с зарубежными коллегами, в значительной степени опубликованная и относительно хорошо изученная, заслуживает дополнительного рассмотрения и осмысления не только в специально славяноведческом, но и в широком историко-культурном контексте.

Примечания

¹ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 314.

² См. донесения Бодянского о ходе поездки, адресованные министру народного просвещения и попечителю Московского учебного округа и опубликованные в Журнале Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП) в 1838 г. (Ч. XVIII), 1839 г. (Ч. XXIII), а также направленные в Совет Московского университета (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 6. Д. 156).

³ Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vyd. V. A. Francev. D. I. Vzájemné dopisy P. J. Šafaříka s guskými učenci (1825–1861). Č. I. Praha, 1927. S. 75–76. (Далее – Korespondence).

⁴ Korespondence... Č. I. S. 79.

⁵ См. подробнее: *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М., 1997. Гл. II.; *Она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 137–139.

⁶ Korespondence... Č. I. S. 124, 126, 691.

⁷ Ibid. S. 108, 113, 114, 121, 130.

⁸ Ibid. S. 71.

⁹ Письма Вячеслава Ганки к О. М. Бодянскому. ЧОИДР. 1887. Кн. 2. Отд. II. С. 16.

¹⁰ Два письма К. Гавличка из Москвы // Славянский ежегодник. Сост. Н. Задерацкий. Киев, 1877. С. 186–187.

¹¹ Korespondence... Č. I. S. 119–120.

¹² Ibid. S. 142.

¹³ Переписка О. М. Бодянского с М. Ф. Раевским хранится в ОПИ ГИМ в Москве и ОРИЛ НАНУ. Письма М. Ф. Раевского, находящиеся в ОРИЛ НАНУ, были опубликованы А. А. Титовым в 1834 г.

¹⁴ Протоисрей Михаил Раевский в своих письмах к О. М. Бодянскому. М., 1884. С. 27–28.

¹⁵ ОР ГБЛ. Ф. № 203 (ОИДР). Кн. 19. Л. 36.

Г. В. Рокина (Йошкар-Ола)

О. М. Бодянский и словаки

Вопрос о связях и взаимных контактах известного российского слависта, профессора Московского университета Осипа Максимовича Бодянского (1808–1877) с представителями словацкой возрожденческой интеллигенции¹ уже был предметом исследования ряда авторов². В большинстве этих работ уделялось внимание отдельным контактам русского профессора со словаками в период его путешествий в славянские земли; вне поля зрения авторов оставалась преемственность его предшествующих интересов к словацкой литературе, фольклору и языку; не затрагивалась проблема, возможно за исключением работ чешских историков Е. Турцеровой и В. Жачека, политических последствий контактов Бодянского со словаками.

Интерес О. М. Бодянского к словацкой литературе и словацкому языку был замечен еще в период его учебы в Московском университете в 1831–1834 гг. В 1835 г. в журнале «Московский наблюдатель», издававшимся М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, была опубликована обширная рецензия на сочинение словацкого ученого и общественного деятеля Яна Коллара (1793–1852) – «Народные песни словаков в Венгрии», автором которой был О. М. Бодянский³. По-видимому, впервые сборник словацких песен в Россию привез М. П. Погодин и познакомил с ним Бодянского, который откликнулся на него рецензией, оформленной в виде двух больших статей. Рецензия отражала основные наблюдения, повторенные затем в магистерской диссертации русского ученого «О народной поэзии славянских племен». Сейчас трудно точно утверждать, кто предложил Бодянскому тему магистерской диссертации, которая определила его дальнейшие славистические увлечения. Возможно, это было предложение М. П. Погодина. По мнению М. Ю. Досталь, тему магистерской диссертации ему подсказал профессор Московского университета М. Т. Каченовский⁴. В 1837 г. Бодянский защитил диссертацию «О народной поэзии славянских племен», став первым в России магистром славянских наречий. Незавершенная по неизвестным причинам рецензия Бодянского на «Народные песни» почти полностью вошла в его магистерскую диссертацию. Под сильным впечатлением теоретических положений Коллара молодой ученый формулирует в ней свое понимание народной поэзии, включаясь таким образом в полемику по вопросам народности, которая велась в эти годы в рус-

ской литературе. Он апеллирует не только к трудам Коллара, но использует работы Й. Добровского и П. Й. Шафарика.

Рецензия О. М. Бодянского на книгу Коллара была замечена литературным критиком В. Г. Белинским, охарактеризовавшим ее как одну из «примечательных работ», опубликованных в «Московском наблюдателе», который он, впрочем, не жаловал. К этому времени журнал представлял собой воплощение основных положений уваровской триады «православие, самодержавие, народность» и постоянно подвергался критике русских либералов. «Эта статья написана с талантом, знанием и любовью, – писал Белинский о рецензии Бодянского, – включает в себе много дельных и чрезвычайно любопытных фактов касательно своего предмета»⁵.

Впервые в российской литературе Бодянский относит Коллара к словацким поэтам, верно указывая место его рождения – «из Туроча». До него первые сведения о словацком деятеле были далеко не полными. Он подробно перечисляет выпшедшие к тому времени труды Коллара с точным указанием изданий, дает им оценку, отмечая, что они подтверждают в авторе «глубочайшую ученость и ум и весьма интересны для славянофилов».

В дальнейшем судьба позволила Бодянскому самому встретиться с героем своих научных изысканий, и даже стать свидетелем, и в определенной степени участником, его непростых жизненных перипетий. Будучи кандидатом на занятие кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, О. М. Бодянский совершает путешествие в Европу согласно плану, утвержденному в Министерстве народного просвещения. Его командировка в славянские земли продолжалась в течение 1837–1842 гг. В «Записке», представленной министру просвещения, он излагал план своего путешествия и отмечал: «Из Вены через Пресбург отправиться в Пест и Буду (Офен), где Коллар, отличный знаток словацкого языка может служить своими наставлениями в нем, и для путешествия по Венгрии, особенно по Словации...»⁶ Через четыре месяца пребывания за границей, 23 марта 1838 г., он шлет подробный отчет министру С. С. Уварову о своих занятиях. «1 декабря прибыл в Прагу, где согласно с начертанным планом моего путешествия должен остаться целые шесть месяцев. В четыре, прожитые мною здесь месяца, я исключительно занимался теоретически – синтаксическим усовершенствованием себя в старом и новом чешском, словацком, верхне- и нижнелужицком языках, их истории литературы и истории народа... В последних числах июня отправляюсь дальше в путь, именно в Моравию, Словацию, Галицию»⁷.

Письма О. М. Бодянского к М. П. Погодину сохранили редкие свидетельства о жизни словацкого деятеля Я. Коллара, в частности о его планах пере-

ехать в Москву. Этот переезд планировался в связи с многочисленными угрозами в адрес словацкого патриота, исходящими от сторонников мадьяризации славянского населения Венгерского королевства. Коллар в те годы жил в Пеште, «этом палладиуме мадьяризма», где он и встретился с О. М. Бодянским. В это время Коллар уже был известен как автор поэмы «Дочь Славы» и трактата «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», которые принесли ему славу панслависта и русофила, встреча с ним входила в планы русского путешественника. В письме Бодянского к Погодину от 13 марта 1839 г. он сообщает, что в тот момент, когда он заканчивал письмо, к нему пришел Коллар с анонимным письмом из Прешова, неизвестный автор которого угрожает его убить, если он не перестанет заниматься славянщиной⁸. «...Безымянный обещал придти 15 будущего сентября в Пешт и посягнуть на самую его жизнь». На вопрос Бодянского, что он собирается делать, Коллар ответил: «Вот уже двадцать лет, как я борюсь с этими дикарями и не проходит дня, чтобы они не отравили чем-нибудь мне его!.. Я не трус, это я доказал своими доселешними сделками с ними, и не уклонился бы от грозящей мне опасности, если бы тем мог подвинуть Славянщину...» Бодянский, цитируя слова Коллара, писал, что последний просит помочь перебраться в Москву. Ему не надо многого и он будет довольствоваться малым, чтобы только жить, работать и умереть среди своих. Коллар считал, что не знает другой страны, кроме России, в которой бы славянин мог свободно говорить и действовать. В других странах славян не понимают, не почитают, а высмеивают и преследуют. В разговоре Коллар высказал мысль, что спасение славян, их национальности может придти только из России. Иначе славяне ничем не могут противостоять своим врагам, только терпением, а это, по мнению Коллара, слабая защита.

Разговор Бодянского с Колларом в таких непростых обстоятельствах, в которых оказался словацкий будитель, вынудили его искать помощи у влиятельных друзей в России. Он обращается с просьбой к Погодину как человеку, хорошо известному в официальных кругах. «Куда как не худо, иметь у себя такую светлую и ученую славянскую головушку! Как бы святая Русь тем выиграла», – писал Бодянский Погодину⁹. Исследования в архивах подтвердили, что существует прошение М. Погодина к графу С. С. Уварову с просьбой помочь Коллару переехать в Москву. То, что ответ был положительный, указывает письмо директора канцелярии Министерства народного просвещения В. Д. Комовского. В нем он сообщал Погодину следующее: «Сергей Семенович благодарит Вас за Ваши письма и занимательные сведения, которые вы сообщаете в них; поручил мне известить Вас, что он был бы очень рад при-

обрести для России Коллара. Он просит Вас войти в предварительные отношения с этим ученым славянином – и о следствиях известить Сергея Семеновича»¹⁰.

Столь драматические обстоятельства, свидетелем которых поневоле стал русский ученый-путешественник, стали причиной того, что между Колларом и Бодянским сложились весьма доверительные отношения. К сожалению, не сохранилась переписка Коллара и Бодянского, но об их тесном общении свидетельствует корреспонденция к третьим лицам.

Можно также предположить, что именно Бодянский познакомил Коллара с творчеством популярного в России после смерти Пушкина поэтом А. С. Хомяковым. Коллару очень понравилось стихотворение Хомякова «Ключ», которое он приводит полностью в своем сочинении «Путешествия по Горной Италии»¹¹. Позже во время встреч с русским славянофилом В. Пановым Коллар не скрывал своего восторга поэзией Хомякова. На что Панов заметил в своих путевых письмах: «...Ему не нравится Пушкин, потому что он в нем ничего не нашел, чтобы касалось других славян, вне русских! Он Пушкину предпочитает Хомякова, потому что он написал бедные стишки, взывающие к общему союзу (славян. – Г. Р.)»¹². Бодянский также послал книгу А. С. Хомякова «Самозванец» в Словакию Л. Штуру (июнь 1844 г.) и снабдил ее подписью: «Моему незабываемому брату в народе Людовиту Штуру в Пресбурге»¹³.

В Россию попали тексты некоторых стихов Коллара, запрещенных австрийской цензурой. В архиве Пушкинского дома в Санкт-Петербурге находятся списки стихов Коллара, в том числе ода «Патриот». По мнению А. А. Зайцевой, списки были сделаны рукой О. М. Бодянского¹⁴. Вместе с другими русскими славистами М. П. Погодиным и И. И. Срезневским в 1836 г. Бодянский ходатайствовал перед Академией наук о награждении Коллара за издание поэмы «Дочь Славы» золотой медалью¹⁵.

Благодаря Бодянскому весной 1838 г. в Праге со всеми словацкими знаменитостями познакомился его коллега по университету Т. Н. Грановский. Под впечатлением этих встреч Грановский писал Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову: «Станкевич в бытность свою в Праге смотрел духовными очами... совсем не туда, куда надобно... Вы прошли мимо Шафарика, как мимо дюжинного человека, и нашли его односторонним; Вы назвали книгу Коллара "Ueber die Wechselfeitigkei..." пустою, не прочтя десяти страниц в ней, и убедили в этом меня... Меня заставили прочесть эту книгу Коллара и мне кажется, что, несмотря на болтовню, которой в ней много, она содержит много истинного и полезного для нас»¹⁶.

О явном влиянии Коллара на стихотворные опыты О. М. Бодянского в 1839 г. писал В. А. Францев, который располагал огромными документальными материалами о славянских связях первой половины XIX столетия. Так, в архиве библиотекаря чешского национального музея В. Ганки русский ученый В. А. Францев обнаружил написанные О. М. Бодянским два стихотворения, в одном из которых: «Русский – к братьям своим соплеменникам», налицо явные реминисценции поэмы Коллара¹⁷. Политический настрой молодого Бодянского, полученный им во время путешествий по славянским землям, и особенно во время встреч с Колларом, автором теории славянской взаимности, молодыми русофильски настроенными словацкими патриотами нашел отражение в его стихотворных опытах тех лет:

«Привет вам русского народа,
Его Царя, его бояр;
Ведь одного мы с вами рода?
Зачем же не один и Царь?
Пора, пора и вам, славяне,
О воле вольной речь начать;
Вам путь укажут россияне,
И где, и как ее сыскать»¹⁸.

Даже в последнем из известных писем Коллара в Россию, за два года до своей смерти, в письме к Н. И. Надеждину от 6 июня 1850 г., он интересуется, чем занимается Бодянский¹⁹.

Научные и личные связи Коллара с О. М. Бодянским, несомненно, имели широкое практическое значение и повлияли на характер российского славяноведения начального периода его развития. Интерес к славянству был во многом усилен распространением сведений о творчестве Коллара в периодической печати, публикацией его сочинений, университетскими лекциями профессоров-славистов. С другой стороны, практической сторона влияния его идей в России проявилась в усилении контактов славянских ученых, появлении первых научных сведений о словаках и словацком национальном движении в Венгерском королевстве, формировании славянских библиотек. Обширные сведения о словацком ученом и его сочинениях, которые получили слушатели университетских курсов первых профессоров – славистов, проявили себя несколько позже, в мировоззрении будущих ученых, государственных деятелей России.

Под влиянием многочисленных сведений об «апостоле славянства» в Пеште, одним из распространителей которых был О. М. Бодянский, многие российские путешественники стремились с ним встретиться и оставить в своих путевых заметках собственные воспоминания.

Во время путешествия по славянским землям Бодянский постепенно накапливал самые разнообразные сведения о словаках, их культуре и языке. Еще будучи в Праге, откуда началось его путешествие в 1838 г., он много узнал о словацком национальном движении, о Людовите Штуре, о чешско-словацких отношениях. Как считает чешский ученый В. Жачек, вопреки тому, что Бодянский был в дружеских отношениях с ведущими представителями чешского национального общества, отношение некоторых его членов к нему, главным образом, бывших полонофилов, было в значительной мере осторожно. Молодой Ф. Ригер, например, позже обвинял его, что он настраивал словаков против чехов и влиял на отход словаков от письменного чешского языка²⁰. После посещения Праги Бодянский едет в Вену, откуда собирался переехать в Братиславу. В столице империи он встречался с главой чешских полонофилов К. Кампеликом, свидетельства которой сохранились в Литературном архиве Матицы словацкой в Мартине. Вместе с Бодянским Кампелик передал открытое письмо заместителю Штура в Славянском институте в Братиславе Б. П. Червенаку²¹.

По данным В. Жачека, при встрече К. Кампелика и Бодянского проходили жаркие дебаты о панславизме, на который у них были разные взгляды. Русский гость Кампелика заявил, что как было бы прекрасно, если бы все славянские народы имели одну литературу, одно правописание и одного вождя (сравни: «Зачем же не один и Царь?»). Он предлагал, чтобы от чехов славяне приняли алфавит и правописание. Полонофил Кампелик протестовал против всех пунктов программы Бодянского, сохраняя при этом дружеский тон разговора. Именно Кампелик рекомендовал Бодянскому познакомиться в Братиславе с профессором Ю. Палковичем и Б. Червенаком. В рекомендательном письме к Червенаку он представил Бодянского как «нашего поручителя в Московском университете». Подробное изложение истории знакомства Бодянского со словацкой молодежью в Братиславе сохранилось в протоколах полицейских допросов Кампелика в Вене (август 1840 г.)²².

«Молодые словаки» устроили Бодянскому в Братиславе (Пресбурге) пышную встречу. Как вскоре говорил К. Кампелик, встретили его «как долгожданного Мессию». Бодянский подробно познакомился с деятельностью и планами Института. Он обещал перевести на русский язык и опубликовать статью об Институте в России. И он выполнил свою просьбу в этом же году. В отчет куратору Московского учебного округа, который был опубликован в «Журнале Министерства народного просвещения» (1838, № 23), Бодянский включил обширные сведения о посещении Пресбургского института, о жестоком преследовании словаков мадьярскими властями, о мадьяризаторской деятельности графа К. Зая.

Переписка Бодянского с представителями Братиславского института посвящена обсуждению проблем славянской взаимности, всеславянства, помощи России делу славянства. Как полагал К. Кампелик, среди словаков, тем не менее, не было полного доверия к Бодянскому. Червенак, который после встречи с Бодянским пишет ему рекомендательное письмо для А. Врховского в Пешт 22 сентября 1838 г., таким образом представляет московского профессора: «Тот, кто передаст эти строки, г-н Иос. Бодянский, профессор наречий славянских и истории в Московском университете и основатель там всеславянского журнала. Примите его осторожно, чтобы он почувствовал, что находится между своими»²³. Письмо свидетельствует о настороженном отношении к Бодянскому, что объяснимо политической ситуацией в славянских землях Австрийской империи, где главным политическим обвинением могло стать обвинение в панславизме и русофильстве.

Позже и К. Кампелик на допросе в венской полиции после раскрытия деятельности тайных польских обществ в Вене скажет: «Я сожалел, что Бодянский заразил своим панславизмом молодую неопытную молодежь»²⁴. Подобное отношение к Бодянскому высказывал и словак Б. Носак: «Этому пану (Бодянскому) ничего ни в коей мере не обещать»²⁵. Все эти опасения словацких патриотов вполне объяснимы отношением в империи к национальным движениям славян и кампанией против панславизма, развернутой Кампеликом и Червенаком после отъезда Бодянского из Вены в Братиславу, названной «нейтрализацией последствий приезда Бодянского в Словакию»²⁶. Кампания Кампелика проходила в узком кругу посвященных словаков, его поддерживали Червенак и Михалович. Кампелик приводил собственные доводы против панславизма, который якобы пропагандировал Бодянский. «Всеславянство возможно лишь как идеал, на практике это неосуществимо. Трудность в общирности славянских земель, языковой, орфографической и этнографической разобщенности, неодинаковом культурном уровне, разной религии etc. Соединить бы всех могла одна речь, но ее возможно завести только силой». За единую речь Бодянский предлагал словакам, по утверждению Кампелика, русский язык, поэтому он считал его агентом панславизма и уговаривал словаков не верить Бодянскому. По мнению В. Жачека, молодые словаки приняли доводы К. Кампелика и начали искать развитие своей народности в Австрии²⁷.

Миф о панславистской миссии русских профессоров, созданный полономфилом К. Кампеликом, поддержанный чешскими лидерами, надолго сохранился в Австрийской империи. В 1846 г. известный чешский патриот К. Гавличек-Боровский негодует на русских профессоров Бодянского и Срезневского за то, что якобы они во время путешествия по Словакии склоняли словаков

к литературному сепаратизму от чехов, руководствуясь при этом девизом «divide et impera»²⁸. Такую же позицию по отношению к результатам встреч Бодянского со словаками занимал и П. Й. Шафарик. Имея в виду статью Гавличека «Славянин и чех» («Пражские новины», 1846), Шафарик писал Бодянскому 19 июня 1846 г.: «Между словаками и чехами наступило отторжение и раздвоение в литературе, и острые битвы – пером и чернилами, к счастью, что не мечом и кровью». В ответ на эти слова Бодянский заметил: «Все это ложь, что говорят обо мне и других в отношении раздоров чехов и словаков»²⁹.

Здесь же в Праге в 1838 г. Бодянский познакомился с лидером молодого поколения словацких патриотов – Л. Штуром, который остановился в чешской столице по дороге в Галльский университет, куда он ехал учиться. После студенческих волнений в 1837 г. австрийское правительство запрещает все студенческие общества, в том числе и Чешско-словацкое сообщество, возглавляемое Штуром³⁰. Штур уже до встречи знал о Бодянском по его публикациям в российской периодике, в частности, он был знаком с его рецензией «О народной поэзии славянских племен». Бодянского и Штура сближали молодость, огромный энтузиазм, любовь к славянской идее, романтический настрой. Молодых словаков, сторонников идей Штура, в Бодянском привлекала его поддержка самостоятельности словацкого языка. Чехи в то время не считали словацкий язык самостоятельным, рассматривая его лишь как чешское наречие. Они выступали против литературной самостоятельности словаков, за которую боролся Штур и его сторонники. Таким образом, Бодянский оказался в эпицентре борьбы различных подходов к будущему определению чешской и словацкой наций. Именно этот факт стал причиной столь разных оценок его отношений в славянской среде во время путешествий, многочисленных обвинений в «разжигании панславизма» и словацкого сепаратизма. В словацком издании «Пруды» за 1913 г. в статье Е. Турцеровой Бодянский обвиняется в том, что он своими действиями «изолировал словацкий язык от чешского»... Бодянскому была небезразлична судьба словаков. 1 марта 1839 г. он пишет Погодину: «Когда поедете в Пешт, не забудьте остановиться в Пресбурге и навестить словац. еванг. лицей, центр славянства в этом крае. В свое время мы будем должны поддержать этот институт, к сожалению, очень бедный»³¹. По мнению, Е. Турцеровой, после возвращения в Россию Бодянский еще более утвердился в своих панславистских взглядах. Доказательством для нее во многом служат слова П. Й. Шафарика о Бодянском, который стал опасаться его кипучей фантазии: «...говорит как в горячке, о вещах, в которых сам ничего не понимает... нельзя больше пускать Бодянского за границу; пусть остается спокойно дома, преподает там и пишет труды»³².

Как свидетельствует Е. Турцера, в этот период министр просвещения С. С. Уваров запретил русским славистам во время лекций говорить о политике и обсуждать положение австро-венгерских славян и именно Бодянскому сделал особое замечание. Она также сожалеет, что не осталось почти никаких свидетельств о связях Бодянского со словаками после его возвращения в Россию. Лишь через полвека словацкий ученый В. Матула введет в научный оборот документы о связях Штура с Россией³³, а в конце XX в. он же опубликует ряд писем Бодянского и Штура.

По просьбе Бодянского, которую он высказал в письме к Штуру от 29 мая 1843 г., словацкий ученый записал ему одиннадцать песен-думок. Переписка ученых продолжалась долгие годы.

В 1846 г. Штур пишет Бодянскому очень доверительное письмо, где делится своими сомнениями. Он опасался, что начатая борьба о разделении чехов и словаков не достигнет результата; таким образом, может возникнуть изоляция народов славянских, возникнет антипатия между племенами славянскими на юге, западе и востоке – и это было бы несчастьем для всех славян. Штур сетует на бедность словаков и просит Бодянского и его близких, чтобы его народ поддерживали деньгами, ибо иначе будет трудно бороться с чешской агитацией. Одновременно Штур, как бы желая подтвердить, что в его мыслях нет никаких изменений, пишет: «Идея славянская была моей путеводной звездой в молодости, согревала меня, давала жизнь и будет меня поддерживать до конца»³⁴. Действительно, до самой смерти Штур хранил верность идее славянской взаимности в ее панславистском варианте. Доказательством тому его трактат «Славянство и мир будущего», посланный им в 1855 г. великому князю Константину Николаевичу. В трактате, опубликованном на русском языке только в 1867 г., а на словацком – лишь в 1993 г., нашли отражение почти все идеи, которые обсуждались им во время общения с О. М. Бодянским.

Последнее известное письмо Штура к Бодянскому было написано им за семь месяцев до гибели, в июне 1855 г.³⁵

После возвращения О. М. Бодянского из заграничной командировки в Московском университете начинается систематическое преподавание славяноведения. Преподавательская деятельность ученого с годичным перерывом продолжалась здесь до 1868 г.³⁶ Ее начало славист ознаменовал передачей университету огромной библиотеки, которая послужила солидной материальной базой для преподавания новой дисциплины. К. Гавличек-Боровский, который в это время находился в Москве, очень высоко оценивал собрание книг Бодянского. Он считал, что «едва ли еще найдется такое прекрасное собрание на всех славянских наречиях, как у него»³⁷.

Творчество и личность Я. Коллара занимали значительное место в лекционном курсе московского профессора. Доказательством тому – студенческие работы его учеников. Разбору поэмы «Дочь Славы» была посвящена дипломная работа 1851 г. учившегося у Бодянского А. Ф. Гильфердинга³⁸. А еще раньше в 1844 г. другим учеником О. М. Бодянского, в будущем известным поэтом А. А. Фетом, была написана студенческая работа «Объяснение имени славянин по Шафарику и Коллару и собственное мое мнение по этому предмету»³⁹. Архив московского славянофила А. А. Майкова (1826–1902) хранит его выписки из различных славянских изданий, в том числе из произведений Коллара, относящиеся к периоду 1841–1846 гг., когда он учился в Московском университете и посещал лекции О. М. Бодянского. А. А. Майков обратил внимание на трактат Коллара о литературной взаимности, поэму «Дочь Славы», «Проповеди», «Пояснения» к поэме 1832 г. издания, «Хрестоматию»⁴⁰. В своих лекциях О. М. Бодянский всегда рассматривал словацкий язык и литературу отдельно от чешской, подчеркивая их самостоятельность и самобытность.

В это же время О. М. Бодянский начинает активно сотрудничать в Обществе истории древностей российских (ОИДР), будучи секретарем которого он в 1845 г. предложил целый список славянских ученых для принятия в общество, где было указано и имя Я. Коллара⁴¹.

Таким образом, в истории контактов О. М. Бодянского со словацкими учеными и общественными деятелями нашли отражения основные проблемы и противоречия, характерные для современного состояния словацкого национального движения и русского славяноведения. Общение со словацкими учеными позволило Бодянскому глубже узнать их язык, историю и культуру, понять современные политические реалии. Среди сторонников различных путей развития словацкого языка он встал на сторону шутовцев, молодого поколения словацкой интеллигенции. Общение со словаками позволило Бодянскому укрепиться в справедливости его взглядов на общеславянский духовный союз, на ответственность России в укреплении и поддержке этого союза.

Примечания

¹ Термин «возрожденческая интеллигенция» общепринят в научной литературе и обозначает участников словацкого национального Возрождения первой половины XIX в. К ним, в частности, относятся Я. Коллар, Л. Штур, Я. Краль, М. Годжа, Й. М. Гурбан и др.

² *Рокина Г. В.* Русские глазами словаков, словаки глазами русских: стереотипы восприятия в реалиях XIX в. // Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействия, стереотипы / Материалы международной научной конференции. М., 2007. С. 53–64; *Она же.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005; *Досталь М. Ю.* О. М. Бодянский в кругу идей Я. Коллара // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер. Історія. Вип. 8. Ужгород, 2003. С. 79–85; *Смирнов С. В.* Первые русские слависты в Чехии // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 310. Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Тарту, 1973. О славянских научных связях О. М. Бодянского защищена диссертация Л. Н. Алексашкиной «О. М. Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей». М., 1973. См. также: *Зайцева А. А.* Ян Коллар и русско-чешские литературные связи XIX в. // Литература славянских народов. Вып. 8. М., 1963; *Malevič O.* Znalosti ruskej predrevolučnej spoločnosti o živote a činnosti Ludovíta Štúra // Z dejín československo-slovánskych vzťahov. Bratislava, 1959. S. 339–386; *Станислав Я.* К вопросу о взаимоотношениях между Московским университетом и словаками: М. П. Погодин и О. М. Бодянский и словаки // Пражский университет Московскому университету. 1755–1955. Прага, 1955; *Turcerová H.* Styky slavianofilov so Slováckmi a ich vplyv na odtrhnutie sa Slovákov od Čechov // Průdy. IV. 1913. S. 345–350.

³ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 4. Кн. 1–2. С. 383–416, 578–607.

⁴ *Досталь М. Ю.* О. М. Бодянский в кругу идей Я. Коллара. С. 80.

⁵ *Белинский В. Г.* О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // *Белинский В. Г.* Собр. соч. Т. 1. М., 1976. С. 298.

⁶ Дело о разрешении кандидату О. М. Бодянскому поездки за границу с научной целью // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 30. № 293 (97 листов).

⁷ Отчет О. М. Бодянского о занятиях в Праге // ПФА РАН. Ф. 764. Оп. 4. Д. 7. Л. 6–7.

⁸ В личном фонде О. Бодянского, хранящемся в Киеве (Отдел рукописей Института литературы им. Т. Шевченко НАНУ. Ф. 99. № 4308. Л. 7), сохранился текст письма-угрозы Коллару на венгерском языке и его русский перевод, который Бодянский подготовил во время своего пребывания в Пеште. Словацкий ученый Л. Гараксим уверен, что это то самое письмо, о котором Бодянский писал Погодину (*Haraksim L.* Výhrážny list Jánovi Kollárovi z r. 1839 // Literárny archív. Martin, 1968. S. 282–284). Оригинал письма не сохранился в архивах Коллара и Бодянского. См.: *Понов Н.* Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). Вып. 1. Письма О. М. Бодянского. М., 1879. С. 96–99. Перевод на словацкий язык см.: *Stanislav J.* Z rusko-slovenských kultúrnych stykov. Bratislava, 1957. S. 123–125.

⁹ Из писем М. П. Погодину от Бодянского И. // ЧОИДР. М., 1879. Вып. 1. С. 98–99.

¹⁰ Письмо В. Д. Комовского к М. П. Погодину от 3 апреля 1839 г. // ОР РГБ. Ф. Пол./II.

¹¹ *Kollár J.* Cestopis obsahujúci cestu do Horní Italie... Pešť, 1843. S. 31.

¹² Встреча с Европой. Письма В. А. Панова к матери М. А. Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841–1843 гг.) / Составители Т. Ивantlyшынова и М. Ю. Досталь. Братислава, 1986. Братислава, 1996. С. 56.

¹³ *Turcerová H.* Op. cit. S. 348.

¹⁴ *Зайцева А. А.* Кеппен и Словакия // *Slovenská a ruská literatúra.* Bratislava, 1973. S. 101; Встреча с Европой ...

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 1. Дело ОРЯС Императорской академии наук о присылке книг от г. Коллара и о награждении его золотой медалью.

¹⁶ Грановский Т. Н. и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 333–334.

¹⁷ *Францев В. А.* Стихотворные опыты первых русских славяноведов. Львов, 1901. С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Русский архив. 1873. Кн. 2. С. 1220–1221.

²⁰ *Žáček V.* Z revolučných a politických polsko-slovenských stykov v dobe predmarcovej. Bratislava, 1966. S. 81.

²¹ Dopis C. Kampelika 18.09.1838 // LAMS.

²² См.: *Žáček V.* Op. cit. S. 83.

²³ Цит. по: *Žáček V.* Z revolučných a politických polsko-slovenských stykov v dobe predmarcovej. Bratislava, 1966. S. 82.

²⁴ *Ibidem.* S. 83.

²⁵ *Béder J.* Spoločnosť česko-slovenská a Slavanský ústav v Bratislave v rokoch 1835–1840 // *Slovník Vysoké školy pedagogickej.* 1957. S. 48.

²⁶ *Žáček V.* Op. cit. S. 83.

²⁷ *Žáček V.* Cesty českých studentů na Slovensko v době předběřznové. Brno, 1948. S. 64.

²⁸ *Havlíček K.* Slovan a Čech // *Politické spisy.* I. S. 32–70, 87–101.

²⁹ Цит. по: *Malevič O.* Op. cit. S. 347.

³⁰ *Загора Р.* Контакты Людовита Штура с учеными и мыслителями России // *Петербургские славянские и балканские исследования.* 2007. № 1/2. С. 114.

³¹ Цит. по: *Turcerová H.* Op. cit. S. 347.

³² *Ibidem.* S. 348.

³³ *Matula V.* Štúr a Slovanstvo // *Ľudovít Štúr (1815–1856).* Bratislava, 1956; *Listy L. Štúra / Vyd. V. Matula.* D. IV. Bratislava, 1999.

³⁴ *Turcerova H.* Op. cit. S. 348.

³⁵ *Listy L. Štúra / Vyd. V. Matula.* D. IV. S. 55–57. О связях Штура с русскими учеными и общественными деятелями, в частности с Бодянским, известно очень мало. В свя-

зи с этим интерес представляют изыскания молодого словацкого исследователя Р. Загоры. (*Загора Р.* Контакты Людовита Штура с учеными и мыслителями России // Петербургские славянские и балканские исследования. 2007. № 1/2).

³⁶ Подробный очерк преподавательской деятельности О. М. Бодянского в Московском университете с характеристикой его курса дан в работе: *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М., 1997. С. 40–108.

³⁷ Славянский ежегодник. Киев, 1877. Т. 2. С. 185. Библиотека О. М. Бодянского в МГУ содержит 2349 томов. Она была приобретена университетом в 1843 г. На многих книгах сохранились автографы Я. Коллара. См.: *Сафронова Н. И.* Личные библиотеки в собрании отдела редких книг и рукописей научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Рукописная и печатная книга в фондах научной библиотеки Московского университета. М., 1972.

³⁸ Автограф работы А. Гильфердинга хранится в архиве ОР РГБ. Ф. 178. № 3002.

³⁹ См.: *Мыльников А. С. А. Фег* о происхождении имени славян // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 265–275.

⁴⁰ Архив А. А. Майкова в ОР РНБ (Санкт-Петербург). Ф. 452. Оп. 1. № 179. 22 листа содержат конспекты указанных работ Коллара.

⁴¹ *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете. С. 70.

С. А. Ганус, О. С. Мазурок (Ужгород)

Осип Максимович Бодянский, Денис Иванович Зубрицкий и их переписка в кругу идей и людей своего времени

Предлагаемый материал может быть отнесен к жанру штрихов к портрету обоих наших героев, а своего рода палитрой красок для этого являются письма. Авторы стремятся, проанализировав содержательную сторону эпистолярных источников, уяснить направление и характер коммуникации между Осипом Максимовичем Бодянским и Денисом Ивановичем Зубрицким. В историографии этот вопрос освещается вскользь, в виде отдельных упоминаний о существовании их отношений, как таковых. Статья может послужить определенным дополнением и к биографиям обоих подвижников науки, их научных и общественных связей, и к изучению истории славяноведения середины XIX в. и, наконец, к характеристике общеславянского возрожденческого общественного движения, развернувшегося в рассматриваемое время и в России, и в Украине, в частности, в Восточной Галиции.

Процесс развития науки имеет накопительный кумулятивный характер, среди движителей которого немаловажное значение имели и имеют личные контакты между представителями ученого мира. Подобные связи весьма способствуют научным изысканиям и являются необходимой предпосылкой их успеха благодаря следующим их особенностям:

- Взаимному информированию о результатах, как собственных исследований, так и достижений в определенных областях научного знания;
- Если эти студии еще не дозрели до печатных трудов с обоснованными умозаключениями, то в процессе обсуждения с коллегами разных аспектов исследуемых вопросов происходит апробация результатов научного творчества, тем более необходимая в XIX в., когда еще не существовало традиции проведения публичных мероприятий типа конференций, симпозиумов и т. п., хотя свою роль выполняли, конечно же, диспуты во время защиты магистерских и докторских работ.
- Обмену носителями информации: как исследовательской литературой, периодикой, так и непосредственно историческими источниками, что в условиях ограниченности передвижения в XIX в. имело неопределимое значение, как

в случае с Д. И. Зубрицким, у которого на дальние поездки попросту не было ни возможности, ни средств.

• Деятельной помощи в обналачивании результатов исследований, что как раз и было продемонстрировано в рассматриваемом нами случае контактов между О. М. Бодянским и Д. И. Зубрицким.

Ученый, в первую очередь – обществовед и его научные убеждения не могут быть элиминированы из круга значимых для общества своего времени идей. Историческая память не только порождает историческое сознание, но и, в свою очередь, ощущает обратное влияние. В этом контексте следует рассматривать и вопрос о взаимоотношении между историческим сознанием и исторической наукой. Эта последняя, будучи формой человеческой рефлексии и социального самопознания, формирует отношения общества к минувшему, осуществляя это под мощным влиянием импульсов, которые идут от современности¹. Подобная связь не отрицалась выдающимися умами XIX в. Признанный мастер «объективного историописания» Л. фон Ранке сомневался в возможности изучения прошлого без импульсов, которые генерирует современность, утверждая, что «общественная жизнь в прошлом, изобразить которую составляет задачу, историка внутренне связана с общественной жизнью современности»². Историографию, пронизанную политическим мышлением, ликвидировать, по мнению Ранке, невозможно, но при этом «всегда остается задача подняться к чистому взгляду». С учетом таких эпистемологических подходов ранкеанская формула писать историю «так, как оно было на самом деле» совсем не выглядит как позиция пророка, вознесенного в небесный эфир и беспристрастно наблюдающего за течением жизни прошлого.

Тем более невозможно применить критерии «чистой науки» к славяноведению эпохи романтизма, когда бурно развивались процессы национально-культурного возрождения практически у всех без исключения славянских народов, и в качестве противовеса гегелевской концепции преимущества романо-германского мира, как воплощения «абсолютного духа» и носителя историчности формируется идея общеславянского единства, включающая при этом настойчивые поиски собственной идентичности членами великой славянской семьи. Философский смысл исканий интеллектуалов из славянских стран предполагал, со ссылкой на авторитет И. Г. Гердера, на исторический опыт и самоценность культурно-исторических достижений славянства преодолеть бинарную оппозицию «цивилизации и варварства» в жестком противопоставлении «Европы и Скифии», то есть Запада и Востока. Тем более, что «Восточная Европа» является конструкцией, порожденной интеллектуальным изобретательством Просвещения³.

В специфических условиях восточнославянского мира осознание своей цивилизационной идентичности в ее исторической, этнокультурной, религиозной, политической ипостасях воплотилось в концепции «россизма». В ее основе находилось общепризнанное представление о «российском народе», как слитной и нераздельной целостности трех составляющих: россиян (великороссов, северян), украинцев (малороссов, южан), а также белорусов⁴. Сюда же включались и региональные этнические группы, к примеру, «карпатороссы», русины Червонной Руси и т. д. Что показательно, маргинальное положение и отсутствие перспектив самореализации в Австрийской империи толкало представителей субэтнических восточнославянских общностей искать счастья на просторах великой общей родины, как воспринималась тогда Россия. Так, плеяда выходцев из Закарпатья – М. А. Балудянский, И. С. Орлай, Ю. И. Венелин (Гуца) и другие сделали блестящую карьеру в разных сферах деятельности. Исключения не составляли и выходцы из разных регионов Надднепрянской Украины, причем речь может идти о десятках выдающихся имен, среди которых, кстати, и имя Осипа Максимовича Бодянского. Имперский характер Российской государственности и наднациональный характер ее культурных процессов создавали единое пространство для продуцирования достижений в разных сферах – просвещении, науке, искусстве и т. д. Украинцы, обогащая общероссийскую культуру, приносили в нее мотивы этнического и регионального многообразия империи, что являлось составляющим элементом российского национального самосознания. Вот что отмечал один из наставников Бодянского по *alma mater* профессор Н. И. Надеждин: «Малороссийское наречие может также служить к обогащению нашего языка. Пусть украинцы знакомят нас с ним в своих поэтических думах, в своих добродушных «казьках»! Мы им должны быть душевно благодарны!»⁵ Эти настроения дополнительно стимулировались подъемом чувства славянской взаимности, которое охватило все без исключения славянские народы в условиях культурной фазы их национального возрождения. Пусть позднее программы славянского единения и деконструировались, а число его приверженцев неуклонно сокращалось, однако факт их длительного влияния на жизнь отдельных славянских народов не вызывает сомнения⁶.

Возвратившись к россизму, отметим, что эта концепция отображала объективную принадлежность восточных славян к общей византийской и древнерусской историко-культурной традиции, представленной в собирательной дефиниции «*Pax Orthodoxa*», противопоставленной западному миру и его ценностям, воплощенным в «*Pax Latina*». Здесь мы видим яркое проявление уже упомянутых бинарных оппозиций, только со взгляда с востока Европы. Россияне и украинцы вели совместную борьбу против «чужеземного засилья»

в общерусской культуре, против «клеветнических измышлений» западноевропейских историков о России. Вспомним, к примеру, эмоциональную полемику Ю. Венелина с поклонниками скандинавомании⁷.

В противовес рационализму и космополитизму Просветительства, романтизм, определяющий мировоззрение и интеллектуальные процессы эпохи, был связан с чувственно-страстным мировосприятием (не с тех ли времен мы пользуемся определением национального чувства?!). В рассматриваемое нами время (согласно М. Фуко рубеж XVIII–XIX вв. определяет начало современной эпистемы в соотношении «слов» и «вещей») поиски сути вещей опосредованы глубокой историчностью, которая определяет их в присущей им связи⁸. Одним из краеугольных камней парадигмы разных отраслей научного знания (истории, филологии, правоведения и даже наук о природе!) в эпоху романтизма, то есть в 1-ой половине XIX в. становится историзм. Относительно государства, нации и общества историки периода романтизма обращаются к историческим корням современных им государств и народов, что предполагало апеллирование к историческому опыту средневековья. В славянских странах были хорошо усвоены как принципы романтизма, так и основополагающие идеи Французской революции конца XVIII в.⁹

В каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами и рефлексивным познанием располагается чистая практика, отражающая способы бытия. Эта «практика порядка» в своей первичной и нерасчленимой сути всегда играет критическую роль¹⁰. Беспорядочное сочетание модификаций бинарной оппозиции «цивилизации и варварства» в осмыслении идентичности славянского мира Восточной Европы создавало интеллектуальное напряжение¹¹, жаркие дискуссии в научных и общественных кругах. На местной почве, с учетом конкретных условий своего бытования они определяли мировоззрение и поиски ответов на вопросы: кто мы есть? С кем и куда нам стоит двигаться вперед? Полемика славянофилов с западниками, которая самым существенным образом влияла на развитие науки славяноведения, является лишь частным случаем этих процессов в интеллектуальной истории.

Перечисленные факторы в своем совокупном действии создавали виртуальное пространство, в котором происходил взаимообмен идеями, концепциями, материальными носителями информации, что в рассматриваемое время с успехом выполняло коммуникационные функции в поступательном развитии научного процесса.

Ведущий специалист в области изучения творчества Бодянского Л. П. Лаптева отмечает, что большинство его писем, имеющих неопределимое значение

для изучения истории русской культуры, в частности русского славяноведения, находятся в его архиве в Отделе рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко в г. Киеве (фонд 99). Действительно, соглашаясь с ее авторитетным мнением о том, что важнейшее место в корреспонденции Бодянского занимает его переписка с чепскими учеными¹², следует отметить, что его научные и личные связи только лишь чехами не ограничивались. Весьма обширной была переписка Осипа Максимовича с земляками из разных уголков Украины, среди которых встречаются имена известных писателей, коллег по ученому цеху, общественных деятелей, ревнителей старины и родной словесности. Соответственно, его письма расплынены в коллекциях целого ряда архивных и библиотечных учреждений Украины и России.

Вооружившись образным замечанием А. И. Герцена о том, что «письма больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и истинное»¹³, мы определим предмет нашего рассмотрения переписку между О. М. Бодянским и Д. И. Зубрицким, хранящуюся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины в г. Львове (ЦГИАУ) в виде микрофильмованных копий. Речь идет о двух единицах хранения: деле № 2244 «Письма к О. Бодянскому от Д. И. Зубрицкого» и деле № 2336 «Письма к Зубрицкому от Бодянского О., Ганки В., Головацких Якова и Ивана». В обоих случаях единицы хранения представляют собой коллекции эпистолярных источников из библиотеки Научного общества им. Т. Г. Шевченко (НТШ), которое на рубеже XIX–XX вв. с успехом выполняло функции академического учреждения Украины. Соответственно, речь идет о фонде 309 «Научное общество им. Т. Шевченко во Львове» ЦГИАУ в г. Львове. Можем небезосновательно предположить, что в библиотеке НТШ упоминаемые документы появились благодаря усилиям Кирилла Иосифовича Студинского, известного украинского ученого, впоследствии академика Всеукраинской Академии наук (ВУАН). Именно Студинским собраны коллекции писем Я.Ф. Головацкому от разных корреспондентов, в том числе и от О. М. Бодянского. Это косвенно подтверждается материалами другого архивного дела под № 379 фонда 362 «Студинский К. И. – академик», где Ф. Савченко – научный сотрудник ВУАН в письме от 8 января 1930 г. называет Студинского наилучшим знатоком эпистолярного наследия О. М. Бодянского¹⁴, которое как раз готовилось к печати и действительно было опубликовано в этом же году. Речь идет о переписке Я. Головацкого с О. М. Бодянским¹⁵. Издательский замысел Ф. Савченко, впрочем, был гораздо шире, поскольку он собрал 455 писем к Бодянскому от 82 украинских корреспондентов¹⁶.

Однако возвратимся к предмету нашего рассмотрения. В указанных архивных делах представлены разрозненные письма Бодянского и Зубрицкого, хронологически охватывающие период с 1846 по 1861 гг. В деле № 2244 фонда 309 содержатся 5 писем Зубрицкого Бодянскому за 1846–1861 гг. В деле № 2336 – 3 письма Бодянского Зубрицкому за 1846–1848 гг. Язык писем – русский, несмотря на то, что в переписке с земляками Бодянский нередко пользовался украинским языком в существующем в то время варианте орфографии, что вызывало восторг его респондентов. Вот выдержка из письма П. А. Кулиша из Тулы Осипу Максимовичу от 21 апреля 1848 г. «Вже колы Вы до мене озываетесь ридною мовою, дак и я не втерплю, одгукнусь до Вас, хоч и оглядуючысь, батьковою та матерыною риччу»¹⁷ (в этом отрывке, как и в последующих цитатах, оригинальное авторское правописание оставлено без изменений. – С. Г., О. М.). Украинскими словечками, пословицами, афоризмами, забавными анекдотами пересыпан и дневник Бодянского за период 1852–1857 гг., подготовленный к изданию Т. А. Медовичевой¹⁸. В одной из своих ранних статей он совершенно четко пишет о том, что до XII в. язык «северных и южных руссов» был очень схож, но после нашествия татар и завоевания Южной Руси литовцами, языки руссов «так далеко отстали один от другого (*равно как и сами говорившие ими*), что впоследствии составили собою совершенно две отличныя ветви, решительно никогда уже не могущия сблизиться»¹⁹.

О чертах малорусскости ученик Бодянского, профессор Новороссийского университета А. А. Кочубинский пишет в разных местах своих воспоминаний об учителе: «Пред слушателями был настоящий «запорожский казак», «с зачесанными на висках волосами вперед гребнем, с большими, но расходящимися добрыми глазами, причем один был поврежден, с широким большим хохлацким носом, бритое лицо, но с щетинистыми, топырящимися в разные стороны большими усами»²⁰. Вполне очевидно, что выпуклые и заметные со стороны имиджевые особенности Осипа Максимовича выражали стойкую приверженность традициям отчего края. Хотя в последующем, в вопросе самобытности украинского языка и культуры он пошел по тому же пути, что и Срезневский, то есть склонялся все больше к ее отрицанию. Правда, эволюция Бодянского в этом вопросе была более плавной и не столь нарочитой. Все же он не мог забыть национальных корней своего происхождения, хоть после 1843 г. он почти безвыездно проживал в Москве.

Стремясь объяснить, почему языком переписки Зубрицкого и Бодянского избран все же был русский и какое это может иметь значение для нашего исследования, мы должны опереться на важное методологическое суждение М. Фуко. Несколько упростив сложную систему его построений, остановимся на том утверждении, что язык является спонтанно сложившейся таблицей,

первичной сеткой вещей, необходимым этапом между представлением и формами бытия. Коды языка, принимаемого за положительную опору, являются основанием построения общих теорий и вытекающих из них толкований об упорядоченности вещей²¹. Подобной положительной опорой для наших героев с их приверженностью делу общеславянского единения, пробуждения «русского духа» в Галиции как раз был русский язык. В письме М. П. Погодину от 5 мая 1852 г. Денис Иванович отметил: «Я писал, сколько сумел, на чисто русском языке, а этот язык подозревают у нас как симпатизирование с Московщиной. Сам тихий и смиренный журналец «Галицкая Зоря» получил увещание, чтобы он не осмеливался употреблять московских слов под угрозой запрещения...»²² Понятно, что в условиях такой жесткой политики австрийского правительства отношение к русскому языку, который рассматривался также в качестве языка науки придавало принципиальный характер позиции о необходимости его употребления. Это было важным как для московского слависта малороссийского происхождения Бодянского и для галицко-русского ученого Зубрицкого.

Настроения, распространенные в среде интеллигенции Восточной Галиции по вопросу языка, показал Я. Ф. Головацкий в своей известной статье «Положение русинов в Галиции», опубликованной в 1846 г. в лейпцигском «Ежегоднике славянской литературы, искусства и науки». Вот что он писал: «Русский язык, т.е. книжный язык русских, поскольку он основан на русинском наречии и церковно-славянском языке и является результатом развития обоих, *легко понятен каждому образованному русину* (курсив наш. – С. Г., О. М.), который, кроме родного языка, безусловно, знает церковнославянский, только великорусский разговорный язык ему нужно специально учить»²³.

Для реконструкции магистрального пути формирования убеждений Бодянского, которые повлияли на его кредо, как ученого-славяноведа сошлемся на два разновременных аргумента. Один из них относится к 1839 г., в пору увлечения украинским фольклором и литературными опытами на украинском языке. Вскоре после приезда в Прагу начинающий славист написал стихотворение «Русский к братьям своим соплеменникам», где есть такие строки²⁴:

Лишь русский из оков пробился,
Свободен, весел, горд, могуч;
В нем дух славянский возродился
И вот бросает гром из туч!
Пора, пора и вам, славяне,
О воле вольной речь начать;
Вам путь укажут россияне,
И где, и как ее сыскать. (курсив наш. – С. Г., О. М.)

Досель искали мы свободы
Своей земле, себе самим.
*А нынче наступили годы
И братьям поискать своим.*

В последующем, после «весны народов» и в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. славянофильский контекст убеждений Бодянского, уже как у зрелого человека и ученого, лишь усиливается. В дневниковой записи от 12 апреля 1854 г. он страстно восклицает: «Стало быть, наконец, мы торжественно объявляем войну не просто за православных, кто бы они ни были, но за православную братию, т. е. славян под игом турецким и сербов. Слава Богу! Лучше поздно, чем никогда. Вера и соплеменность – два самые сильные рычага на земле, взятые каждое отдельно; а вместе, должно думать, – самые победоносные орудия, неодолимые никем и никогда»²⁵. Здесь мы обнаруживаем и патриотические чувства, так уместные в час испытаний для Отечества, и веру в провиденциалистскую роль России в освобождении славянства, и убежденность в том, что славяне, исторически связанные этническим происхождением и верой, не иначе, как вместе должны строить будущее. Подобные панславистские настроения могли иметь лишь оттенки, временами существенные. Так, Михаил Бакунин на Славянском съезде в Праге в 1848 г. призывал ко всеобщей революции, которая разрушит Австрию, Пруссию и Россию. На их обломках она создаст новую расстановку сил в Европе и федерацию всех свободных и независимых славянских народов²⁶. Однако при всей специфике ее выражения, существенное влияние панславистской идеи на умы является несомненным. Эти факты подтверждают выводы многих украинских исследователей о том, что имперский дискурс «общерусской» нации и воинственного православия доминировал над сознанием всех граждан, в частности и малороссов²⁷, каковым являлся Бодянский.

Предпосылки заочному знакомству Осипа Максимовича с галицко-русским исследователем-аматором (который тем не менее характеризуется как ведущий историк, этнограф и архивист края²⁸) Д. И. Зубрицким (1777–1862) возникли еще во время его длительной зарубежной поездки 1837–1842 гг. Бодянский обратил внимание на сочинение Зубрицкого «Историческое исследование о русско-славянских типографиях в Галиции», вышедшее во Львове на польском языке в 1836 г.²⁹ В выдержках оно было переиздано в XIX выпуске «Журнала министерства народного просвещения» за 1838 г. В знаменитой Славянской библиотеке Осипа Максимовича, которую он передал Московскому университету, находилось три сочинения Зубрицкого на польском языке³⁰. Кроме вышеупомянутого, речь идет о «Хронике города Львова»³¹ и «Очерке истории народа русского в Галиции и иерархии церковной в том же

королевстве»³². Свою роль в налаживании коммуникации Зубрицкого с Бодянским сыграло также посредничество М. П. Погодина, с которым первый состоял в переписке по крайней мере с 1839 г. В 1842 г. во Львове, где занемогший Погодин остановился по пути в Мариенбад на воды, состоялось и их личное знакомство³³.

Отметим, что поездка Бодянского по странам славянского мира, предположительно с проездом через Галицию, получила значительный резонанс среди местной интеллигенции. Сложная обстановка, в которой «будителям» приходилось трудиться на поприще народного просвещения в широком понимании его задач (как раз австрийская цензура запретила распространение «Русалки Днестровой», а ее авторы-составители – члены «Русской троицы» были поставлены под надзор полиции) обращали их взоры на восток. Общественная деятельность М. П. Погодина и его публичные призывы оказывать помощь братьям-славянам во благо самой России вселяли надежды на так необходимую поддержку в их научных и культурно-просветительских начинаниях, которые, даже в самых скромных их проявлениях, вызывали резко негативную реакцию австрийских властей. Потому-то галицкие «будители» и стремились воспользоваться любой представляющейся возможностью расширить круг контактов, которые могли бы быть полезными в их подвижнических усилиях. О том, что они ожидали возможного проезда Бодянского через Львов сообщается в письме Я. Ф. Головацкого М. А. Максимовичу – тогдашнему ректору Университета Св. Владимира в Киеве – от 13 ноября 1838 г.³⁴ Сам «путешественник» в письме Погодину от 29 апреля 1839 г., очерчивая маршрут последующей ученой поездки, предполагал осенью проехать через Галицию³⁵. Однако приступ ревматизма на целый год привязал его к одному месту и запланированное посещение «Червонной Руси» не состоялось.

Не останавливаясь подробно на биографии Зубрицкого лишь отметим, что, владея обширной эрудицией и занимаясь историко-этнографическими и фольклористическими изысканиями на достаточно высоком профессиональном уровне, Денис Иванович, по убеждению Н. М. Пашаевой стал зачинателем чисто научного направления начинающегося национального возрождения в Восточной Галиции. Причем речь идет о «русском» направлении этого движения, признанным лидером которого Зубрицкий как раз и являлся. Он одним из первых, если не сказать больше закладывал основы исследования истории родного края, подхваченным другими «будителями»³⁶.

Здесь мы вынуждены опять апеллировать к М. Фуко, который полагал, что основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмена, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для человека эм-

пирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться³⁷. Вопрос пробуждения в народе этнического самосознания Зубрицкий понимал через призму единения восточного славянства, что и придавало его научно-просветительской деятельности русофильский контекст. Именно такой подход опосредовал систему взглядов и идей ученого и придавал ей законченный и непротиворечивый характер. Однако мы далеки от отрицания его права иметь именно такие, а не иные воззрения, «задаваемые» когда-либо и кем-либо из его критиков.

Импульс плодотворному сотрудничеству галицкого историка с Обществом истории и древностей российских при посредничестве Погодина был дан в упомянутом 1839 г. В «Русском историческом сборнике» (РИС) был опубликован выявленный Зубрицким в рукописном сборнике XVII в. Михаила Гунашевского повествовательный памятник по истории Украины «Львовская русская летопись» (1498–1649 гг.)³⁸. Находка, расположенная среди бумаг Львовского ставропигиального архива, содержала сведения, касающиеся этого города, поэтому летопись и получила название Львовской. Одна из копий памятника, из числа подготовленных Я. Ф. Головацким, была отослана в Москву Погодину, который и занялся ее изданием в РИСе³⁹. Ободренный первыми успешными результатами налаживающегося сотрудничества, Денис Иванович в 1843 г. прислал московскому другу рукопись одного из своих сочинений, которое он безуспешно пытался опубликовать в Австрии (была издана лишь первая его часть). Речь идет об «Очерке истории народа русского в Галиции и иерархии церковной в том же королевстве», доведенном до 1492 г. Первая его часть вышла из печати во Львове в 1837 г., остальные же никак не могли пройти чистилище австрийской цензуры. Указанное сочинение, в переводе Бодянского под названием «Критическо-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси до конца XV века» вышло отдельным изданием в 1845 г. на «иждивение» ОИДР⁴⁰, что, скорее всего, стало стимулом для начала переписки обоих ученых. Тем более, что отличительной чертой трудов Зубрицкого, не могшей не импонировать его московскому коллеге, являлась их обширная документальная база и критическое отношение автора к источникам, стремление всесторонне обосновать свою точку зрения по тем или иным вопросам⁴¹.

Энтузиазм, с которым Бодянский взялся за исполнение обязанностей секретаря ОИДР в 1845–1848 и 1857–1877 гг. был поразительным, хоть и мог повлечь серьезные неприятности, как в случае с известным «делом Флетчера». К середине 40-х гг. XIX вв. Общество, по словам П. М. Строева, находилось в полном упадке. Его члены обнаруживали к нему мало интереса, издательская деятельность была довольно слабой. «Труды и летописи» ОИДР появлялись

с большими перерывами⁴². Избрание Бодянского секретарем Общества вызвало одобрительные отзывы. Историк И. П. Сахаров приветствовал 6 февраля 1845 г. это важное кадровое решение и выразил уверенность, «что новый секретарь поведет дело честно и правдиво, откроет средства и укажет другим дело». Подбодрив Осипа Максимовича, Сахаров подчеркнул, что «секретарь есть душа Общества» и, поскольку эта должность сопряжена с немалой ответственностью – рекомендовал: «Выбирайте людей и вековые сочинения»⁴³. Именно в этом направлении и работал Осип Максимович, которому было не занимать трудолюбия и упорства в достижении поставленных целей.

Пребывая на должности секретаря, кроме разрешения общих организационных вопросов деятельности ОИДР, О. М. Бодянский начал с 1846 г. реализовывать инициативу издания «Чтений в Обществе истории и древностей российских» (далее – ЧОИДР)⁴⁴. И, естественно, перед ним встала задача наполнения их качественным содержимым, имеющим и научную значимость и могущим иметь читательский интерес и, соответственно – спрос. А вот внимание читателей, даже если речь идет о научном издании, каковым являлись «Чтения», прямо или косвенно должно было быть связанным с господствующими направлениями общественного интереса. Именно так понимал свои редакторские задачи Осип Максимович. К слову, упоминаемый Ф. Савченко, работая в 1930 г. с архивными материалами Главного управления по печати, наткнулся на дело «ЧОИДР». В документах сообщалось, что Бодянский частенько получал от начальства «внушения» за свои отзывы на общественно-политические вопросы в чисто научном издании, как тогда это понималось⁴⁵.

Если судить о «лице» ЧОИДР за период редакторства Бодянского, то становится заметным своеобразное «разбавление» превалирования материалов по отечественной истории и языковедению, публикациями источников и научных изысканий по общеславянской проблематике в органической взаимосвязи обоих тематических компонентов издания. «Чтения» превратились в один из ведущих печатных органов, обналичивающих результаты исследований в области славяноведения, причем как российских, так и зарубежных. Бодянский стал инициатором создания в ЧОИДР Славянского отдела, ликвидированного после его смерти. Молодая наука о славянах именно в «Чтениях» обрела тот орган, который был необходим для ее становления и роста⁴⁶. С учетом этого мы можем сделать вывод о том, что «Чтения» в ОИДР представляли собой зеркало, отображающее состояние славистической науки в целом, степень дифференциации предмета ее отдельных отраслей. Со ссылкой на авторитетное мнение И. И. Срезневского, современный украинский историк науки славяноведения С. Копылов акцентировал внимание на том, что до возникно-

вения университетских кафедр, в круг славянских интересов ученых включались данные обо всех славянских народах, что находилось в тесной связи со студиями в области отечественной истории, языка и культуры. Подобный эпистемологический подход был присущ и Бодянскому⁴⁷, отобразившись, таким образом, на содержании ЧОИДР в период его редакторства. По словам Срезневского, «Чтения», структура которых была тщательно продумана Осипом Максимовичем, составили библиотеку, необходимую для каждого историка, археолога, этнографа, статистика, языковеда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западнославянской⁴⁸.

В целом, «Чтения» были близки к славянофильским кругам, принципы и идеи которых вызывали со стороны западников неприятие и резкий, иногда со снобистским оттенком сарказм. Чего стоит, скажем, замечание одного из видных западников Б. Н. Чичерина о том, что проповедь славянофилов представлялась ему чем-то странным и несообразным, а отдельные ее положения, в частности почвенничество и идеализация общинно-крестьянского быта — нелепыми⁴⁹. Справедливости ради, однако, отметим, что сами славянофилы в своих увлечениях допускали такие перегибы, которые давали основания для выводов, подобных тем, которые изложил Чичерин. Впрочем, навряд ли эти перегибы могли быть присущими Бодянскому, придерживающемуся в своей ученой и археографической работе надлежащего научного уровня.

За Осипом Максимовичем закрепилась стойкая репутация если не первооткрывателя, то, по крайней мере, популяризатора имен и исследований в области славяноведения в широком понимании этого термина. К примеру, уже после смерти Ю. Венелина на страницах ЧОИДР на протяжении 1846–1848 гг. было опубликовано около десятка его статей, а родственник и распорядитель бумаг умершего И. Молнар именно Бодянскому доверил издание последней работы Ю. Венелина «Критические исследования об истории болгар»⁵⁰. И Осип Максимович успешно справился с этой задачей.

С учетом вышеизложенных предпосылок нам становятся более понятными обстоятельства, при которых между Бодянским и Зубрицким была начата переписка. Руководствуясь и рекомендацией Погодина, и соответствием работ Зубрицкого критериям научности и, что вполне очевидно, симпатией к нему, как к ревнителю «общеславянского дела» Бодянский взялся за налаживание непосредственного заочного контакта с почтенным галицким русофилом. Вполне справедливо заметил в свое время биограф Бодянского Н. П. Василенко, ведя речь о его личностных качествах, как тепло и сердечно Осип Максимович относился как к начинающим ученым, так и к коллегам, которые уже сделали свое имя известным в научных кругах, если требовались его со-

вет или поддержка⁵¹. В наброске письма Зубрицкого, датированном 8 мая 1846 г. (даты по старому стилю) сообщается о получении тюка книг: 7 экземпляров упомянутой «Критико-исторической повести...» (то есть, фактически авторских экземпляров) и по одному экземпляру иной литературы. Отправителем их был Бодянский, только вот исходя из содержания письма мы не можем прийти к однозначному выводу: то ли он послал их по просьбе Зубрицкого, то ли по своей инициативе. Скорей всего последнее, ибо в конце письма Денис Иванович, просит изволишь удостоить его дружбы⁵². В качестве ответного шага он передал в дар Обществу истории и древностей российских около двух десятков русских и иностранных книг и рукописей⁵³.

В ответном письме от 11 июня 1846 г. Бодянский, высказав «чувствительнейшую благодарность» и за книги, и за вызов на знакомство, также выражает желание «если Даст Бог здоровья нам обоим непосредственно познакомиться “лицом к лицу”», причем он уверен в том, что оба они останутся довольны друг другом⁵⁴, хотя подобная встреча, как нам известно, не состоялась. Таким образом, май–июнь 1846 г. можем с уверенностью определить как начало и переписки Бодянского с Зубрицким и как момент их заочного знакомства.

Далее Денис Иванович благодарит за перевод своего «марания», написанного по его словам, во время польского восстания 1830–1831 гг. «по поводу негодования на неблагодарность поляков и с желанием разбудить дремлящий наш народ, из которого несколько лиц по невежеству народного происхождения участвовало в революции». Мы не останавливаемся на качественной стороне интерпретации Зубрицким причин польского восстания (хотя, впрочем, здесь явно высказаны охранительно-лоялистские политические убеждения). Для нас важно в этом письме другое⁵⁵:

- во-первых, высказано убеждение о необходимости пробуждения национального чувства населения региона. Денис Иванович отмечает, что «может быть слово, хотя и неполное, было для Галиции кстати»;
- во-вторых, соответственно, и сам Зубрицкий считает себя частицей великого русского племени, а Червонную Русь – частью великой Руси;
- относительно же возможного интереса к его сочинению со стороны читателей в России, то тут автор отмечает, что, должно быть, его труд будет сочтен скучным и неинтересным, за исключением гипотезы о завислянкой и надвислянкой Руси.

В последующем, галицкий историк продолжает демонстрировать подобное преуменьшительное трактование своих ученых заслуг. В частности, в письме от 25 октября 1855 г., Зубрицкий, сообщая об отправлении Бодянскому нескольких пакетов книг, уведомляет: «с последним буду иметь честь препрово-

дить экземпляр своего сочинения для библиотеки Вашего Высокопревосходительства. Конечно, Вы не нуждаетесь в сего рода незрелой безделице, но пусть между хорошими сочинениями в Вашем книгохранилище покоится и плохое. Между здоровыми зернами непременно найдется и плевел»⁵⁶.

Вполне очевидно, что речь идет об итоговом сочинении Зубрицкого «Истории древнего Галицко-Русского княжества» (издание было начато в 1852 г.) с приложением «Родословной картины (таблицы) русских князей и царей Рюрикова поколения». (Таблица эта, посвященная памяти 1000-летия Руси, в 1851 г. была прислана Зубрицким в дар Археографической Комиссии). Возникли существенные трудности со сбытом первых двух томов, выпущенных тиражом в 1000 экземпляров, на которые нашлось немногим более 400 подписчиков, а в последующем возник вопрос и о финансировании последующих томов, ибо Ставропигиальный институт во Львове потерпел материальные убытки вследствие низкого читательского спроса на первые два тома. Третий том вообще был издан во время Восточной войны 1853–1856 гг. и даже подписавшиеся на получение тома лица просили сохранить их имя в тайне.

Ближайшей целью Зубрицкого и в этом случае было приохотить к чтению своих соотечественников и пробудить в них интерес к родному прошлому, о чем он проявляет заботу на страницах писем Бодянскому. Обстоятельства благоприятствовали галицким патриотам: в противостоянии с восставшими поляками в 1848–1849 гг. Австрийское правительство хотело опереться на русинов и стало покровительствовать им, насколько, конечно, такое покровительство согласовалось с интересами империи, направленными на нейтрализацию польских влияний⁵⁷. Сами поляки, следует отметить, воспринимали зигзаги политики Вены именно так, а не иначе. Историк Белевский откровенно констатировал: «Признать русский народ отдельной национальностью (в данном случае в условиях Галиции. – С. Г., О. М.) – значит приставить нож к польскому горлу»⁵⁸. Вот почему мысль Зубрицкого написать по-русски историю Галицкой Руси теперь не только не встретила препятствий со стороны австрийских властей, но губернатор Галиции граф Ф. Стадион даже одобрил ее.

Не желая испытывать судьбу, Зубрицкий, тем не менее, не мог отказаться от идеи каким-то образом завершить свое сочинение и подготовил 4-й том истории Галицкой Руси, доведенный до 1382 г., в виде критического издания двух польских хроник: Анонима Гнезненского и Яна Длугоша⁵⁹. Помимо всего прочего, для исследования указанного периода у него, в целом, было недостаточно источников и литературы, что было для ученого с определенным уровнем исследовательской культуры неприемлемым при написании общен исторического труда. Вот о какой «безделице» идет речь в письме от 25 октября 1855 г.

Прямо ссылается Зубрицкий на недостаточность информационной базы для построения общей концепции Галицкой Руси, как органической части русского мира и в письме от 8 мая 1846 г., причем речь идет не об источниках. Объясняя несовершенство труда, который Бодянский перевел как «Критико-историческую повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси до конца XV века», Зубрицкий сообщил, что тогда (т.е. во время написания) «не было нужных средств» и уточняет каких именно: «литература и бытописание русское было для нас *terra incognita*». Но ситуация изменилась. «По благосклонности русских ученых у нас ходят уже по рукам многие прекрасные русские книги»⁶⁰.

Ну и, конечно же, рефреном писем Зубрицкого, являются цензурные приращения, которым историк действительно подвергался, что принуждало его резать по живому при подготовке к печати своих сочинений. Немалые трудности и неудобства вызывала «бдительность» «компетентных органов» (причем с обеих сторон): цензуры и таможи, надзорных инстанций даже в таком, на первый взгляд, банальном вопросе, как пересылка литературы. Книги то застревают на таможне, то задерживаются в цензурном управлении⁶¹. Опасения в возможности быть заподозренным в неблагодатности, для Зубрицкого, наученного горьким опытом, были самыми основательными. Они вынудили его просить Бодянского посослуживать пересылке полученной через его посредничество от Погодина суммы в 150 рублей серебром в конце 1861 г. во Львов. По его предположению, деньги осели в российском консульстве в Бродах, куда ему бы обращаться не хотелось (тем более еще и за деньгами! – С. Г., О. М.), ибо почтенный старец беспокоился просмотра корреспонденции на почте⁶², со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очевидно, сношения с российским консульством уже сами по себе давали повод для всяких подозрений относительно лояльности подданного Габсбургской империи.

Обнадеженный положительным результатом сотрудничества с Бодянским в качестве секретаря ОИДР Зубрицкий в первом своем письме от 8 мая 1846 г. спрашивает о возможности перевода следующей части своего сочинения о Галицкой Руси и издания его в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП), ибо, сам Денис Иванович, впрочем, совершенно безосновательно, утверждал, что он «не в силах правильно и синтаксически изъясниться на великорусском языке»⁶³. То есть, как мы видим, автор вполне удовлетворен русскоязычным изданием своего труда Бодянским, которого критики обвиняли как раз в невысоком качестве его переводов. Так Погодин высказал ряд острых замечаний как против заглавия, данного переводу, в чем он усмотрел произвол переводчика, так и предпосланного сочинению Зубрицкого предисловия. В последнем Погодин не без основания усмотрел «политическую тенденцию, могущую возбудить, по наущению поляков, гонение про-

тив сочинителя со стороны австрийского правительства». Бодянский оправдывался, что он, мол, лишь наилучшим образом высказал основную мысль сочинения, написанного в «русском духе». Спорщиков утихомирил сам Зубрицкий, послав успокоительное письмо Погдину⁶⁴. Это и неудивительно, ибо стремился, как и любой автор, к тому, чтобы его наработки были изданы. Однако именно под впечатлением полемики Бодянского и Погодина галицкий ученый предлагал издать продолжение исследования по истории Галицкой Руси в ЖМНП. Можем предположить здесь и желание избежать слишком жарких дискуссий по этому поводу, действительно могущих привлечь внимание австрийских властей.

В своем ответе от 11 июня 1846 г. Осип Максимович вполне правомерно отметил, что труд, обративший на себя внимание и ученого сообщества и министра народного просвещения вполне достоин перевода последующих частей и издания, однако не в ЖМНП, а именно в «Чтениях» ОИДР, «ибо переводимое сочинение составит 2-ую часть целого, а так будет просто отрывок без начала и без конца». Более того, Бодянский поторапливает галицкого историка «при теперешнем стремлении к отечественному бытописанию», когда изданная первая часть «Критико-исторической повести» оказалась для читателей «нежданной новостью». В этом сюжете выпукло представлена озабоченность Бодянского пользой дела: и читательский спрос, и общенаучные, просветительские мотивы и побуждение, в связи с этим, самого автора истории Галицкой Руси к завершению начатого дела. Кстати, Бодянский стремится успокоить Зубрицкого относительно его сомнений в совершенстве его исследования, отмечая: «что до 1-ой тетради Вашего произведения, то и в ней, не смотря на Ваше недовольство ею, много для нас и других поучительного и нового». «Мы и все занимающиеся историей Востока Европы будем чрезвычайно обязаны Вам за такое знакомство с Червонной Русью, столько замечательной своими судьбами»⁶⁵.

В том же письме Осип Максимович сообщает, что на одном из заседаний ОИДР осенью 1845 г. он счел своей обязанностью предложить кандидатуру Зубрицкого для избрания почетным членом Общества и уведомляет не только о позитивном решении этого вопроса, но и об отсылке диплома, вместе с четырьмя номерами «Чтений» и рядом книг и научных сборников⁶⁶. К тому времени Денис Иванович уже был обладателем ряда отличий. Российские ученые общества охотно принимали его в свою среду: с 1842 г. он состоял членом-корреспондентом Археографической Комиссии в Санкт-Петербурге, а в 1844 г. был избран в почетные члены Киевской временной комиссии для разбора древних актов. Наконец, в 1855 г. получил диплом на звание члена-корреспондента Императорской Академии Наук⁶⁷.

В письме от 26 августа 1846 г. Бодянский еще более настойчив в том, чтобы добиться возможности опубликования продолжения «Критико-исторической повести» именно в ЧОИДР. Известно, что Зубрицкий отослал ее в Петербург в Археографическую комиссию. Последняя, считая изыскания Зубрицкого весьма важными для науки и полагая, что перевод Бодянского не вполне согласуется с подлинником 29 октября 1846 г. постановила: «историко-критические исследования г. Зубрицкого о Южной Руси, изданные ОИДР, перевести вновь и напечатать вместе с присланным в Комиссию продолжением, и для того просить г. Зубрицкого о присылке начала его разысканий о Южной Руси, напечатанных в Москве, с новыми дополнениями и примечаниями, если он признает их нужными»⁶⁸.

Пытаясь противодействовать влиянию Археографической комиссии в этом вопросе, Бодянский даже советует пожилому коллеге «присовокупить еще Вам, что по старости Вашей, чем скорее это сделается (то есть вытребование готовой к изданию рукописи из Археографической комиссии. – С. Г., О. М.), тем приятнее будет для Вас». Видно, что Бодянский также связан обещанием, данным им в предисловии к публикации первой части «Критико-исторической повести», представить на суд читателей ЧОИДР и ее продолжение⁶⁹. Кроме того, можем предположить, что, прояви в этой ситуации Бодянский роль пассивного наблюдателя событий, он этим самым бы расписался под приговором по поводу собственного перевода, как сделанного недостаточно качественно. Уж, в крайнем случае, Бодянский готов был отказаться от эксклюзивного права на первоиздание второй части сочинения Зубрицкого, но ни в коем случае, как редактор «Чтений» не мог упустить возможности издать его целиком, «чтобы, где голова, там были бы уже и ноги». Тем более, что Общество «особливо интересуется памятниками истории и жизни древней Руси во всех отношениях»⁷⁰. Вот тут перед нами и весь Бодянский, неутомимый труженик науки, не на страх, а на совесть выполняющий дело, которому он предан. Кроме упомянутых, на страницах ЧОИДР было издано еще два сочинения Зубрицкого: по истории унии⁷¹ и по истории родного края в XVI в. в переводе ученика Бодянского А. А. Майкова⁷². Последнее рассматривалось как логическое завершение начатого проекта по изучению Галицкой Руси с древних времен.

Важным аспектом взаимного информирования московского и львовского историков были различные задачи архивно-археографической работы. Эти материалы обогащают наши представления об уровне науки середины XIX в. Следует признать, что достижения были налицо. В письме от 10 февраля 1848 г., после этикетной благодарности за проявление памяти о «старом львовском затворнике», Зубрицкий сообщает о своих усилиях по составлению «*Codicis diplomatici Galiciensis*» до 1506 г. по примеру варшавского издания 1846 г.

«*Codicis diplomatici Poloniae*». Пересматривая и копируя старые латинские грамоты, пожилой ученый «истощил силы и повредил зрение, работая ежедневно по 9 и 10 часов». Однако следовало спешить, поскольку документы активно отыскивали и готовили к публикации также и польские издатели, а Зубрицкий был связан словом упредить их. Сравнивая качество изданий источников в ЧОИДР с польскими, историк отмечает, что «многие хронографы и известия по истории малой Руси уродовались польскими публикаторами»⁷³. Это замечание подтверждает, в совокупности с общим направлением исследований Зубрицкого вывод украинского историографа Я. С. Калакуры о том, что его труды опровергали инсинуации польской историографии относительно «польскости» Галиции⁷⁴. То есть, как это иногда бывает, и век XIX-й не составил исключения, в угоду политической конъюнктуре псевдоученые не остановятся даже перед фальсификацией исторических источников.

Впрочем, с московским коллегой имело место и конструктивное обсуждение вопроса переиздания отдельных мест из «Хроники города Львова» в ЧОИДР в переводе с польского. Зубрицкий предполагает, что переводчика могут ожидать затруднения, особенно в переложении латинских притч. Хоть авторами являются прямодушные польские мещане, однако их рассказы пересыпаны «изречениями сословно их тогда свойственными»⁷⁵. И вот здесь появляется интересный сюжетный поворот. Денис Иванович озвучивает потребность изучения исторических описаний Малой России, чему найдется и «осмотрительный историограф малорусский, ибо доселе нет еще настоящей истории ни этого края, ни казацких Хмельницкого походов»⁷⁶. Вполне ясно, что Зубрицкому не были известны первые обобщающие труды «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского и «История Малороссии» Н. А. Маркевича, вышедшие из печати на протяжении 1820–1840-х гг. Намерения галицкого историка вполне совпадали с направлениями деятельности Бодянского, который в период своего секретарства/редакторства в ОИДР опубликовал целый ряд первоклассных памятников по истории Украины: «Летопись Самовидца», «Историю руссов», историко-мемуарные сочинения П. И. Симоновского, А. И. Ригельмана и т.д. Биограф Бодянского Н.Ф. Сумцов выразил убеждение, что тот, как «малоросс, сохранил украинские симпатии в течение всей своей жизни в сфере научного изучения украинской старины и народной поэзии. Для Бодянского эти симпатии были творческой живительной силой»⁷⁷.

Так вот, Зубрицкий полагает, что заслуживают быть умещенными в ЧОИДР: материал по Зборовскому сражению 1649 г. из переписанного им польского манускрипта, описание осад Львова казаками 1648 и 1655 гг., которые следует выделить из его «Хроники города Львова». Именно в этой связи он и рекомендует быть внимательным при переводе сведений о событиях, какими их виде-

ли польские мешане. «Когда же бы удалось точно передать их, то бы оне бросили свет и на хитрый характер Хмельницкого и на военные действия командира царской армии под Львовом князя Василия Василевича Бутурлина»⁷⁸.

Что же могут значить эти пассажи в письмах Зубрицкого? Пытаясь объяснить тот путь в формировании своих убеждений, который был им пройден, мы должны упомянуть о том, что исторический опыт полиэтничной и поликонфессиональной Восточной Галиции привел к совершенному смешению и неопределенности этнических границ. Серьезный кризис идентичностей, даже если принять их понимание по Б. Андерсону, как воображаемых общностей, является одной из главных исторических особенностей этого региона. Начиная с 1830-х гг. и до первой мировой войны, о чем пишет львовский историк Я. Грицак, здесь весьма активно велись дискуссии на тему, кем же являются местные русины: поляками, украинцами, россиянами или, в конце концов, особым этносом – австрийскими русинами⁷⁹. Кроме того, у галицких русинов, как верно заметила Н. М. Пашаева, процесс национального возрождения имел более позднее начало, в то время, как в большей части славянских земель к началу 30-х гг. XIX в. он проходил уже свой второй этап⁸⁰, выходя за относительно узкие рамки культурно-просветительских его форм. Полагаем, что есть основания допустить смутное интуитивное осознание Зубрицким (правда, не более того) исторической связи Червонной и Малой Руси, если воспользоваться терминологией русофилов. Тем более, что под руками историка находились соответствующие свидетельства источников.

Еще один аспект, затрагиваемый в переписке Д. И. Зубрицкого и О. М. Бодянского – это отдельные вопросы становления и развития возрожденческого движения в Галиции, в том числе и роль некоторых фигур в этом процессе. Зубрицкий в письме от 8 мая 1846 г. благодарит московского коллегу за присылку книг Головацкому и просит его быть благосклонным к нему, как к человеку «честному, усердному, расторопному и благонамеренному». Здесь же представлена и интересная персональная характеристика Головацкого, который «отягощен потребностью содержать семью и как священник ограничен на мелкий сельский околоток и не может столь действовать на народ, сколь нужно»⁸¹.

А Зубрицкому хотелось бы заечь с ним, либо с кем-нибудь «из мирских молодых людей сдесь в средоточии края любовь до русской словесности». «Но, – сетует Зубрицкий, – в Галиции другое направление народного образования». Определенные надежды он возлагает на семинариста Петрасевича (вполне очевидно речь идет о будущем известном деятеле галицко-русского движения Петрушевиче), который в то время был «юноша ревностный и неутомимо занимающийся историей, археологией и языкоиспытанием славянских наречий». Денис Иванович констатирует: несмотря на «недостаток в ревнителях» определенные успехи уже налицо. Так, если в 1820-х гг. в народе

расходилось ежегодно до 200 русских букварей, то «нынче» (то есть в середине 40-х гг.) около 2000 экземпляров. Этот критерий Зубрицкий назвал истинным мериллом распространения «русской грамотной жизни», делая вывод: «мы подвигаемся, хотя и медленно все-таки впредь»⁸². Хотя, как показали последующие события, он преувеличил значение избранного им критерия.

Почему именно с Бодянским Денис Иванович обсуждает подобные вопросы? Осип Максимович, которого ни в коем случае нельзя отнести к общественным деятелям радикального толка, тем не менее был довольно последовательным адептом идеи славянского возрождения. Его деятельность в этом направлении не выходила за пределы научно-издательской, или бесед в частном кругу. Однако он имел сложившуюся репутацию человека, относившегося к славянофильским кругам. Ф. Савченко, работая в материалах III Отделения императорской канцелярии наткнулся на сообщение о том, что над Бодянским тяготело подозрение о том, будто бы он принадлежал к «украинско-славянскому обществу в 1847 г.»⁸³. Хорошо известно, что в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства, действительно, проводилась идея общеславянского единения и мессианской роли Украины в его достижении. По крайней мере, первая часть этой программы была близка к системе ценностей Бодянского. Соответственно, он поддерживает работу в этом направлении, которую проводил в Галиции Зубрицкий и предоставляет помощь в ее научно-просветительских формах тем, кто близок был ему по кругу ученых и общественных интересов. Таким образом, переписка между Головацким и Зубрицким вписывается в общий контекст борьбы О. М. Бодянского вместе с публицистами «Москвитянина», славянофилами и славянскими «патриотами» за развитие национальной самобытности⁸⁴ в ее общерусском понимании.

Соотношение последнего и специфического малорусского контекста в системе убеждений Бодянского частично раскрывается в его научных трудах, частично – в его общественной деятельности и кругу его связей. Общеизвестным является увлечение Осипа Максимовича украинской стариной, произведениями ее древней и новой украинской литературы, памятниками народного творчества, словесностью. Не будем также подробно останавливаться на характеристике его заслуг, как археографа, который снабдил изыскания истории Украины первоклассными изданиями источников на страницах ЧОИДР. Для видных деятелей украинской науки и литературы фигура Бодянского, при отсутствии особого издания, которое бы было посвящено украинской проблематике, являлась объединяющим центром. Осип Максимович оказывал на них несомненное влияние, сосредотачивая внимание на тех или иных вопросах украинистики, вынося критические, временами весьма резкие суждения, там, где считал нужным это сделать⁸⁵.

В своей диссертации «О мнениях касательно происхождения Руси», представленной на соискание степени кандидата по окончании университетского курса в 1834 г. Бодянский вел речь об отличиях севера и юга Руси, хоть обе ее части соединились в рамках единого государства (вспомним концепцию россизма. – С. Г., О. М.). По прошествию времени между ними появлялось все больше отличий. Север стал называться Великой Русью, так как размеры его постепенно увеличивались, юг, с потерей Белоруссии, Черной России и Галиции, принял название Малой Руси⁸⁶. Но из этого отнюдь не должно было следовать, что необходимым является углубление этих расхождений. Скорее – наоборот, Бодянский стремился последовательно придерживаться принципа единых корней восточного славянства в своей научной и общественной деятельности. В своем дневнике в записи под 21 декабря 1849 г. (год определен И. Ф. Павловским, подготовившим отрывок из дневника к печати) об издании «Галицких народных песен», собранных Я. Ф. Головацким он отметил еще одно их определение, как песен «червонорусских», «русских, но не Руси Московской». Правда, с оглядкой на недавнее «дело Флетчера», дабы «не возбудить каких-либо толков и пересудов», Бодянский решил предпослать публикации западноукраинского фольклора «собрание песен великорусских», принадлежащее известнейшему собирателю П. В. Киреевскому, младшему брату не менее известного лидера славянофилов Ивана Васильевича Киреевского⁸⁷.

Подытоживая, изложим следующие умозаключения:

1. В заочном общении с Зубрицким Бодянский представлен, в первую очередь, как секретарь ОИДР и, соответственно, как лицо, ответственное за издательскую политику Общества. Конечно же, мы не склонны преувеличивать значение переписки с Зубрицким в системе личной и научной коммуникации О. М. Бодянского. Это является действительным даже в случае с Головацким, с которым он пребывал в гораздо более интенсивных контактах. В 1930 г. Ф. Савченко напечатал 31 единицу переписки Бодянского с Головацким, охватывающую период с 1843 по 1876 гг. В недавно же изданном дневнике Бодянского, охватывающем период с 1852 по 1857 гг. ни Зубрицкий, ни Головацкий не упомянуты ни разу. Поэтому стоит лишь удивляться энтузиазму и трудолюбию Осипа Максимовича, который «находился в постоянных сношениях с самыми разнообразными представителями науки, как в России, так и среди славян, вел с ними обширную переписку, посвящая иногда целые обширные письма рассмотрению или разрешению тех или иных научных вопросов»⁸⁸. Об этих его личных чертах, хоть и по другому поводу вспоминал и Срезневский, который какую-то часть своей заграничной командировки про-

вел вместе с Бодянским, встретившись в Бреслау в апреле 1842 г. «Всюду, – пишет Измаил Иванович, – где мы останавливались, Бодянский находил себе работу, и работал изо дня в день целый день, вставая рано и ложась поздно»⁸⁹.

2. Отсюда можно сделать вывод о том, что взаимоотношения с Денисом Ивановичем являются частным случаем многоаспектной и плодотворной деятельности Бодянского в бытность его секретарем ОИДР. Однако эта связь не носила случайного характера и не была формальной. Возникнув при определенных обстоятельствах как «запрограммированная», она была обязующей как для Бодянского, так и для Зубрицкого, хотя каждый из них мог иметь свои соображения по поводу реализации тех или иных научно-издательских проектов. Однако это вовсе не мешало обмену идеями, соображениями, выполнению конкретных просьб, в том числе чисто человеческого свойства.

3. И еще один, важный вывод: Бодянский, хотя и косвенным образом, имел отношение к возрожденческому движению в Галиции в его русофильском варианте, по крайней мере, в его культурно-просветительских формах.

Внимательный анализ содержания переписки Бодянского с Зубрицким наталкивает на мысль о необходимости более тонких, осторожных и взвешенных умозаключений по поводу общих определений общественного движения, известного как славянское национальное возрождение и направленности действий его представителей. Его прямолинейные оценки, как нам кажется, склонны к игнорированию некоторых существенных оттенков этого движения.

Примечания

¹ *Могильницкий Б. Г.* Историческое сознание и историческая наука // Исторические воззрения как форма общественного сознания. В 2 частях. Саратов, 1995. Ч. 1. С. 12.

² *Ranke L. V.* Rede zur Eröffnung der XII. Plenarversammlung am 27. September 1871 // *Ranke's Sämtliche Werke.* Bd. 51–52. Abhandlungen und Versuche. Leipzig, 1888. S. 569.

³ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 516–517.

⁴ *Венелин Ю.* О споре между южанами и северянами на счет их россизма // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (Далее ЧОИДР). 1847. Кн. 4. С. 1–16.

⁵ Цит. по: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. I. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПб., 1890. С. 260.

⁶ *Кравченко В. В.* Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. С. 34.

- ⁷ Венелин Ю. И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение Юрия Венелина. М., 1842. 114 с.
- ⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 36.
- ⁹ Вандич П. Ціна свободи. Історія Центрально-Східної Європи від Середньовіччя до сьогодні. Київ, 2004. С. 170.
- ¹⁰ Фуко М. Указ. соч. С. 34.
- ¹¹ Вульф Л. Указ. соч. С. 518.
- ¹² Лаптева Л. П. Неопубликованная переписка О.М. Бодянского с чешскими учеными // Переписка славистов как исторический источник. Сб. научных статей. Тверь, 1995. С. 4.
- ¹³ Цит. по: Критский Ю. М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в. – 1917 г.) // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 87.
- ¹⁴ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Львове (ЦГИАУ в г. Львове). Ф. 362. Оп. 1. Д. 379. Л. 2, об.
- ¹⁵ Савченко Ф. Листування Я. Головацького з О. Бодянським (1843–1876 рр.) // За сто літ. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початків XX століття. Під ред. акад. М. Грушевського. Харків; Київ, 1930. Кн. 5. С. 121–169.
- ¹⁶ Письмо Ф. Савченко К. И. Студинскому от 23.05.1930 г. // ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 362. Оп. 1. Д. 379. Л. 36.
- ¹⁷ Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому (1846–1877 гг.) // Отдельный оттиск из «Киевской старины». 1897. С. 283.
- ¹⁸ Бодянский О. М. Дневник 1852–1857. М., 2006. С. 88–89, 91, 114, 116, 124, 231.
- ¹⁹ Бодянский О. М. Рассмотрение различных мнений о древнем языке северных и южных Руссов // Ученые записки Московского университета. 1835. Кн. XI. Критика. С. 489–490.
- ²⁰ Кочубинский А. Осип Максимович Бодянский // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнал. 1892. Т. III. Сентябрь–декабрь. С. 292.
- ²¹ Фуко М. Указ. соч. С. 33, 36.
- ²² Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). Вып. I–III. Изданы под ред. действительного члена Н. Попова. Вып. III. Письма разных лиц. М., 1880. С. 587.
- ²³ Цит. по: Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 21.
- ²⁴ Цит. по: Медовичева Т. А. Осип Максимович Бодянский и его Дневник // Бодянский О.М. Дневник 1852–1857. М., 2006. С. 19.
- ²⁵ Бодянский О. М. Дневник 1852–1857. С. 127.
- ²⁶ Дворник Ф. Слов'яни в європейській історії та цивілізації. Київ, 2000. С. 485

²⁷ *Рябчук М.* Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ, 2000. С. 84.

²⁸ *Калакура Я. С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ, 2004. С. 175.

²⁹ *Zubrzycki D.* Historyczne badania o drukarniach Rusko-Słowiańskich w Galicyi. Lwów, 1836. 90 s. См. также Письмо Бодянского Погодину из Праги от 20 декабря 1837 г. // Письма к Погодину М.П. из славянских земель (1835–1861). Вып. I. Письма О. М. Бодянского. Изданы под ред. действительного члена Н. Попова. М., 1879. С. 9–10.

³⁰ Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог. Составитель Л. Ю. Аристова. М., 2000. С. 83.

³¹ *Zubrzycki D.* Kronika miasta Lwüwa przez Dyonizego Zubrzyckiego. Lwów, 1844. 492 s.

³² *Zubrzycki D.* Rys do historyi narodu ruskiego w Galicyi I Hierarchiji Cerkiewney w témże Krolewstwie. Przez Dyonizego Zubrzyckiego. Z.1. Od zaprowadzenia Chreścianstwa na Ruśi aż do opranowania Rusi czerwoney przez Kazimierza wielkiego od roku 988 do roku 1340. Lwów, 1837. 67, 22 s.

³³ Одним из источников биографических сведений являются статьи об О. М. Бодянском и Д. И. Зубрицком из Русского биографического словаря Г. А. Половцова, размещенные на страницах электронного ресурса: <http://www.biografija.ru/default.aspx>.

³⁴ *Науменко В.* Листи Я. Головацького до М. Максимовича та Пл. Лукашевича // Український науковий збірник. Вип. 1 / Записки наукового товариства в Києві. 1915. Вип. 16. С. 38.

³⁵ Письма к Погодину М. П. из славянских земель. (1835–1861). Вып. I. Письма О. М. Бодянского. С. 104–105.

³⁶ *Пашаева Н. М.* Указ. соч. С. 14.

³⁷ *Фуко М.* Указ. соч. С. 33.

³⁸ Русский исторический сборник. 1839. Т. 3, кн. 3. С. 233–267.

³⁹ *Тодийчук О. В.* Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев, 1989. С. 56–57.

⁴⁰ *Зубрицкий Д. И.* Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси: От водворения христианства при князях поколения Владимира Великого до конца XV века / Пер. с польского и предисловие Осипа Бодянского. М., 1845. XLVI, 420, 47 с.

⁴¹ *Тодийчук О. В.* Указ. соч. С. 101.

⁴² *Василенко Н. П.* О. М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Оттиск из журнала «Киевская старина». Киев, 1904. С. 156.

⁴³ Цит. по: *Фролова М. М.* Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. С. 320.

⁴⁴ Демидов И. А., Ишутин В. В. Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 256–257.

⁴⁵ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 362. Оп. 1. Д. 379. Л. 47. Письмо Ф. Савченко К. И. Студинскому от 1.07.1930 г.

⁴⁶ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 322–323, 142.

⁴⁷ Копилов С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України. Кам'янець-Подільський, 2005. С. 284.

⁴⁸ Срезневский И. И. На память о О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейссе, первых преподавателях славянской филологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XVIII. 1878. №6. С. 40–41, 45.

⁴⁹ Воспоминания Б. Н. Чичерина / Русское общество 40–50-х годов XIX века. Ч. II. М., 1991. С. 20.

⁵⁰ Григораши Н. Українська літературознавча б'юларистика от XIX и средата на XX век: личности и школи. Велико Търново, 2007. С. 24.

⁵¹ Василенко Н. П. Указ. соч. С. 207–211.

⁵² ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. Л. 1–6.

⁵³ ЧОИДР, год II, 1846. Кн. 3. Смесь. С. III.

⁵⁴ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2336. Л. 1.

⁵⁵ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. Л. 1–2.

⁵⁶ Там же. Л. 12.

⁵⁷ Реснт О. Україна в імперську добу (XIX – початок XX ст.). Київ, 2003. С. 84.

⁵⁸ Цит. по: Прикарпатская Русь под владением Австрии. (Издание О. А. Маркова). Львов, 1895. С. 260.

⁵⁹ Зубрицкий Д. И. Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Латинские выписки из их сочинений, статей, относящихся к истории Галичско-Владимирской Руси, за период от 1337 по 1387 год, с русским переводом и критическими исследованиями и замечаниями. Вместо 4-й части галичской истории. Львов, 1855. 122 с.

⁶⁰ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. Л. 2.

⁶¹ Там же. Л. 7–8. Письмо Д. Зубрицкого О. Бодянскому от 10 февраля 1848 г.

⁶² Там же. Л. 14. Письмо Д. Зубрицкого О. Бодянскому от 14 декабря 1861 г.

⁶³ Там же. Л. 3–4.

⁶⁴ Зубрицкий Денис Иванович // http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=47567.

⁶⁵ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2336. Л. 3.

⁶⁶ Там же. Л. 4.

⁶⁷ Зубрицкий Денис Иванович // http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=47567

- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2336. Л. 6–7.
- ⁷⁰ Там же. Л. 7.
- ⁷¹ *Зубрицкий Д. И.* Начало унии // ЧОИДР, год III. 1848. Кн. 7. Материалы ино-
странные. С. 1–36.
- ⁷² *Зубрицкий Д. И.* Галицкая Русь в XVI столетии // ЧОИДР. 1862. Кн. 3. Материалы
славянские. С. 1–84.
- ⁷³ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. Л. 8.
- ⁷⁴ *Калакура Я. С.* Вказ. твір. С. 177.
- ⁷⁵ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. Л. 10–11.
- ⁷⁶ Там же. С. 10.
- ⁷⁷ *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых.
Т. V. СПб., 1897. С. 65.
- ⁷⁸ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. С. 11.
- ⁷⁹ *Грицак Я.* Про важливість бути галичанином // *Грицак Я.* Страсті за націоналіз-
мом. Історичні есеї. Київ, 2004. С. 272.
- ⁸⁰ *Пашаева Н. М.* Указ. соч. С. 15.
- ⁸¹ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2244. С. 4.
- ⁸² Там же. С. 5.
- ⁸³ ЦГИАУ в г. Львове. Ф. 362. Оп. 1. Д. 379. Л. 42, об. Письмо Ф. Савченко
К. И. Студинскому от 10.06.1930 г.
- ⁸⁴ *Досталь М. Ю.* Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете
(24 сентября 1842 г.) // *Досталь М. Ю.* Становление славистики в Московском универ-
ситете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005. С. 59.
- ⁸⁵ *Василенко Н. П.* Указ. соч. С. 208.
- ⁸⁶ Сын Отечества. 1835. Т. LI, № 39. С. 173–199.
- ⁸⁷ *Павловский И. Ф.* Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 гг. //
Русская старина. 1888. Т. LX., ноябрь. С. 402.
- ⁸⁸ *Василенко Н. П.* Указ. соч. С. 4.
- ⁸⁹ *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 35.

П. Н. Рудяков (Київ)

Осип Бодянский – исследователь и популяризатор истории и культуры иллирийских славян

Специально представлять современной публике Осипа Максимовича Бодянского нет необходимости. Профессор Московского университета, один из ярких представителей первого поколения российских университетских славистов Бодянский сегодня, в год своего 200-летия, не нуждается ни в извлечении из глубин истории науки (или, может быть, даже научного забвения) его наследия, ни в поиске для него какого-то нового, кроме того, что уже прочно им занятого, места в истории славяноведения.

Славистическая деятельность О. Бодянского отличается завидной разносторонностью даже по меркам нынешнего времени, не говоря уже о той исторической эпохе, в которой довелось жить и работать ученому. В поле его интересов пребывали все без исключения славянские народы (которых, справедливости ради, в XIX в. насчитывалось наукой заметно меньше, чем сегодня), их история, фольклор, литература, культура, хотя принято считать, что более всего внимания – как с точки зрения количества, так и качества – он уделил Болгарии и болгарам.

Иллирийские славяне тоже вызывали у Бодянского заметный интерес. Его деятельность, связанная с Сербией и сербами, а также с другими югославянами: хорватами, словенцами, черногорцами и др. (именно их ученый в русле представлений своего времени квалифицировал как славян «иллирийских») достаточно обширна по объему, глубока по содержанию. Многие из трудов и подготовительных материалов как к ним, так и к другим, очевидно, ненаписанным или несохранившимся исследованиям, явившиеся результатом «иллирийских» интересов, хранятся в личном архиве Бодянского в Киеве. Большинство из них не публиковалось.

Среди материалов по истории литературы особого внимания заслуживают: план-проспект фундаментального исследования «Сербская литература», подготовительные заметки «Письменность хорватов», «Письменность долматов, бошняков и славонцев», «Письменность словенцев», список книг под общим названием «Словесность сербов греческого вероисповедания», а также перевод исследования П. Й. Шафарика «Обзор новейшей литературы иллирийских славян»¹.

Историческая «иллиристика» О. Бодянского представлена «Лекциями по истории Сербии, Черногории, Боснии» (в них изложены события от прихода сербов на Балканы до XV в.)², «Историей сербов в XIX в.»³, а также «Очерком истории Дубровника»⁴ и целым рядом других, более скромных по объему и охвату материала, фрагментов, заметок, записей, конспектов и др. Разного рода подготовительные материалы и «заготовки» составляют значительную часть наследия выдающегося русского слависта.

Следует упомянуть также о лингвистическом опыте Бодянского на сербском и хорватском материале: об без преувеличения уникальном для того времени по замыслу идеографическом сербохорватско-русско-немецком словаре⁵, – датированном 1839 г., т. е. временем пребывания ученого на сербских землях в ходе его длительной командировки за рубеж с целью подготовки к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий.

Текст «Сербская литература» представляет собой конспективно изложенный в виде отдельных положений план-проспект большого труда, который, очевидно, Бодянский намеревался написать.

Задуманная схема расположения материала включала в себя две главы: «А. Литература сербов греческого вероисповедания», «Б. Язык и произведения сербов католического вероисповедания», – в каждой из которых предполагалось выделить по несколько разделов.

В Главе первой их было два: «1. Судьба сербского языка и литературы», «2. Обзор новейшей сербской литературы». В Главе второй – целых шесть, что объяснялось раздробленностью фактического материала: «1. Язык и сродство по происхождению долматов и кроатов», «2. Происхождение и судьба глаголической литературы долматов и кроатов», «3. Судьба языка и народной литературы долматов и рагузцев», «4. Язык и произведения босняков католического вероисповедания», «5. Язык и произведения славонцев католического вероисповедания», «6. Судьба языка и литературы кроатов».

Очевидно, что Бодянский ставил перед собой задачу представления всего спектра югославянского языкового и литературного материала с акцентом, прежде всего, на его разнообразии, исходя в своих научных разысканиях о славянах Балканского полуострова из предложенного Шафариком концептуального представления об «иллирийских» племенах как о единственном народе, состоящем из нескольких народностей. В перечне таковых находим: сербов, хорватов (или кроатов), славонцев, далматинцев (или долматов), дубровчан (или рагузцев), боснийцев (или босняков).

К сербам Бодянский, кроме собственно сербов или «сербиянцев», причисляет еще и черногорцев, рассматривая при этом как самостоятельную группу сербов-католиков. К хорватам он относит исключительно носителей кайкавского диалекта, считая славонцами жителей Славонии – исторической области в восточной части междуречья Дуная, Дравы и Савы*, – а далматинцами – тех, кто проживает в другой исторической области – Далмации, расположенной вдоль побережья Адриатического моря. Боснийцами Бодянский называет герцеговинских хорватов (то есть хорватов из Герцеговины – выделяемой, начиная с XV в., южной части Боснии с центром в городе Мостар), подчеркивая, таким образом, принадлежность членов этой группы к католической ветви христианства.

Из круга далматинцев ученый исключает жителей Дубровника – дубровчан (или рагузцев: Рагуза – латинское название города), выделяя их в отдельную группу, несмотря на то, что Дубровник и Далмация нередко и, следует заметить, вполне обоснованно рассматривались как единое целое.

В своем «Очерке истории Дубровника» Бодянский сопровождает топоним «Далмация» таким комментарием: «Сначала Далматией называли пространство от Драча или Бара до Истрии и Дуная. Но со времени прихода аваров и славян (VI–VII в. новой эры – П. Р.) из сплошной области Далматии выделились южные приморские города, оставшиеся под властью Венеции, ибо северную часть Далматии заняли хорваты, а южную – сербы».

Точка зрения на югославян и специфику их отдельных групп, которую отстаивает Бодянский, была в его время достаточно распространенной, если даже не общепринятой. В том же ключе, например, рассматривал данную проблему и выдающийся деятель хорватского иллиризма Л. Гай, включавший в состав единого «иллирийского» народа восемь «племен»-народностей: словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, черногорцев, сербов и болгар. Мало чем отличался и взгляд современника и соратника Гая П. Штооса, сформулированный им в стихотворении «Приглашение к кругу иллирийскому» (1840). По мнению Штооса, «вернуться в круг иллирийский милый» должны были бы хорваты, славонцы, далматинцы, дубровчане,

* До XIII в. топоним «Славония» употреблялся для обозначения всей территории, заселенной хорватами; в период с XIII до XVII вв. – для земель между реками Савой и Дравой. После XVII в. он получил современное наполнение, приведенное в основном тексте статьи.

корутанцы*, краньцы**, штаерцы***, бачванцы****, банатцы*****, сербы, герцеговинцы, черногорцы и болгары...

Заметка «Письменность хорватов» содержит 17 микропортретов представителей хорватской литературы XVIII–XIX вв., каждый из которых включает в себя, в основном, информацию справочного характера.

Бодянский сообщает главные сведения о жизни того или иного автора: годы жизни, место рождения, называет его основные произведения, в отдельных случаях характеризуя идейно-художественную направленность наиболее значительных, по его мнению, произведений. Под «хорватской письменностью» при этом он – в русле представлений того времени, разделявшихся уже упоминавшимися П. Й. Шафариком, Л. Гаем, П. Штоосом и др., понимает литературу так называемой «узкой» Хорватии, включавшей в себя Загреб и окружавшие его земли, без Далмации и Славонии, входящих, как известно, в состав хорватской государственной территории теперь.

Открывает список «фигурантов» заметки «Письменность хорватов» Максимилиан Врховец (1752–1827), которого вряд ли можно считать писателем или литератором в узком понимании этих слов (если бы речь в материале шла не о «письменности», а о «литературе», вполне возможно, что Врховцу в нем места бы не нашлось). Он, как известно, не занимался писательством как таковым, а был в большей степени религиозным, политическим, культурным деятелем, сосредоточенным, главным образом, на достижении целей и задач общенационального характера: объединение хорватов, сохранение и развитие «иллирийского» языка, консолидация «австрийских» славян перед угрозой мадьяризации и др.

Следом за Врховцем идут Томо Миклоушич (1767–1833) и Тито Брезовачкий (1757–1805), также, как и он, хорошо известные своей ярко выраженной и четко акцентированной патриотической направленностью. Давая краткую характеристику деятельности каждого из них, Бодянский употребляет определение: «защитник народности», – как нельзя лучше отображающее суть того, чем занимались и чем прославились эти люди.

* Корутанцы – жители Каринтии (словенское название – Корушка), территории в Восточных Альпах, вошедшие в состав словенской нации.

** Краньцы – жители Краины, территории в бассейне верховьев Савы, вошедшие в состав словенской нации.

*** Штаерцы – жители Штирии, вошедшие в состав словенской нации.

**** Бачванцы – жители Бачвы, территории в Восточной Славонии.

***** Банатцы – жители Баната, территории в Восточной Славонии.

Кроме уже упомянутых лиц, в заметке «Письменность хорватов» фигурируют Людевит Гай (1809–1872), Антун Миханович (1796–1861) – выдающиеся деятели хорватского национального возрождения и иллиризма – и ряд других, менее значительных, фигур. В самом конце своего текста автор приводит перечень основных культурных центров Хорватии того времени, а также список экстерриториальных центров хорватской духовности, в которых печатались «иллирийские» книги.

В заметке «Письменность долматов, босняков и славонцев» охвачено 23 фигуры, большинство из которых – представители Дубровника. В соответствии со своими представлениями о принципиальной важности для балканской культурной среды религиозной принадлежности, Бодянский включает в список фигурантов не всех славонских деятелей, а только тех, кто исповедовал католицизм. То же самое уточнение относится к представителям Боснии: в заметке отображены только боснийцы-католики, иными словами, герцеговинские хорваты.

Так же, как и в предыдущем материале, в тексте, кроме сведений о персоналиях, приведен список городов, в которых печатались «иллирийские» книги. Специальное внимание уделено новейшим произведениям на «иллирийском» языке, под которым Бодянский понимал сербский, считая все региональные и местные наречия его диалектами. По его словам, «...конечно, отличаются друг от друга язык долматов от языка кроатов и славонцев, но все они, как и рагузцы и боснийцы, являются сербами»⁶.

Труды Бодянского, посвященные истории иллирийских славян, более значительны по объему и заметно солиднее по содержанию, чем его заметки на материале литературы и письменности. Это объясняется не столько большею склонностью ученого к истории – Бодянский был типичным представителем комплексной славистики, в рамках которой, вполне в духе того времени, история и филология выступали в неразрывном единстве, – сколько особенностями того материала, который был в его распоряжении.

Часть из работ Бодянского по истории была опубликована при жизни ученого, главным образом, в журнале «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских», в котором, как известно, он был редактором в 1846–1848 и 1858–1877 гг.⁷ Другие, такие, например, как: «Лекции по истории Сербии, Черногории, Боснии», «История сербов в XIX в.», «Очерк истории Дубровника», хранятся, как уже говорилось, в его архиве.

Кроме законченных исторических трудов как исследовательского, так и лекционного свойства, в архиве Бодянского находится значительное число разного рода подготовительных материалов к ним. В их ряду можно назвать:

отрывок без начала и конца из истории Черногории, отрывок из биографии князя Милоша Обреновича, копия берата князю Милошу Обреновичу на занятие престола Сербского княжества (переписанная почерком Бодянского), заметки конспективного характера из истории сербских правителей, копия рукописи 1755 г. «Об устройстве земли Сербской и Приморья времен князя Лазаря», копия отзыва С. Милутиновича-Сарайлии о книге «Преглед Истории и Географии Сербии Момировичем на русском языке сочинена и у С. Петербургу 1839. године наштампана», несколько копий древних сербских рукописей, копии договоров XI–XII вв. сербских жупанов и князей с Дубровницкой общиной и др.⁸

Важное место в общем массиве исторических трудов и материалов к ним занимают без преувеличения уникальные описи древних сербских рукописей и книг из библиотек различных сербских монастырей, которые Бодянскому удалось посетить во время пребывания на Балканах⁹.

подавляющее большинство перечисленных материалов ученый собрал в ходе своей командировки в славянские земли в 1837–1842 гг. В его архиве хранится «Памятная книжка 1838–1839 гг.», в которой отображены главные моменты его жизни и деятельности в этот период¹⁰.

В «Лекциях по истории Сербии, Черногории, Боснии» (в рукописи есть и другое название – «История сербов») Бодянский предпринял попытку дать исчерпывающую картину исторического развития сербской нации с момента расселения сербов на территории Балканского полуострова и до XV в., ставшего последним в истории существования средневекового сербского государства. Текст лекций создавался ученым в период с января до апреля 1852 г., а дополнения и правки в него вносились Бодянским в 1863 г., сначала в марте, а затем – в конце года, с сентября до декабря.

Очевидно, значительная часть рукописи не сохранилась. Та же, что доступна посетителям архива, включает в себя лекции с XIV-ой и до XXII-ой. В работе над лекциями автором использован большой объем источников и материалов, в частности, древние сербские рукописи, греческие и латинские хроники, древнерусские летописи, труды славянских и европейских историков и летописцев Н. Карамзина, Й. Раича, М. Орбини, Туберо, Ф. Аппенидини, Ф. Палацко и др.

Лекция, с которой начинается сохранившаяся часть «Истории сербов», называется: «Поселение сербов и хорватов в Иллирике». Речь в ней идет о событиях середины I-го тысячелетия новой эры, связанных с появлением на Балканском полуострове первых зон постоянного компактного проживания сербов и хорватов. Так же, как и большинство историков того времени, О. Бодянский

считал, что славянские племена стали впервые появляться в местах их нынешнего размещения на Балканах, начиная с конца V – середины VI вв., одновременно с гуннами и готами. На первых порах эти появления имели форму набегов, более или менее заметных по времени осуществления, но в любом случае – одномоментных и не связанных с длительным пребыванием. Заселять Балканы они начинают в следующем, VII-ом, веке.

В интерпретации автора «Истории сербов», сформированной, главным образом, на основании данных, почерпнутых им из известного труда Константина Багрянородного, процесс заселения сербами Балкан напрямую связан с именем императора Византии Ираклия. Именно он, обеспокоенный соседством и возрастающей активностью воинственных аваров, «обратился, – как пишет в своих лекциях Бодянский, – к хорватам, проживавшим тогда в Белой или Великой Хорватии вблизи Карпат, приглашая их изгнать аваров и поселиться в их краю, Далмации, с условием признавать его (Ираклия – П. Р.) верховную власть».

Вслед за П. Й. Шафариком Бодянский датирует это событие достаточно точно – 634-м г. Спустя всего два года к хорватам, принявшим условия Ираклия и выполнившим его требования, присоединились, сербы, которых ученый характеризует в данном случае, как «соседей и соплеменников хорват, живших в Белой или Великой Сербии». Главным направлением похода сербов стала территория Македонии, где они и получили от Ираклия земли для поселения в Солунском наместничестве.

«Существует несколько точек зрения по поводу объяснения названия «Белая» или «Великая Хорватия», – пишет ученый, комментируя приход сербов и хорватов на Балканах. – Мы принимаем точку зрения Шафарика, говорившего, что все пространство от Лабы до Днепра известно было под именем Белой Сербии, в которой, около самых Карпат, лежала Хорватия... Но в узком значении под Сербией следует понимать Белоруссию и юго-западную часть Малороссии».

Что касается хронологических рамок описываемых событий, то Бодянский, также основываясь на выводах Шафарика, утверждает, что захват илирийских земель аварами произошел около 630 г., прибытие хорватов датируется 634-ым, а появление на Балканах сербов – 636–638 гг. Подобный взгляд на проблему не единственный, однако, Бодянский придерживается именно его, не допуская сомнений в его корректности.

Сведения о начальном периоде пребывания сербов и хорватов в новом отечестве крайне скромны и разрознены. Собственных документальных свидетельств и исторических памятников самих новых жителей Балканского

полуострова не сохранилось. Византийские же источники, как подчеркивает Бодянский, почти двести лет не говорят буквально ни слова о жизни сербов в новом для них государстве и в новых условиях, только в конце VIII в. упоминая имя одного из сербских жупанов – Вышеслава. Чуть позднее и тоже от византийцев мы узнаем имена еще двоих последователей Вышеслава на сербском престоле – Радослава и Просигоя. Деятельность этих лиц ни одним словом в источниках не характеризуется.

Для метода проведения славистических изысканий Осипа Бодянского характерным было неразрывное единство различных научных дисциплин: истории, фольклористики, литературоведения, языковедения, этнографии. И в данном конкретном случае он, прерывая рассказ о событиях седой сербской древности, совершает любопытный лингвистический экскурс, разъясняя этимологию и семантику слов «жупа» и «жупан», малознакомых носителям русского языка и, поэтому, нуждающихся в дополнительных объяснениях.

«Это слово, – читаем в лекциях Бодянского, – встречается во всех славянских наречиях, кроме российского, и употребляется, в основном, в значении края, округа; последующие значения являются уже производными, как вот: село; община; место, освещенное солнечными лучами; так же – соляные копи и, наконец, должность начальника общины или края в светском или духовном отношении. В готском (языке – *П. Р.*) *sib, sibja* – тоже край (*districtas ferris*), в ДВН. – *lirre*, родство, родина; дружество, покой (*рах*), в кельтском – то же самое, с чем сравните латинское – *prosarìa*...».

Рассказ о событиях сербской истории последующего периода ученый, в полном соответствии с привычной в науке его времени схемой, выстраивает как галерею портретов правителей, каждому из которых в зависимости от обстоятельств посвящается либо отдельная лекция, либо фрагмент лекции.

Так, в роли главного «героя» лекции XVI-ой выступает Стефан Неманя, основатель средневекового сербского государства и первой сербской правящей династии, а компанию ему составляют его потомки разных поколений: Стефан Первовенчанный, Радослав, Владислав, Стефан Урош. Лекция XVII-я полностью посвящена Драгутину, а следующая – XVIII-я – Стефану Милутину и Стефану Урошу III Дечанскому. В лекциях XIX-ой речь идет о Стефане Душане Сильном («Душане, царе Сербов, Греков и Арбанасов»). В XX-ой – об Уроше V, последнем Неманиче, с которым завершается более чем двухсотлетнее правление этой династии, а также о пришедших ему на смену во главе Сербии Вукашине Мрнявчевиче и князе Лазаре Хребеляновиче. XXI-я лекция повествует о вдове Лазаря княгине Милице и ее сыне Стефане, а последняя – XXII-я – о Джордже Бранковиче.

Значительное внимание в лекциях уделено становлению средневековой сербской государственности, отношениям сербских правителей с соседями, а также их взаимодействию с теми факторами международных отношений, от которых напрямую зависела судьба как каждого из них, так и их государства в целом. Интересуют ученого взаимоотношения внутри династии Неманичей между отдельными ее представителями. Детально останавливается он и на описании Косовской битвы сербов с турками в 1389 г., анализируя как ход событий во время самой битвы, так и влияние Косово на всю дальнейшую историю средневекового сербского государства.

Говоря о том, что происходило на сербских землях после битвы на Косовом поле, автор «Лекций» приходит к выводу, что «Сербия в 1459 году окончательно и по собственному желанию ее правителей превратилась в часть Оттоманской Порты. Странное явление – добровольно отдаваться в руки мусульман? Но эта странность очень естественна для того времени... Сербь... решили побыстрее отдаться сами собой султану, с которым были... не в состоянии бороться..., надеясь сохранить, по крайней мере, благо, остающееся для человека после утраты им всего на земле самым драгоценным и единственным, в е р у (выделено Бодянским – П. Р.) свою».

В тексте лекций отсутствуют какие-либо выводы. Последняя из имеющихся в тетради лекций заканчивается в том же ключе, что и все предыдущие, что дает основания рассматривать «Историю сербов» частью более значительного как по объему, так и по замыслу труда.

Структура другой исторической работы Бодянского, посвященной истории сербов – «Очерка истории Дубровника», – существенным образом отличается от той модели, в соответствии с которой построена «История Сербии», что, вероятнее всего, объясняется, в первую очередь, характером и особенностями самого материала.

Историческое развитие Дубровника ученый в заметно меньшей степени, чем историю Сербии, увязывает с деятельностью выдающихся личностей, сосредотачиваясь на наиболее общих чертах политической и экономической жизни и на тех закономерностях, которыми эти черты определялись.

В своем рассказе о прошлом «республики Святого Влаха» (именно так иногда называли Дубровник) Бодянский выделяет такие структурные разделы: 1. Основание. 2. Положение и округ его. 3. Политика. 4. Независимость. 5. Торговля. 6. Судебное разбирательство. 7. Устройство. 8. Сословия. 9. Правление. 10. Состав правления. В качестве главной задачи ученый, похоже, определяет для себя задачу раскрытия специфики Дубровницкой республики и ее значение в процессе становления и развития государственности на югославянских землях.

«Судьба Дубровника похожа на судьбу Венеции и других небольших городских итальянских общин или республик, – пишет Бодянский, – но отличается от них, особенно в более поздние времена, своим славянским характером. Любовь к своему и последовательность в политике выступают тут на первый план, обеспечивая этому небольшому, но богатому, бодрому и образованному государству почти 1200-летнее существование».

Отметив уже в самом начале своего «Очерка...», что «дубровничане в узком понимании представляют собой смесь славян и итальянцев», ученый обращает особое внимание на то обстоятельство, что «Греко-Славянская пора Дубровника начинается с 656 года после Рождества Христова и продолжается до 1204 г.».

Опираясь на наблюдения и выводы предшественников, в частности, П. Й. Шафарика, Ф. Аппендини, М. Орбини и др., Бодянский достаточно подробно освещает начальный период истории Дубровника, возникшего на месте греческого Эпидавра, превратившегося затем в «значительное Римское поселение», разрушенное, как пишет ученый, Травунскими сербами в 656 г.

Уничтожение «римского» Дубровника, став событием трагическим, привело не только к негативным, но и к позитивным последствиям. Именно оно дало решающий толчок началу новой жизни. Жители разрушенного поселения, которым удалось выжить, схоронившись на территории соседнего Захлумья, спустя некоторое время вернулись на родные пепелища и основали в нескольких километрах от разрушенного новый город.

В последующие несколько лет к ним присоединились люди с расположенных вокруг далматинских островов. Среди вновь прибывших были, как подчеркивает Бодянский, «и некоторые из горожан Солина (Салоны), разоренного обрами за 46 лет до этого».

Кроме исследовательской работы, О. Бодянский много и активно занимался педагогической деятельностью, в рамках которой также уделял большое внимание истории и культуре иллирийских славян. Ему выпало быть среди тех, кто первым начинал, по словам И. И. Срезневского, «университетское изложение науки новой не только для России, но и вообще». Это обстоятельство создавало дополнительные, достаточно существенные, трудности как для него самого, так и для его слушателей.

Во времена Бодянского не было не только руководств, но даже какого-то более-менее определенного представления о том, что именно должно входить, а что, наоборот, не входить в круг учебного процесса по новой для университетов России кафедре истории и литературы славянских наречий. При этом Министерство народного просвещения со своей стороны не предлагало ника-

ких рекомендаций, словно соглашаясь с тем, что содержание новой дисциплины будет выработано в процессе практической деятельности самими преподавателями.

Курс, который читал в Московском университете Бодянский, состоял, главным образом, из практических занятий, одна из частей которых предполагала углубленное знакомство с текстами сербских народных песен.

Среди архивных материалов сохранились фрагменты, позволяющие дополнить картину преподавательской деятельности Бодянского его собственными уточнениями и замечаниями. К примеру, в конспекте одной из лекций из «Истории Сербии» от 27 января 1850 г. ученый, очерчивая план работы на второе полугодие текущего учебного года, пишет: «... на нынешнее полугодие мы возьмем себе одно только *наречие сербское* (здесь и далее в цитате выделено Бодянским – П. Р.)... и станем изучать его по «*Народным сербским песням*», изданным известным сербским писателем и знатоком в народной поэзии своего народа *В.С. Караджичем*, в Вене 1841–1846, в 3-х книгах, из коих достаточно для нас будет 2-ой и 3-ей. Если время позволит, то после знакомства с языком нынешних сербов, приступим также к чтению и изъяснению «*Винодольского закона*», памятника конца XIII-го века, обнаруженного в Загребе *Мажураничем*, а мною в Москве... и, таким образом, будем иметь случай заметить разницу одного и того же языка, и притом народного... в промежутке 5-ти веков.

Далее, ...курс 2-го года: подобно наречиям, должны составлять приуготовительное преподавание и сведения о народах, говорящих этими наречиями, то есть, о славянах в этнографическом и тому подобное отношениях... Курс 3-го и 4-го года. В теперешнее полугодие студенты... будут слушать «*Славянскую археологию*» (или Славянские древности)...»

Подводя итог сказанному, следовало бы, в первую очередь, обратить внимание на тот без преувеличения грандиозный вклад, который Осип Максимович Бодянский внес в развитие славистики как университетской – образовательной и научной – дисциплины на этапе ее становления. В значительной степени именно благодаря его самоотверженной, подвижнической деятельности славяноведение в России состоялось.

Истории и культуре иллирийских славян О. Бодянский уделял значительное внимание практически на протяжении всего периода своей активной деятельности. Его усилия в этом направлении увенчались весьма значительными результатами, хотя важнейшие из них, к величайшему сожалению, так и не стали достоянием широкой научной общественности. Они хранятся в архиве ученого и все еще ждут публикации.

Примечания

¹ Архив О. М. Бодянского – Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ. Ф. 99. Д. 8. Л. 14–17. Д. 10. Л. 60–62, 63–66. Д. 206. Л. 119–120. Д. 176. Л. 202.

² Там же. Д. 50. Л. 2–101.

³ Там же. Д. 27. Л. 1–155.

⁴ Там же. Д. 50. Л. 159–205.

⁵ Там же. Д. 205. Л. 1–11, 15–31, 33–35, 78. Д. 54. Л. 79–83. Д. 10. Л. 6–15.

⁶ Там же. Д. 8. Л. 16.

⁷ См. об этом: *Ряпко А. Й.* Архів О. М. Бодяньського (огляд) // Радянське літературознавство. 1965. № 4. С. 72–73.

⁸ ОРИЛ. Ф. 99. Д. 208. Л. 1–6. Д. 54. Л. 78.

⁹ Там же. Д. 206. Л. 99, 45–47, 19–22, 84–91, 54–57, 33–39.

¹⁰ См. об этом: *Ряпко А. Й.* Указ. соч. С. 75.

Л. М. Аржакова (С.-Петербург)

О. М. Бодянский и польская проблематика

Осипа Максимовича Бодянского, как известно, отличала широта научных интересов. Занимаясь различными периодами славянской истории и филологии, углубленно изучая славянские древности, фольклор, свободно оперируя русским, чешским, южнославянским материалом, он не обошел вниманием и польскую проблематику.

Польской истории Бодянский отводил значительное место в своих общих лекционных курсах – в частности, в читаемом им в Московском университете курсе истории славян, где он главным образом останавливался на периоде независимого государственного бытия славянских стран. Потому историю Польши в этом курсе Бодянский доводил до 1795 г. Вместе с тем, разработал он и отдельный курс истории Польши.

Наши исследователи – Л. П. Лаптева, М. Ю. Досталь и другие – давно уже обратили внимание на то, что в рукописном отделе Публичной библиотеки (теперь, Российской национальной библиотеки) хранится рукопись лекционного курса, который читался Бодянским в 1858 г.¹ Но, насколько знаем, манускрипт этот еще не стал предметом более пристального изучения.

Что представляет собою рукопись? Это полтысячи двойных листов, почти все листы исписаны с обеих сторон. Писал Бодянский, явно не думая о будущих посторонних читателях – местами его почерк вовсе неразборчив. Правда, листы с 15 по 65 читаются гораздо проще – они написаны другим почерком (присутствует и подпись переписчика – Августин Янковский). Еще одно отличие этого, занимающего примерно полсотни листов, фрагмента – листы здесь сброшюрованы в тетрадь, – тогда как вся остальная рукопись являет собой стопу отдельных листов.

По своему содержанию «Польская история» Бодянского охватывает период от начала польской государственности – иначе говоря, от середины X в., и до середины 80-х гг. XVI в., то есть заканчивается она правлением в Речи Посполитой Стефана Батория. Преобладает – что вполне естественно для той поры – не анализ событий, а их изложение.

Автора живо интересовали даже детали описываемых событий. Невольно восхищает та подробность, с какой излагаются все перипетии польской истории. При этом нельзя не обратить внимания, что Бодянского особенно привлекал XVI век. Этому столетию (вернее, первым восьми с половиной его десяти-

летиям) посвящена львиная доля всего текста, – без малого 300 листов, – тогда как истории всех предшествующих столетий отведено около двух с половиной сотен. Но, складывается впечатление, что такая увлеченность подробностями не всегда шла на пользу труду в целом: порой бывает сложно – даже при самом внимательном чтении – за всякого рода колоритными мелочами уловить общий смысл тех событий польской истории, о которых рассказывает Бодянский.

Для лекционного курса естественно, что в нем отнюдь не всегда указывается, откуда почерпнута информация. В то время как для оценки труда Бодянского разобраться в этом вопросе необходимо. Так на какие же материалы опирался историк при написании своего капитального курса лекций?

Отчасти здесь помогает обращение к упомянутой выше тетради – к чистовому, так сказать, разделу этой большой, если не сказать – огромной рукописи. В помещенном там тексте, который озаглавлен: «Об отношениях Болеслава Храброго к Оттону III и Генриху II (992–1025)», научный аппарат оформлен, пожалуй, по всем правилам – к тексту даются постраничные ссылки, а предвзвешивает этот раздел перечень привлекаемых автором исследований и источников.

В перечне преобладают немецкие работы. Но здесь же присутствуют и русские источники – летописи и другие памятники. Из российских славистов Бодянский несколько раз ссылается на А. Ф. Гильфердинга, на его «Балтийских славян». Из чешских историков присутствует Франтишек Палацкий. Из поляков Бодянский ссылается на Иоахима Лелевеля, на его «Историю Польши», и реже – на труд Адама Нарушевича (доведенный, как известно, только до конца XIV в.).

При характеристике особо заинтересовавшей Бодянского польской литературы XVI в. будут названы Мацей Стрыйковский, Мацей Бельский, Мартин Кромер и некоторые другие. Отдельные разделы в своем лекционном курсе Бодянский посвятил видным польским поэтам XVI в. – Яну Кохановскому и Николаю Рею, а также польскому политическому писателю Анджею Фрычу Моджевскому и его знаменитому трактату «Об исправлении Речи Посполитой». Помимо того – пусть эпизодически – возникают Папроцкий и Гурницкий.

В лекциях уделено внимание как внешнеполитическим, так и внутреннеполитическим делам. Правда, внешняя политика описывается автором так, как будто она являла собой процесс, абсолютно не связанный с тем, что происходит внутри страны. Что еще следует отметить – Бодянский, говоря о Речи Посполитой, уделял преимущественно внимание собственно Польше, т. е. Короне, а не Великому княжеству.

Если попытаться охарактеризовать манеру повествования Бодянского, то нельзя не заметить, что он, говоря о временах до XVI в., излагает польские

события, обычно воздерживаясь от собственных прямых их оценок. Тем не менее, вряд ли могут возникнуть сомнения, что и здесь его симпатии – на стороне королевской власти, а не ее противников. Заметим попутно, что, говоря о неудачах Короны, Бодянский всякий раз считает нужным объяснить, почему, из-за кого или из-за чего не удалось провести то или иное королевское начинание. Когда же историк переходит к XVI в., им будут расставлены, как говорится, все точки над *i*.

Впрочем, авторские симпатии и приоритеты, надо сказать, мало чем отличались от того, что было характерно для тогдашней российской исторической науки в целом. Что обращает на себя внимание, так это явно антишляхетская тональность повествования Бодянского. В то же время, он все-таки не был склонен рубить с плеча. Бодянский вполне был согласен с тем, что: «Прекрасно равенство, как противоположность... самовластию, попранию всяких прав», но тут же спешит добавить, что «нежелательны пределы, переходя за которые сама добродетель становится пороком»². Стремясь, очевидно, быть правильно понятым слушателями, он еще раз повторит, что не имеет ничего против «прекрасного братства, как противоположности высокомыслию, заносчивости, нечеловечности, но и братство, – втолковывает он, – не должно быть доведено до отречения всякого порядка и законности, не до безрассудства». Что же касается Речи Посполитой, то в ней, на его взгляд, возобладали именно безрассудство. В итоге как раз это и привело «к ограничению, с одной стороны, королевских прав, а с другой... к умножению свобод»³.

Бодянский, безусловно, – сторонник абсолютной власти (хоть он, разумеется, сам не употребляет подобных терминов), для него неприемлема польская модель государственного устройства, при котором «ограничение королевской власти вызвало господство шляхты»⁴. Не исключено, что как раз по этой причине Бодянский практически обходит молчанием принятые в 1454 г. Нешавские статуты, а также крайне глухо откликается на создание в Польше при Яне Ольбрахте сейма (1493). Создается впечатление, что он попросту не видит необходимости в том, чтобы рассуждать о полном спектре польских политических сил, характеризовать новые политические институты, поскольку заранее знает, в каком направлении ситуация будет развиваться и что постепенное укрепление позиций шляхты не приведет ни к чему хорошему.

При описании правления Сигизмунда I Старого Бодянский подчеркивает, что «вся его мощь, казалось, обращена не столько на борьбу с внешними врагами, сколько с внутренними, в силу того положения своего престола, в которое поставили [его] он и предшественники его»⁵. На свой риторический вопрос: «Какие же это внутренние опасности, с которыми он [Сигизмунд] так упорно сражался и которые все-таки не в состоянии был окончательно побе-

дить?»), историк тут же отвечает: «Те же самые, что и его предшественников. Дворянство, преследуя свои виды, более и более выносило себя над простым народом»⁶.

Бодянский, можно сказать, сочувствует польскому королю Сигизмунду, когда пишет: «Напрасно король сидился улучшить состояние большинства народонаселения: дворянство ничего не смущалось, издавало законы только в свою пользу, иногда король не соглашался...»⁷ О своего рода сочувствии свидетельствует и другая его констатация: «Сигизмунд особенно старался о законодательстве и при нем столько составлено было их, сколько ни при одном из... государей... хотя, к сожалению, большая часть этих законов не могла быть осуществлена...»⁸

Бодянский не избегал однозначных, категорических выводов. Так, буквально в одной фразе, он четко изложил причины и следствия польских бед, как он их понимал: с одной стороны, «безграничное властолюбие вельмож и необузданность дворянства, а с другой, совершенная безгласность и отстранение от всякого участия в общем деле простого сословия, подкапывали очень сильно и быстро самые основания государственной жизни»⁹.

Одной из характерных черт восприятия Бодянским польской истории является акцентирование им бедственного положения польских крестьян. Его возмущала ситуация, когда «при этой золотой вольности, составляющей верховный закон для всех и во всем, вся тяжесть бремени падала на бедных хлопков»¹⁰. При этом он не забывал подчеркнуть, что польское «простонародье... не только исключено было от участия в государственной жизни, но и лишилось свободы, будучи отдано в полную зависимость... посредством прикрепления к земле»¹¹. Иначе говоря, практически не осветив обстоятельства создания польского сейма, Бодянский тем не менее счел нужным дать понять, что представителей «польского простонародья» в нем не было. С точки зрения Бодянского, такие констатации, очевидно, должны были пробудить в русских слушателях сочувствие к польскому народу, пребывавшему в столь плачевном состоянии. Как видно, нашему автору представлялось совсем необязательным или, во всяком случае, неуместным сопоставлять положение крестьянского сословия в Польше XVI в. и в России как XVI, так и XIX в., где лишь спустя два года (после написания курса лекций) будет отменено крепостное право.

Но едва ли следует предьявлять историку позанпрошлого столетия претензии по этому поводу. Ведь подобного рода пристрастность нередко встречается и в писаниях более поздних, до наших времен включительно.

Примерно то же самое можно сказать и о характере той аргументации, к какой прибегал Бодянский, доказывая и бедственное положение простонародья в Речи Посполитой, и вообще пагубность того государственного порядка, какой утвердился в Польше XVI в.

Бодянский без тени сомнения опирался на свидетельства современников описываемых им событий и явлений – на суждения того же Яна Кохановского или Анджея Фрыча Моджевского. То, что они могли неверно оценить обстановку или сознательно, в полемических целях, преувеличить масштабы изобличаемых ими пороков, Бодянскому, по-видимому, не приходило в голову. Но дело в том, что на подобном же истолковании цитат из Кохановского, Скарги и иных польских писателей XVI в. будет построена, к примеру, появившаяся два десятилетия спустя большая статья «Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI в.»¹². Ее автор, Викентий Васильевич Макушев, прошел уже другую школу, принадлежал уже к новому, пореформенному поколению русских историков, но подход к материалу у него оставался прежним. Еще более яркие примеры такого – потребительского, как выражался Яков Соломонович Лурье, подхода к источнику, доставит наша советская послевоенная полонистика (достаточно вспомнить, например, I том «Истории Польши»). Думается, без подобного историографического экскурса характеристика того места, какое занимает «Польская история» О. М. Бодянского, была бы слишком неполной.

Как видим, Бодянский, взявшись за написание курса лекций по польской истории, стремился, прежде всего, показать, что в польской (если вновь прибегнуть к современной терминологии) модели государственного устройства, в «шляхетской республике», были изначально заложены те пороки, что приведут ее, в конце концов, к гибели. Не исключено, что как раз в этом была одна из причин, по которой Бодянский свой курс ограничил XVI в., – временем, которое Иоахим Лелевель и его последователи ассоциировали с «золотым периодом» польской государственности.

Вернуться к вопросу о Польше, о роли шляхты в ее судьбе Бодянского спустя пять лет после подготовки им лекционного курса побудили бурные события Январского восстания. В «Чтениях Общества истории и древностей российских» в 1863 г., в разделе «Смесь», была напечатана его статья «Польское дело». Точнее, статья эта была опубликована без подписи, но исследователями давно – и, по-видимому, верно – установлено, что она вышла из-под пера О. М. Бодянского.

Статья эта написана в виде развернутых тезисов и содержит идеи, вполне типичные для журнальных и газетных публикаций той поры, – и живо напоминающие реакцию русского общества на восстание 1830 г. Недаром статья начинается пушкинской цитатой о «домашнем, старом споре, давно уже взвешенном судьбою».

Ключевая мысль автора – противостояние России и Запада, который «пытается перетянуть весы в противную сторону»¹³. Бодянский утверждал, что «нынешнее содействие Запада польской шляхте направлено к одной, равно желанной для обеих сторон, цели – разделению... России, единственной славянской самостоятельной державы, на создание которой потребовалось целое тысячелетие от нас, славян, прославившихся своим несогласием и братской враждой»¹⁴.

Так же как и в своей «Польской истории», Бодянский противопоставляет здесь польскую шляхту и польский народ. Им подчеркнуто, что «настоящий народ польский... помогает [нам] против незваных заступников, потому что не верит больше любви к отчизне тех, кто никогда не любил корня отчизны, простолодина, кто не допускал его ни к чему в его же родине, а осудил на вечное рабство. Он слишком хорошо знает собственным опытом, что значит “старая Польша”... и что такое золотая вольность...» Бодянский, похоже, позиционирует себя как знатока польского простонародья, когда убеждает своих оппонентов: «Не говорите, что хлоп польский не ведает, что творит, не любит сам себя и своего добра, своей земли: человек себе не ворог, тем пуще народ»¹⁵. По мысли Бодянского, «бедные... поселяне, эта настоящая, чистая Польша, отбывающаяся от своих благожелателей и руками и ногами», т. е. народ польский, сознавал, что восставшая шляхта – это «самозванные патриоты», преследующие только свои личные выгоды, а подавляющая повстанцев Россия – лишь их «мнимые враги»¹⁶.

Не только сам Бодянский, но и его читатели, создается впечатление, не замечали, что в его яркой отповеди восставшим полякам не всё сходится. С одной стороны, автор призывал всех поляков к союзу с Россией, говоря: «Пусть же они с русскими стремятся дружно и согласно к той великой цели, которая предназначена провидением в будущем славянскому миру», настаивая на том, что «только единение мыслей, желаний и действий ведет к величию и счастью; только с нами и при нас... возможны еще для поляков не только истинная государственная жизнь, но и вообще сохранение и развитие их народности, языка, словесности, быта и всего, чем дорожат существа разумные»¹⁷. С другой стороны, Бодянский не сомневался, что «поляки, поднявшие на нас это смятение народов, не вне России, или без России, но лишь с Россией и в России, могут жить, если только желают жить»¹⁸.

Причины такой жесткой, не чуждающейся угроз по адресу повстанцев позиции понятны, Бодянский их не скрывал. Он прямо заявляет, что «вопрос о выдаче Западной и Южной Руси кому бы то ни было, действительно, есть вопрос жизни и смерти для России». Развивая эту мысль, он пишет о геополитических интересах России: «Коль скоро это станет, Восточная Русь с той поры сделается непременно государством второстепенным»¹⁹.

Больше того, в случае подобного развития событий, был убежден автор: «ей [России] грозит быть отрезанной от Европы злейшими врагами, лишиться возможности следить и охранять выгоды своих единоплеменных и единоверных»²⁰. Иными словами, Бодянский не сомневался, что обретшие независимость поляки для России всегда останутся «злейшими врагами», а не представителями – пусть не всегда дружной, – но единоплеменной семьи славянских народов. Для него польские повстанцы – всего лишь «Повислянские недруги, посягающие на пределы Руси и соединенных с нею навсегда земель»²¹.

Сомнение в единстве интересов русских и поляков проявляется у Бодянского и в другом случае. Он был уверен, что Россия «не ища преобладания ни над кем и нигде... предоставляя всякой народности свободно развиваться, пользоваться равноправностью и равноответственностью за свои действия перед общим государственным строем...», в то же время не допустит, «чтобы и другое какое племя присваивало себе право возвышаться над другими исключительно, преследовать лишь свои выгоды»²².

Свои рассуждения о русско-польских взаимоотношениях Бодянский, в конечном счете, сводит к территориальным спорам. Он настаивает на том, что Польша не может существовать «просто как Польша». Будучи убежден, что «не того хотят, как известно, поляки. А не хотят того по простой и ясной причине. Пока Польша была без русских земель, она ничего не значила... и когда русские земли отошли от нее, по ее же грехам, Польша стала тем, чем была до того – ничтожным государством»²³. «К этой-то первостепенной, но не первобытной, роли, – развивает свою мысль автор, – и стремится нынешнее движение польской шляхты, светской, духовной и городской». И здесь же, в очередной раз, обращаясь к своему излюбленному сюжету, подчеркивает, что этому движению чужды «польские селяне, которые нигде не сочувствуют ему, предчувствуя, с возвращением старой шляхетской Польши, и возвращение своих несчастий, своей хлопской доли»²⁴.

Сопоставляя две работы Бодянского на польскую тему, можно констатировать, что под влиянием политических потрясений на смену довольно взвешенному восприятию событий польской истории в лекционном курсе, спустя пять лет приходит эмоциональная (не всегда логически выверенная) оценка современных геополитических проблем. Антипольский – если точнее, антишляхетский – настрой статьи 1863 г. вполне, впрочем, объясним, и понадобится еще немало времени, чтобы эмоции отступили на второй план. Чтобы и в русском, и в польском обществе возникла устойчивая тенденция к движению навстречу друг к другу.

Примечания

¹ ОР РНБ. Ф. 86. Д. 2.

² Там же. Л. 236.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 237.

⁵ Там же. Л. 304.

⁶ Там же. Л. 304 об.

⁷ Там же. Л. 305 об.

⁸ Там же. Л. 306, 306 об.

⁹ Там же. Л. 486.

¹⁰ Там же. Л. 238.

¹¹ Там же. Л. 402, 402 об.

¹² *Макушев В. В.* Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI в. // *Славянский сборник*. СПб., 1876. Т. 3.

¹³ [Бодянский О. М.] Польское дело // *ЧОИДР*. 1863. Кн. 1. С. 185.

¹⁴ Там же. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 195.

¹⁶ Там же. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 186.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 190.

²² Там же. С. 189.

²³ Там же. С. 190.

²⁴ Там же. С. 191.

Н. А. Бондаренко (Москва)

О. М. Бодянский и И. И. Срезневский об изучении фольклора Малороссии

20-е годы XIX в. были отмечены переломом в общественной жизни Украины, связанном с ассимиляцией малорусского общества с великорусским, повлекшим за собой размежевание общественности: на тех, которые относились к старой Малороссии как предмету наблюдения, и на других, выступавших за сохранение национальной самобытности¹.

В первые годы своей научной деятельности обращение к устному народному творчеству Малороссии у О. М. Бодянского и И. И. Срезневского было неслучайным. В первую очередь, щедрая земля Украины, мелодика украинской речи, предания и легенды, прекрасные песни, исполняемые под звуки бандуры – всё это волновало сердце и душу, рождало светлые мысли. «Что может быть разительнее, как слушать, когда малороссы по вечерам летних дней, собравшись на пригорке в кружок поют свои заунывные песни?», – замечал великоросс Павловский в предисловии к «Грамматике малороссийского наречия» (1818 г.)².

Интерес к фольклору у Осипа Максимовича, вероятно, появился в первые годы учебы в Переяславской семинарии, которая в течение долгого времени сохраняла свой малорусский отпечаток, позже – это увлечение поддерживали его преданные друзья и помощники: Г. П. Данилевский, П. А. Кулиш и др. Толчком к изучению фольклора для О. М. Бодянского послужили изданные М. А. Максимовичем «Малороссийские песни» (1827 г.).

На протяжении всей своей жизни Украина оставалась для О. М. Бодянского неиссякаемой «творческой живительной силой», верность и симпатии к родной земле он сохранил до конца дней.

Для И. И. Срезневского первый харьковский период научной деятельности (1831–1847 гг.) также был ознаменован интересом к устному народному творчеству. Сначала это были рассказы И. Н. Соколова, близкого друга семьи, затем дружба с братьями О. и Ф. Евецкими, А. Г. Шпигоцким. Несомненно, яркая и самобытная личность Г. С. Сковороды, гордившегося именем народного учителя, («странствующего университета и академией среди слободско-украинского общества» по точному замечанию Г. П. Данилевского³), проповедовавшего любовь к Малороссии, также оказала влияние на И. И. Срез-

невского. Под их влиянием он собирает народные источники о Запорожской старине, приобретая навыки этнографа-фольклориста.

В первых своих работах ученые настоятельно подчеркивают значение изучения богатого наследия Малороссии, в первую очередь, для развития русского языка. Так, О. М. Бодянский в критических заметках по поводу издания «Малорусских пословиц и поговорок В. Н. С.» (1834 г.), отмечал: «...ближайшее знакомство с сею Славяно-Русскою Италиєю, ее языком и литературою для северо-руссов совершенно необходимо»⁴.

И. И. Срезневский, признавая самобытность, лексическое богатства, живописность, благозвучие украинского языка, подчеркивал, что народный язык великороссов, белоруссов, малороссов, червеноруссов любопытен для исследования судеб русского языка и его обогащения⁵.

В 1842 г. во Вступительной лекции курса истории и литературы славянских наречий, развивая эту мысль, он писал, что российские славяне находятся в контактах с другими славянами и более нуждаются в знании их языка и обычаев («...ум народа умрет, как умирает ум того, кто приучается заучивать чужие мысли и чужие фразы, не упражняя своего собственного мышления... Знания общеславянской народности отдаляет нас от уродливых заимствований из чужих языков»⁶).

Практическим воплощением данных размышлений явилось появление сборника «Малороссийские вирши» (1833 г.) в газете «Молва» при «Телескопе» Н. Надеждина, спустя два года в 1835 г. – «Наськы украиньскы казкы запорозья Иська Матырынкы», открывавшиеся эмоциональным посвящением «Матери моей ридненькій коханій любій Украине». Автором этих сборников был О. М. Бодянский. Представленные стихотворения с лирическими картинками природы, описанием детских игр и забав, свадьбы позволили говорить о нем как о прекрасном знатоке быта народа. Заслугой этого сборника явилось то, что они были написаны «безукоризненным малороссийским языком».

Среди замечаний на издание этого сборника следует отметить отзыв проф. Н. И. Петрова, который утверждал, что в нем сказалась любовь О. М. Бодянского к родине, вера в её духовное развитие и желание способствовать развитию только что зарождавшейся украинской литературы⁷.

Для И. И. Срезневского первыми опытами в собирании фольклора были несколько стихотворений (думы о буре на Черном море и о бегстве трех братьев, изданные в «Украинском альманахе» 1831 г.) и первые записи украинских песен.

В 1832 г. он собирает песни у заезжих словаков-торговцев и издает их с примечаниями, включив и две украинские «Снився дівчиноньці дівченький сон и «Дівчинонько молодая люби мене молодого». И, конечно же, издание «Запорожской старины» (1833–1838), в котором наиболее ярко проявился его живой интерес к малороссийской словесности. В своих изысканиях ему помогали этнограф П. П. Гулак-Артемовский, А. Ф. Квитка, Л. Боровиковский, М. Максимович, Ф. Лисавицкий, А. Г. Шпигоцкий. Поклонниками этого сборника были Н. А. Гоголь и Т. Г. Шевченко.

В предисловии к изданию «Запорожской Старины» И. И. Срезневский отмечал, что он ставил перед собой две цели: представить важность малороссийской народной словесности в этнографическом и историческом смысле и определить отношение ее к летописям и преданиям. Отношение к появлению такого издания сначала было восторженным. Так, профессор Московского университета И. М. Снегирев отмечал, что труды И. И. Срезневского, посвященные Малороссии, «поражают свежестью мыслей и прелестью оригинального слога»⁸.

Однако потом, ближе изучив представленные тексты, издание было подвержено критике (О. М. Бодянским, Н. И. Костомаровым и Б. Д. Антоновичем, упрекавшими автора в небрежности при издании памятников народного творчества⁹) как ненаучное, содержащее часть поддельных пересказов украинских летописей.

Эти работы по устному народному творчеству явились, по сути, первыми шагами в деятельности ученых по разработке научных подходов в отборе и систематизации этнографического материала, которые позже будут применяться И. И. Срезневским и О. М. Бодянским в зарубежном путешествии.

Во-первых, это требование научности и историзма. Так, О. М. Бодянский в критических заметках по поводу издания «Малороссийских пословиц и поговорок, собранных В. Н. С. в 1834 г. (инициалы харьковского обывателя В. Н. Смирницкого)¹⁰, отмечал, что издание В. Н. С. неудачно, поскольку «издатель погрешает против языка, передает пословицы не в том виде, как они употребляются». Ученый настоятельно советует отделить пословицы от поговорок и рассматривать пословицы не в азбучном порядке, а с исторической точки зрения («сделайте возможное пояснение тех из них, которые ясны»).

О. М. Бодянский признает «необходимость сообщать варианты пословиц, указывать, к какой части Малороссии они принадлежат»¹¹, настаивает на необходимости введения словаря и объяснений к пословицам. Он считает, что

малые жанры следует рассматривать в сравнении с подобными жанрами фольклора других славянских народов, в первую очередь, с русским («как два народа, происшедшие от одного и того корня, выражает одну и ту же идею... в чем разница, в чем сходство»)¹².

При этом он отмечает положительные моменты издания: отсутствие подражания и стремление к разработке «богатых самородных... рудников национального».

Во-вторых, важными являются его замечания в отношении сказителей. О. М. Бодянский требует внимательного отношения к ним: «малорос от природы щекотлив, недоверчив, поэтому следует заговорить с ним о его быте, старине – и вы найдете в сердце его живое сочувствие, живой отклик, и он начнет открывать вам свои думы, надежды¹³. Кто-то справедливо заметил, «как русский весь для настоящего, так малороссиянин есть человек прошедшего времени. Хотите его любви, дружбы: польстите его козачеству – он горд бывалым...»¹⁴

Он подчеркивает, что работу следует вести кропотливо и тщательно, собирать памятники и выпускать в свет с научными объяснениями.

Первые труды И. И. Срезневского «Запорожская старина» и «Взгляд на памятники украинской народной словесности» (1834 г.) отличаются большей научностью в изучении фольклора.

Так, в Предисловии к «Запорожской старине» он дает классификацию песен (делит их на исторические, этнографические, религиозные), при изучении сказок, выдвигает такие направления: «сказки как чистый источник для вдохновения поэтов, – как памятник народных верований, и предлагает такую классификацию: мифологические, былевые, фантастико-юмористические»¹⁵.

Таким образом, в первых своих научных трудах О. М. Бодянский и И. И. Срезневский, приобретая опыт по народоизучению, выдвинули ряд существеннейших подходов в собирании фольклора -- это требования народности, научности, историзма.

Богатому наследию Малороссии О. М. Бодянский остался верен на протяжении всей своей жизни. В знаменитой магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен» (1837 г.) он сделал попытку раскрыть связь характера песен с историей народа.

Подчеркивая, что песня является отражением внутренней жизни народа «их историей, ...исповедью души», он еще раз замечает, что в них язык родной хранится во всей чистоте, неподдельности, свежести, силе, прелести...»

В завершении своих рассуждений он сравнивает песни великороссов с украинскими. По его мнению, песни малороссов являются отражением их истории, в которой встречались и бессмысленные драки, и ссоры. Поэтому – в них звучат досада, ропот на свою долю, неудовольствие до глубины души. Определяя характер этих песен как драматический, ученый ставит песни Украины выше песен других славянских народов¹⁶.

Очевидно, что такая оценка песенного творчества, отмеченная романтическим взглядом, не могла считаться научной. Однако при всех недостатках, диссертация О. М. Бодянского была первой попыткой обобщить и осмыслить сведения о поэзии славянских народов. Неслучайно, она имела широкий резонанс во многих странах: ее перевели на чешский, сербский, итальянский, немецкий языки.

Этот взрывной, безудержный характер поэзии малороссов отмечает и И. И. Срезневский. В предисловии он пишет, издавая «Запорожскую старину», хотел показать быт, нравы, подвиги этого народа – воина, который своею храбростью заслужил достойное место в памяти потомков.

Касаясь характера их песен, он отмечает, что «в песнях и думах – все дико, подобно дубравам и степям... все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья». Также как и О. М. Бодянский, он подчеркивает «лирический и драматический характер песен, в думах – холодный и мрачный эпизм...»¹⁷ Здесь же ученый приводит классификацию, делит песни и думы на исторические (имеющие повествование о событиях и лицах, для которых важна внешняя история Запорожья) и этнографические, в которых отражена история внутренняя.

После зарубежного путешествия, являясь профессором Московского университета, О. М. Бодянский вновь возвращается к словесности Малороссии, включая материалы в сборники «Чтений в Обществе истории и древностей российских». Благодаря изданным материалам история, этнография Украины становится доступной для широкой общественности.

Известны восторженные слова О. М. Бодянского о том, что «Украина – эта колыбель России – со временем... сделается известной ученому свету, ее язык и народная поэзия займет надежное место в системе славянских народов»¹⁸.

Заслуги в деле изучения малорусской народности отмечали современники О. М. Бодянского: проф. Н. И. Петров, проф. Н. И. Дашкевич, А. Н. Пыпин и др.¹⁹

Актуальность идей, затронутых О. М. Бодянским и И. И. Срезневским в первый период своей научной деятельности очевидна. Оба подчеркивали громадное значение изучения языка и фольклора Малороссии для российско-

го славянства как залог взаимопознания двух народов. В первый период ими были сформулированы подходы к изучению устного народного творчества.

Завершить свою статью хочется эмоциональными и пророческими словами О. М. Бодянского, напоминающими лирические отступления Н. В. Гоголя. В критических заметках по поводу издания «Малороссийских пословиц и поговорок, собранных В. Н. С.» он пишет, что на Украине,.. нет ни шага без памятника, времени без события, места без картины, живого существа без резко проведенной черты на его облике... где вы утонете в мире музыкальных звуков, напевов, национальной поэзии на языке благозвучном, мелодическом, который очарует, заколдует вас, наполнит сладким забвением ваше сердце, пробудит в голове вашей светлые думы... и заставит призадуматься²⁰.

А призадуматься есть над чем.

Примечания

¹ *Срезневский В. И.* Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского (1831–1839). СПб, 1898. С. 7.

² Цит. по: *Сумцов Н. Ф.* Харьковский период научной деятельности И. И. Срезневского. Пг., 1914. С. 74.

³ *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. I (1802–1815). Харьков, 1893–1898 С. 29.

⁴ Телескоп. 1834. Ч. XXI. Отдел IV. Критика. С. 338.

⁵ *Срезневский И. И.* Программа для собирания образцов народного языка и словесности. СПб., 1852. С. 1.

⁶ *Срезневский И. И.* Вступительная лекция в курсе истории и литературы славянских народов. СПб., 1893. С. 22.

⁷ *Петров Н. И.* Очерки русской этнографии. СПб. С. 187.

⁸ *Срезневский В. И.* Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского. СПб., 1898. С. 11.

⁹ См. Телескоп. 1834. Ч. XXI. Отдел IV. Критика. С. 336–348.

¹⁰ Ученые записки Московского Университета. 1834. № 4. IV. Смесь.

¹¹ Молва. 1834. № 34. С. 98–99.

¹² Там же. С. 96–97.

¹³ Цит. по: *Сумцов Н. Ф.* Харьковский период... С. 69.

-
- ¹⁴ Молва. 1834. № 34. С. 89–91.
- ¹⁵ Сумцов Н. Ф. Харьковский период... С. 81.
- ¹⁶ Цит. по: Бодянский О. М. О народной поэзии славянских племен. М., 1837. С. 147.
- ¹⁷ Срезневский И. И. Запорожская старина. Харьков, 1833. Ч. I. С. 36.
- ¹⁸ Ученые записки Московского Университета. 1834. № 5. С. 287–289.
- ¹⁹ См.: Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы XIX в. Киев, 1884. С. 177–188; Дашкевич Н. И. Отзыв о сочинении Н. И. Петрова. СПб, 1888. С. 37–301.
- ²⁰ Ученые записки Московского Университета 1834. № 5. С. 312–313.

М. О. Мельниченко (Санкт-Петербург)

Первые шаги О. М. Бодянского по созданию Славянской библиотеки

Разыскивая учебники русского языка для чехов и чешского языка для русских, написанные в XIX в., невозможно было пройти мимо деятельности первых русских славистов, их поездки по славянским землям, связей с деятелями чешского национального возрождения и последующей работы на кафедрах славянской филологии. В этой связи меня заинтересовали «Письма к Вацлаву Ганке из славянских земель», в которых было обнаружено много сведений по интересующей меня теме и открылось еще несколько новых направлений исследования.

Связи Вацлава Ганки с первыми русскими славистами были известны, но остается не выявленный объем их переписки, ее характер и продолжительность. Между тем факты, имеющиеся в письмах, обращенных к В. Ганке, имеют ценность для истории славяноведения. В предисловии к собранию писем В. А. Францев¹ писал: «Собрание наше является лишь собранием избранных корреспондентов Ганки, писем, представляющих известный научный интерес; имеющих, в значительной своей части, прямое отношение к судьбам славянских изучений у нас, у поляков и других славян; дающих немало интереснейших страниц для истории нашей и польской общественной жизни; наконец, в изобилии заключающих драгоценные зерна для биографии Ганки, особенно – для характеристики его, как деятельнейшего представителя славянской взаимности».

Вацлав Ганка – чешский славист и первый библиотекарь Чешского национального музея – личность очень противоречивая. С одной стороны, это автор знаменитых подделок Краледворской и Зеленогорской рукописей, а с другой – это один из основных столпов чешской славистики, вокруг которого собирались многие приверженцы славянского возрождения. В. Ганка сыграл важную роль в установлении чешско-русских связей в первой половине XIX в. В 1822 г. В. Ганка получил должность главного библиотекаря Чешского национального музея, которую занимал вплоть до своей кончины в 1861 г. В должности главного хранителя библиотеки он поддерживал обширные контакты и вел переписку с друзьями в Польше и в России.

Несколько сотен русских путешественников оставили свои автографы в альбоме Вацлава Ганки во время своего пребывания в Праге и посещения Чешского национального музея. Так Вацлаву Ганке писали слависты П. И. Кёппен, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, П. И. Прейс, В. И. Григорович, О. М. Бодянский, А. Ф. Гильфердинг, П. П. Дубровский, П. А. Лавровский, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин; государственные деятели: М. А. Болугьянский, ректор Санкт-Петербургского университета, А. С. Шишков, министр народного просвещения, С. С. Уваров, также министр народного просвещения, М. А. Корф, директор Публичной библиотеки. Свои автографы в альбоме Ганки оставили поэты Ф. И. Тютчев и князь П. А. Вяземский, писатель И. С. Тургенев, ученые историки и юристы. Все эти деятели русской науки и культуры находили у Ганки радушный прием. Ганка в качестве гида знакомил их с красотами Праги, с памятниками чешской истории и культуры. Об этом свидетельствуют их восторженные отзывы, оставленные в альбоме, или письма, которые Ганка получал в течение многих лет после отъезда его гостей в Россию.

В данном случае для нас представляют интерес письма О. М. Бодянского, содержащие неизвестные факты взаимоотношения двух славистов. О. М. Бодянский отправился из Москвы в свое заграничное путешествие по славянским землям 14 октября 1837 г. С собой он вез рекомендательное письмо от М. П. Погодина к П. Й. Шафартику. С Шафариком он уже был знаком заочно, когда переводил первые части его «Славянских древностей» и собирал для Шафарика сведения об украинском языке².

Когда произошло первое знакомство О. М. Бодянского с Вацлавом Ганкой неизвестно, но, зная, каким центром притяжения для русских путешественников был Чешский национальный музей во главе с В. Ганкой, можно предположить, что это произошло довольно скоро после приезда Бодянского в Прагу. Однако первые документальные свидетельства их знакомства и дружбы относятся к 1841 г. Находясь в своем заграничном путешествии, Бодянский заболел ревматизмом и отправился на лечение на воды в город Фрайвальд. Оттуда он посылает В. Ганке первое письмо 23 марта 1841 г., и так начинается их переписка, длившаяся восемнадцать лет. До нас дошло, сохранилось и напечатано тридцать писем О. М. Бодянского, адресованных В. Ганке. Последнее письмо отправлено Бодянским из Москвы 17 февраля 1859 г., за два года до кончины В. Ганки. В письмах из Фрайвальда Бодянский рассказывает в форме дружеской беседы о своем путешествии по землям южных славян в Австрии, о посещении монастырей, о состоянии монастырских библиотек и тех книгах

и рукописях, которые он там приобрел, либо, которые там можно в будущем приобрести. Письмо от 27 июня 1841 г. он подписывает «Русский водоопийца».

В письме от 10 марта 1842 г. из Праги Бодянский пишет: «Как же быть за границей и не видеть вашей матушки Праги, а, бывши в ней, не посетить Вас, почтеннейший Вячеслав Вячеславович, особливо русскому, столько, кажется, пользующемуся Вашим исключительным благоволением». И далее «Прошу Вас покорнейше, Вячеслав Вячеславович, о следующем: а) дать кому-либо списать для меня Сербскую повесть об Александре Македонском, именно от того места, где говорится о построении им Александрии; б) списать жизнеописание Жижки, Гуса, Иеронима и т. д., чтобы все напечатанное находилось переплетенным в одну книжку».

В сентябре 1842 г. О. М. Бодянский вернулся в Москву, где 24 сентября 1842 г. состоялась его первая лекция³. В конце своего первого учебного года в должности профессора славистики О. М. Бодянский пишет 5 июня 1843 г. письмо В. Ганке. Это одно из самых длинных писем в их переписке, в нем он описывает свою деятельность в первый год преподавания в Московском университете и свои хлопоты по передаче университету славянских книг. Приведу цитату из этого письма: «Вы знаете, что я еще в первый год своего житья за границей завел переговоры со своим университетским начальством о покупке Вашей библиотеки. Список книгам, в ней заключающимся, был послан мною тогда же, и, однако же, несмотря на частые мои письма к Попечителю университета (графу С. Г. Строганову), дело это оставалось по прошлом годе без всякого решения. М. П. Погодин привез Вам с собою обратно Ваш список. Это было знаком, что университет не берется приобрести Вашу книжницу».

Во время возвращения О. М. Бодянского в Москву в сентябре 1842 г. Шевырев временно замещал М. П. Погодина на посту главного редактора в журнале «Москвитянин». Вот что поэтому поводу пишет Бодянский: «Шевырев напечатал в «Москвитянине» известие о моем возвращении на родину и, между прочим, также в порыве радости тиснул еще, что я де привез с собою библиотеку славянскую в 5000 книг. Разумеется, это известие было слишком преувеличено, вместо 3000 тысяч очутилось еще две. Только весть об этом была пущена в православный народ, и уже было поздно ее поправлять. Но главное – то, что библиотека моя сильно взманила Попечителя, который с тех пор не давал мне покоя своими ухаживаниями за ней, пока, наконец, я, сообщая все хорошенько, не решился уступить ее нашему университету за ту самую цену, чего она мне стоила.

Намерение мое было одним разом привести университет в возможность иметь довольно значительную библиотеку по всем славянским наречиям. Иначе пришлось бы долго дожидаться составления ее на ежегодно отпускаемые для того деньги (каких-нибудь 500–700 рублей бумажками). Условия же, на коих я уступил свою библиотеку: а) она всегда остается под моим непосредственным заведыванием и даже ключом, пока я профессор и живу в Москве; б) все книги по части славяноведения, назначаемые мною ежегодно для умножения ее, покупаются беспрекословно на сумму, упомянутую выше.

Цель моя – приобрести для университета мало-помалу и другие важные по своей части сочинения и тем доставить нашему Славянству в сердце русской жизни постоянное виталище и твердую опору. Для того я отказался от радости иметь у себя непосредственно свою библиотеку, тем более, что я за нее не взял ни копейки больше того, что она мне стоила, хоть мог бы, и даже сам покупатель давал втрое больше. Но я отвечал, что если расстанусь с нею, то это делаю не для корыстных видов, а только из одного убеждения в величайшей пользе, какую я могу этим доставить славяноведению в своей родине.

Между тем покупка моей библиотеки для университета поставила этот последний в необходимость отказаться пока от приобретения всякой другой. Я замыслил другим путем передать ему мало-помалу и Вашу библиотеку. Не знаю, одобрите ли Вы такое мое намерение, и потому сообщаю Вам его точно в том виде, как оно образовалось в моей башке. Я слышал от Вас не раз, что Ваше единственное желание передать свою библиотеку в нашу Белокаменную, где она больше, чем в другом месте святой Руси, может быть полезной, поэтому, не угодно ли Вам будет уступить мне ее? Вы меня, конечно, понимаете: со временем я, как уже выше сказал, всё, чего нет теперь в моей библиотеке, передам в нее понемножку за те деньги, которые отпускаются ежегодно на покупку славянских книг и, таким образом, Ваша и моя цель осуществляются как нельзя лучше, то есть доставить университету Московскому возможно лучшую и полную славянскую библиотеку в самое скорейшее время. Приобретение же одной из них, конечно, далеко было бы не то, что соединение их обоих таким образом».

В письме от 27 июня 1843 г. О. М. Бодянский благодарит В. Ганку за ту готовность, с которой он согласился на условия передачи своей библиотеки Московскому университету: «Спасибо Вам, за Вашу истинно славянскую готовность на мое предложение. Благодарю от всего сердца за такое предпочтение нашей Белокаменной. Согласно с требованиями Вашими, прилагаю тут

вексель на венского банкира Бидермана ценою в тысяча шестьсот тридцать золотых серебром. Из этого количества Вам за Вашу библиотеку, согласно с Вашей волей, тысячу золотых серебром, а из остальных прошу Вас покорнейше передать от меня следующим господам Г. Рживнячу 453 золотых и 43 крейцера серебром, П. Й. Шафарику 128 золотых и 17 крейцеров серебром, Й. Юнгману 33 гульдена и Станьку 15 золотых». Как видно из письма, Бодянский доверяет Ганке и передачу денег от своего лица знакомым славистам.

Далее переписка по этому делу продолжается и вот уже О. М. Бодянский сообщает В. Ганке о первой партии книг, полученных им в Москве. В письме от 3 декабря 1843 г. Бодянский пишет: «Больше месяца прошло уже тому, как я имел удовольствие получить ваше письмо, и вот скоро две недели, как пришли сюда в Белокаменную Ваши пражские гости (следует разуместь – книги, уступленные Бодянскому Ганкой. – М. М.). Признаюсь, многие из них – красавицы первостатейные, другие – просто милы и любезны, и только немногие – средней руки. Я вам не могу выразить всей моей благодарности за этот, такой изящный сераль. Ну, придется истощать в нем, да и только. Я сильно боялся, что едва ли нам удастся наградить опущенное в Питере, а если и так, по крайности надо ждать долго и долго; теперь вижу, я ошибся, вы – мастер первой величины в отыскивании подобного рода сокровищ».

Из других писем видно, что Бодянский и сам опраивлял книги в Прагу через В. Ганку и просил их передать чешским ученым – славистам, с которым Ганка был хорошо знаком. Так в письме от 22 декабря 1843 г. О. М. Бодянский пишет: «Почтеннейший старец Юнгман меня не понял. Он просил меня на занятые у него деньги выслать ему сочинения Карамзина; но этого я не смог сделать потому, что на них можно бы купить целый десяток, а я и без того обещал ему выслать любимца его, как взаимный дар за его дары ко мне. Весной он непременно его (Карамзина) и еще кое-что получит от меня на память».

В письмах за 1846 г. корреспонденты уточняют списки книг, которых не хватало в присланных книгах, какие бы еще хотелось иметь в библиотеке. И вот, наконец, в письме от 23 июня 1847 г. Бодянский сообщает Ганке: «На днях г. Устрялов, наконец, благоволил прервать свое мудрое молчание и не только уведомить меня о получении им от Вас книг, отправленных Вами еще в июне прошлого года, но даже и самые их лицом выслать мне, которые вот уже третий день в моих руках. Слава богу, что дело это так кончилось! Он жалуется на Вас же, что де давно бы выслал мне их, если бы вы написали ему, для кого и куда назначаете их, а то, как же, – прибавляет, – посылать было

онь к Вам, коли я этого не знал ни сном, ни духом. Дело кончено. Аминь!» Этим письмом завершается одна тематическая линия в переписке О. М. Бодянского и В. Ганки.

Переписка двух друзей единомышленников будет продолжаться еще двенадцать лет и в ней можно познакомиться с другими гранями деятельности профессора О. М. Бодянского. Это такие темы как – преподавание студентам славянских наречий (как это тогда называли), темы теоретических лекций, прочитанных в первые годы преподавательской деятельности профессора. В. Ганка помогал обеспечивать Бодянского учебными материалами и в дальнейшем, уже после завершения комплектования библиотеки.

Далее О. М. Бодянский делится с В. Ганкой своими научными и издательскими планами в «Обществе истории и древностей российских». В письме от 11 июня 1846 г. О. М. Бодянский сообщает о том, что В. Ганка стал по предложению секретаря (Бодянского), Почетным членом Императорского Общества истории и древностей российских, и высылает ему диплом. К основным письмам часто прилагаются рекомендательные письма для знакомых О. М. Бодянского, путешествующих по Европе с просьбой оказать им в Праге прием и познакомить с красотами Праги.

То, что это было общение двух друзей единомышленников, на чьи отношения не повлияли долгие годы разлуки, свидетельствует одно из последних писем, написанное О. М. Бодянским 25 июня 1857 г.: «Препровождаю к Вам 7-ой том «Истории России» Соловьева, в 2-х экземплярах, один собственно для Вас, а другой для библиотеки Народного музея», затем следует рекомендательное письмо Н. Н. Буличу, профессору русской словесности в Казанском университете, который собирался в Прагу летом 1857 г. и далее в этом письме О. М. Бодянский высказывается так: «В июле будет у Вас издатель “Русской беседы”, равно и другие земляки, которые в большом числе устремились теперь за родной рубеж. Пожалуй, Европа это примет за нашествие иноплемеников, и, несмотря на знатные суммы, оставленные ими у ней, еще осмеет их и выйдет тогда, по малороссийской пословице: “За наше ж жито, да нас же и побито”, или: “За наши ж гроши, да мы ж не хороши”».

Все письма О. М. Бодянского, обращенные к Вацлаву Ганке свидетельствуют о том, что в Праге, во время заграничного путешествия Бодянского по славянским землям, завязались дружеские отношения, которые продолжались в течение восемнадцати лет, а их деловые связи привели к созданию Славянской учебной библиотеки в Московском университете.

Примечания

¹ *Францев В. А.* Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. 1300 с.

² *Алексашина Л. Н.* О.М. Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40–70-е годы XIX века). Автореф. диссерт. на соискание ученой степени кандидата исторических наук М., 1973. 24 с.

³ *Досталь М. Ю.* Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986. С. 275–303.

Л. Ю. Аристова (Москва)

Фрагмент книжного собрания Осипа Бодянского в Российской Государственной библиотеке

О. М. Бодянский (1808–1877), о библиотеке которого пойдет речь, хорошо известен как профессор Московского университета, издатель, исследователь, труды которого сыграли в свое время значительную роль в развитии отечественной науки. Биографическая литература о О. М. Бодянском велика, упомянем, например, монографию Н. А. Кондрашова и приложенную к ней библиографию¹. Однако на еще один аспект деятельности Бодянского обращают меньше внимания: это его многолетняя, на протяжении всей жизни, работа по собиранию и популяризации славянских книг. В этой области ему нет равного не только среди современников, но, пожалуй, и среди потомков.

Собранная Осипом Максимовичем Бодянским во время пятилетнего путешествия по славянским землям (1837–1842) учебная библиотека² включает в себя ценнейшие памятники языка, истории и художественной литературы южных и западных славян XVI – первой половины XIX вв. Ныне эта библиотека хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. На Славянской учебной библиотеке воспитывалось не одно поколение русских славистов, на ней основывалась более чем тридцатилетняя педагогическая деятельность самого О. М. Бодянского в Московском университете.

Следует подчеркнуть, что библиотека О. М. Бодянского представляет собой уникальный памятник славянской культуры. Перед нами едва ли не единственная Славянская библиотека, составленная крупным ученым специально для обучения студентов и содержащая важнейшие для того времени публикации, раскрывающая особенности культуры и этнической ментальности славянских народов.

Изучение Славянской учебной библиотеки О. М. Бодянского началось в 1980-х гг. Одна из ведущих ролей в изучении этого собрания принадлежит Н. М. Пашаевой, доктору исторических наук, главному библиотекарю Государственной публичной исторической библиотеки. В 2000 году нами был составлен и опубликован каталог «Славянская учебная библиотека О. М. Бо-

дянского», вышедший в издательстве МГУ под редакцией В. П. Гудкова, заведующего кафедрой славянской филологии МГУ, и получивший положительные отзывы специалистов.

Огромный научный интерес представляет и личная библиотека Бодянского, которая после смерти ученого была распродана в розницу и рассеяна по частным коллекциям.

Более ста книг с признаками принадлежности О. М. Бодянскому были обнаружены в процессе работы сотрудниками научно-методологической группы Отдела хранения основных фондов РГБ³. Составленный нами предварительный научный каталог книг Бодянского, обнаруженных в фондах РГБ, мы приводим в Приложении к данному материалу. Книги описаны в той последовательности, как они стоят на полке по шифрам РГБ.

Хронологически большая часть найденных книг относится к периоду 1820–1860-х гг. Восемнадцатый век представлен только несколькими изданиями, есть и отдельные книги 1870-х гг. Обнаруженные книги изданы в 35 городах Западной и Южной Европы, но большая часть приходится на Прагу (17), Загреб (13), Будапешт (9)⁴. Книги изданы на 10 языках, среди которых преобладают славянские, прежде всего – чешский, польский, сербохорватский (гражданский и латинский шрифты). Довольно много изданий на немецком и на латыни.

В типологическом, отраслевом и видовом отношениях книги, обнаруженные в фонде зала «М» РГБ, представляют собой научные, справочные и учебные издания по языкознанию, литературоведению, педагогике, истории, географии, религии, праву. Есть и художественная литература, в том числе и переводная, периодические издания – журналы, альманахи, а также продолжающиеся издания – календари, справочники.

Среди авторов этих книг известные славяноведы и историки – П. Й. Шафарик, Ф. Пельцль, критики К. А. Винаржицкий и В. Б. Небеский. Присутствуют в этом собрании и произведения деятелей иллиризма – И. Кукулевича-Сакцинского и поэта С. Врза. Интерес Бодянского к движению иллиризма был огромен, русский ученый увлекался историософскими концепциями идеологов этого движения.

Данные издания были выделены из общего массива книжных фондов РГБ благодаря нескольким основным признакам. Прежде всего, это владельческие надписи Бодянского, которые обычно указывали на место и время покупки или дарения. Немало в коллекции изданий с дарственными надписями, которые встречаются в более чем половине найденных книг. Они были пода-

рены Бодянскому филологом А. В. Шемберой (см. Прил. № 53), критиками К. А. Винаржицким (см. Прил. № 87) и В. Б. Небеским (см. Прил. № 44), идеологами иллиризма С. Вразом (см. Прил. № 38) и И. Кукулевичем-Сакцинским (см. Прил. № 67). В этом контексте необходимо отметить, что во время своего путешествия по славянским странам Бодянский сблизился с деятелями национального возрождения Хорватии – Станко Вразом, братьями Мажураничами, писателем Вукотиновичем и другими. Братья Антон и Иван Мажураничи были проповедниками идеи славянского мессианизма по отношению к народам Европы, активными деятелями движения иллиризма. Последователи иллиризма – хорватские ученые, писатели, общественные деятели, – боролись с германизацией и мадьяризацией хорватов, утверждали принадлежность сербов и хорватов к великому и могущественному славянскому племени. Проповедником славянского мессианизма, идеи об особом призвании славянских народов справедливо считался хорватский поэт Петр Прерадович.

Кукулевич-Сакцинский был интересен русским славяноведам и как основатель Югославянского исторического общества, выпустившего с 1851 по 1875 гг. 12 томов ежегодника «Архив югославянской истории». В предисловии к «Архиву» Кукулевич-Сакцинский говорил о гнете и притеснениях, которые испытывают югославянские народы, живущие в «австрийском царстве», упоминает о том, что чужеземцы хотят силой пресечь живую нить истории балканских народов.

Присутствует в этом фрагменте библиотеки О. М. Бодянского и целый ряд выпусков «Летописей Матицы Словенской», т. е. «Матицы Словацкой» (см. Прил. № 39).

Находим мы и периодическое издание «Матицы Сербской» – «Сербская пчела» (см. Прил. № 69). «Сербская Матица» («Матица Српска») представляла собой культурно-просветительское общество славянских будителей, которое не могло не заинтересовать Бодянского. Это общество было основано 16 февраля 1826 г. в городе Пешт сербским литератором и юристом И. Хаджичем и шестью сербскими коммерсантами с целью поспособствовать развитию сербской культуры и продолжить издание журнала «Летопис», который начал печататься в Пеште в 1824 г.

«Матица Сербская» получала денежную помощь от богатых славянофилов Москвы и Петербурга – в частности, речь шла о субсидиях на издательскую деятельность. Русские славянофилы часто присылали в подарок «Матице Сербской» русские книги, а Общество, в свою очередь, охотно дарило «русским братьям» свои печатные издания. Книги и периодика «Матицы

Сербской», находившиеся в библиотеке Бодянского, представляют собой еще одно доказательство такого обмена, являются свидетельством плодотворных научных и культурных контактов между русской и сербской общественностью.

Во фрагменте библиотеки О. М. Бодянского, обнаруженном в фонде «М» РГБ, присутствует и черногорское издание «Грлица» (см. Прил. № 5) – это черногорский календарь за 1838 г. Особый интерес представляют сборники сербского фольклора. Так, среди новонайденных книг мы видим сборник народных рассказов (см. Прил. № 71).

Некоторые издания из библиотеки О. М. Бодянского Фонда «М» РГБ, отмечены также дарственными надписями неустановленных лиц. Большая часть изданий была вывезена Бодянским из славянских земель, однако некоторые из них подарены ученому уже в Москве. На книгах обнаружены экслибрисы и печати предыдущих владельцев. Встречается сине-белая наклейка книгопродавца «Na Razprodaji u knjizarni Svetozara Galca u Zagrebu», печати библиотек и музеев, в частности, дублетные экземпляры Национального музея в Праге. Найден клеенный и заполненный от руки бланк-заказ на книгу из магазина Милоша Поповича в Белграде.

Обнаруженные в РГБ книги (общим количеством – 123 экз.) принадлежали ко второй, личной славянской библиотеке О. М. Бодянского, после смерти ученого проданной в розницу. Книги включают в себя труды деятелей национального возрождения славянских стран, в частности, труды представителей сербского национального возрождения: Йована Хаджича (Милоша Светича) (см. Прил. № 93), Косты Лазаревича (см. Прил. № 94) Косты Йовановича (см. Прил. № 3), Йована Поповича и др.

Что касается Й. С. Поповича, то О. М. Бодянского он интересовал как один из основателей сербской драматургии. Как известно, пьесы Поповича составили репертуарную основу сербского театра. Среди книг, обнаруженных в фонде «М» РГБ, мы находим его пьесу «Тврдица» («Скупец») (см. Прил. № 95).

Йован Хаджич (Милош Светич) (1799–1869), доктор права, директор Новосадской гимназии, а затем председатель Окружного суда в Новом Саде, был одним из активных деятелей сербского национального возрождения. В нашей коллекции мы находим его работу по истории Первого сербского восстания (см. Прил. № 93).

О. М. Бодянский привез из славянских земель около трех тысяч экземпляров книг, брошюр и периодических изданий. По просьбе попечителя Московского учебного округа гр. С. Г. Строганова, ученый уступил университету

по их себестоимости около 2 тысяч книг. В итоге в личном пользовании Осипа Максимовича оставалось около тысячи изданий. Впоследствии ученый приобрел библиотеку чешского славяноведа В. Ганки, и его личная библиотека стала насчитывать около 2 тысяч единиц. Доминировал в этом собрании славянский раздел, который включал достаточно много редких изданий.

После смерти О. М. Бодянского его вдова предлагала коллекцию Московскому университету, однако сделка не состоялась. «Вскоре после смерти старика (О. М. Бодянского – Л. А.), весной 1878 года, нам сообщали из Москвы, что на библиотеке покойного остановилось Министерство народного просвещения – для будущего Сибирского университета. С этой целью оно поручило Историко-филологическому факультету Московского университета оценить библиотеку»⁵, – рассказывал А. А. Кочубинский. Оценка была произведена при непосредственном участии профессора Н. А. Попова, но библиотека так и не была приобретена университетом.

В результате библиотеку приобрел книгопродавец А. А. Астапов. Последний купил коллекцию за 3 тысячи рублей. Основной массив изданий перешел к П. В. Щапову и Н. В. Аксакову, ученым В. О. Ключевскому и Н. С. Тихонравову. «Дневник» («Домашние записки») Бодянского приобрел А. А. Котляревский. Впоследствии сын Котляревского передал «Дневник» А. А. Кочубинскому.

Каким же образом книги из личной библиотеки О. М. Бодянского оказались в фондах РГБ? В своих воспоминаниях А. А. Астапов сообщает о частых посещениях Н. Ф. Федорова, бывшего заведующим каталожным и справочным залом Московского публичного и Румянцевского музеев, отбиравшего книги для музея. Ряд изданий из личной библиотеки Бодянского приобрел В. А. Дашков, руководивший этими музеями в 1867–1869 гг. Наконец, часть личной коллекции Бодянского могла попасть в Московский Публичный и Румянцевский музеи в составе славянских собраний профессоров Московского университета Н. А. Попова и А. Л. Дювернуа⁶.

Анализ сохранившегося фрагмента книжного собрания О. М. Бодянского в РГБ показывает, что ученый сумел в своих книжных собраниях показать основные особенности национальной культуры Польши, Чехии, Сербии, Хорватии, Болгарии и др. Личная библиотека Бодянского сформировалась во многом благодаря тесным связям ученого с деятелями национального возрождения славянских стран. Эти плодотворные связи и контакты установились во время путешествия ученого по славянским землям и не были разорваны по возвращению в Россию.

Отдельные книги с автографами О. М. Бодянского находятся также и в других библиотеках – например, в Государственной публичной исторической библиотеке (ГПИИБ), в Государственном музее А. С. Пушкина, в частных коллекциях славяноведов П. А. Лаврова и П. И. Прейса, хранящихся в Отделе редких книг и рукописей Санкт-Петербургского университета, в Отделе редких книг Астраханской областной библиотеки.

Несмотря на подобное рассеяние, изучение учебной и личной библиотеки О. М. Бодянского дает нам право говорить, что в своей работе со студентами Бодянский сформировал отношение к славянской книге как к источнику. Необходимо заметить, что в начальный период развития славяноведения слависты нередко сводили поиск источников к поискам древних славянских рукописей. Бодянский же считал приобретенные им славянские книги, как и славянскую книгу в целом, важнейшим историко-культурным источником. В его библиотеке, которую он предназначал для студентов, знакомство с каждой страной было знакомством с ее историей, языком, литературой, фольклором, порой даже с начатками науки, искусством, культурой, менталитетом (хотя в то время такого термина еще не было).

Дальнейший поиск книг из личной библиотеки О. М. Бодянского даст нам возможность зафиксировать и сохранить собранные им книги, в частности, издания славянских будителей, из тиражей которых остались, возможно, считанные, а быть может, и вовсе уникальные экземпляры.

Примечания

¹ Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956.

² Более подробно см.: Аристова Л. Ю. Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского. М., 2000. 336 с.

³ Библиографические описания приведены в Приложении к данной статье.

⁴ Ковригина С. И. О. М. Бодянский (книги из его библиотеки в Отделе хранения основных фондов РГБ) // Российская государственная библиотека. Румянцевские чтения. Материалы Международной научной конференции (11–13 апреля 2006 г.). М., 2006. С. 133.

⁵ Кочубинский А. А. Библиотека О. М. Бодянского // Русский филологический вестник 1880. Том IV. Книжные мелочи. С. 150.

⁶ См.: Пашаева Н. М. Библиотека О. М. Бодянского // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 38–50.

Приложение

1. М 22/98

Rok ... pod względem oświaty, przemysłu i wypadków czasowych / Red. J. Morażewski. Poznań: Nakładem i drukiem N. Kamińskiego i Spółki, 1843–1846. 21 cm.

1843, t. I, XI, 147 c.

На об. обл. влад. зап.: «О Бодянского. 1843. 30/5. Москва».

1844, t. I, z. I. [2], 79 c.

На об. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1844. 6/VI. Москва».

1844, t. I, z. 2. [4], 80, [2] c.

1844, t. I, z. 3. [4], 75 c.

2. М 25/597

Hurban, Josef Miloslav.

Swatoplukowci, anego: Pád říše Welko-Morawské / Obrazy a ohlasy z posledních dob slávy Slowenske. W Praze: Tisk. a sklad Jar. Pospisila, 1845. 111 c.; 7 cm.

На верхн. обл. дарст. зап.: «Bodjanskemu. Safarik»

На об. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1845. 8/XI. Москва».

3. М 28/288

Јовановић, Коста.

Речник свију вароши, варошица, села и засеока у Србији са 9 спискова у таблица, у којима су изложене: све општине, број пореских глава и растојање сваког појединог места од места општинске, среске и окружне власти / Уредно Коста Јовановић. У Београду: у државној штампарији, 1872. VI, 194 с., 4 л. табл.; 22 см.

На верхн. обл. дарст. зап.: «Госп. Профессору Бодянскому».

На об. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. От сочинителя. 1873. П/І. Москва».

4. М 28/289

Крстић, Никола.

Образи изъ общте исторіе написао дръ Никола Крстићъ, професоръ права у Княжеско-србскомъ лицеоу. У Новоме Саду: трошкомъ Драгутина Хинца, 1860. XI, 374, [2] с.; 21 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москву».

В нижн. части верхн. обл. наклеена марка книжн. маг.: «Na Razprodaji u knjizarni Svetozara Galca u Zagrebu».

5. М 28/291

Грлица: Календарь Црногорскій за годину 1838 / Издао Димитрій Милаковић, Секретарь Правителя Црногорскога и Ордена Св. Владимира 4-гъ степеня кавалеръ. Четверта година. У Црной Гори: У књигопечатњи Правителя Црногорскога, [1838]. 125 с.; 22 см.

На тит. л. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москвь»

6. М 28/293

Лесаж, Аллен Рене

Ле Сажовъ Жиль Блазь Сантиланаць / С немачкога превео Лазо Зубань. У Бечу: У тип. Конгрегацие Мсхитариста, 1833–1836. 20 см.

Ч. 1. 1833. 184 с.

На об. тит. л. влад. зап.: «Ј. Боданскога. 1839 XI/18. Београдъ».

Ч. 2. У Крагуевцу: У Крагуевцу: У Княжеско-Српској тип., 1834. 168 с. На обл. влад. зап.: «Ј. Бодянскога. 1839. XI/18. Београдъ».

Ч. 5. У Бьограду: У Княжеско-Српској тип., 1836. 150, [12] с.

На об. обл. влад. зап.: «Ј. Бодянскога. 1839. 18/XI от переводчика. Београдъ».

Ч. 6. У Бьограду: У Княжеско-Српској тип., 1836. 136, [14] с.

7. М 28/299

Franklin, Benjamin.

Pokladnice Franklinowa, anebo kterak rozumnuu přičinlivostj každy člověk zbohatnauti může, prospjwage we cnosti a pobožnosti, nabywage milosti u Boha pak u lidj lásky, wažnosti a slowůtnosti Wydána Frantisskem K. Kampeljkem. W Baňské Bystřici: Tiskem F. Macholda, 1838. XV, [1], 191 с.; 18 см.

На форз. 1а дарст. зап. издателя: « Frant-Cyril Kampeljk. 1839».

8. М 28/305

Jurčič, Josip.

Juri Kozjak, slovenski janičar: Povest iz petnajstega stoletia domace zgodovine / Spisal J. Jurčič; Na svitlo dala družba Sv. Mohora. V Celovcu: Tisk. Jan. in Frid. Leona, 1864. 104 с.; 16 см.

На форз. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москвь».

9. М 37/44

Berlić, Ignaz Al.

Grammatik der Illyrischen Sprache, wie solche in Bosnien, Dalmazien, Slawonien, Ser-

bien, Ragusa dann von den Illyriern in Banat und Ungarn gesprochen wird / Für Deutsche verfasst und hrsg. von Ignaz Al. Berlich ... Ofen: gedruckt mit königl. Ungar. Universitäts-Schriften, 1833. XIV, 377, [10] с.; 21 cm.

На тит. л. влад. зап.: «I. Бодянского»

В нижн. части тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи»

10. М 37/76

Klácel, František, klášter. jm. Matouš.

Lyrické básně od Matauše Fr. Klácela. W Brně: Tiskem R. Rohrera, 1836–1837. 21 cm.

[Sw. I]. 1836. 96 с.

Sw. 2: Basné 1837. 93, [3] с.

11. М 37/83

Plody zboru učenců řeči českoslowanské Prešporského. W Prešporku: Tiskem u Landera, 1836. [18] XVIII, 19–151, [6] с.; 18 cm.

На форз. 16 дарст. зап. неизв. лица на чешск. языке: «Slowautnému muzi Panu Josefu Bodánskému w znak štanosti a lasky wzágemoré slowanske obelugi Bretislawstj slowanske dnež Listopadu 1838».

На тит. л. печать: «Библиотека Румянц. и Публ. музеи»

12. М 37/98

Spalding, Johann Joachim.

Břčenj člověka / Z německého Sspaldynkowa spisu, podlé neynowssjho wydánj, spolu y s prjdawky přjdawky přeložil Bohuslaw Tablic. We Waxowě: v A. Gottljba, 1802. [12], 109, [3] с.; 18 cm.

На форз. 1а влад. зап.: «J. Бодянского. 1839. III/17–29. Пешгъ».

13. М 37/101

Appendini, Francesco Maria.

Grammatica della lingua illirica, compilata dal Padre Francesco Maria Appendini, Ragusa: presso A. Martechini, 1808, [2], XXIV, 336 с.; 19 cm.

На форз. 1а влад. зап.: «О. Бодянского. 1874. 24/II. Москва».

14. М 37/115

Sloweske Večernice za poduk in kratek čas / Na svitlo daje družba sv. Mohora. V Celovcu: Tisk. Jan. in Frid. Leona, 1864. 17 cm.

Zv. 9. 1864. 89, [I] с.

На тит. л. печать: «Библиотека Публ. и Румянц. музеи».

На форз. 1а дарст. зап. неизв. лица: «J. Бодянскому в Москве».

15. М 38/1

Swętozor, neylacinęgssj spis obrázkowy k rozssjřenj užitečných známostj pro Cechy, Morawany a Slowáky. W Praze: Tisk a náklad synů V. Háze, 1834. 29 cm.

1834, prwnj ročnj Běh. [6], 352 с.

На об. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1835. V/4–15 Прага».

16. М 38/22

Murko, Anton Johann.

Theoretisch-praktische Slowenische Sprachlehre für Deutsche, nach den Volkssprechar-ten der Slowenen in Steiermark, Kärnten, Krain und Ungarns westlichen Distrikten / Von Anton Johan Murko. Grätz: Verl. der F. Ferstl'schen Buchh.: J. L. Greiner, 1832. [2], XVI, 206, [I] с.; 19 cm.

На тит. л. влад. зап.: «Јосифа Бодянского».

17. М 38/35

Kolo: Članci za literature, umětnost I narodni život / Urednik: Andria Torkvato Brilé. U Zagrebu: Tiskom K. P. narodne Tiskarne dra Ljudevita Gaja: Troškom nar. matice ilirske, 1851. 20 cm.

Кн. 8. 1851. [2], 160, [I] с.

На тит. л. дар. зап. неизв. лица: «Профессору Бодянскому».

На с. 144 вклеен счет «Из кн. магазина Милоша Поповича в Белграде. 11/12 1853».

18. М 38/37

Sommer, Johann Gottfried.

Das Königreich Böhmen; statistisch-topographisch dargestellt von Johann Gottfried Sommer. Prag: in der J.G. Calve'schen Buch., 1833. 21 cm.

Bd. 1: Leitmeritzer Kreis. 1833. XL, 408, [2] с.

На форз. 1а влад. зап.: «О. Бодянского. 1844. Москва».

19. М 38/69

Sasinek, Franko V.

Dejiny drievnych národov na území terajšieho Uhorska / Sostavil: Fr. V. Sasinek. V Skalici: tlač. F. X. Škarničla synov, 1867. 255 с.: карты; 22 cm.

На форз. 1а влад. зап.: «О. Бодянского. От сочинителя. 1868. Москва».
На тит. л. печать: «Библиотека Публ. и Румянц. музеи».

20. М 38/70

Sasinek, Franko V.

Dejiny královstva uhorského / Sostavil: Fr. V. Sasinek. V B. Bystrici: gycholotiskam vdovy F. Macholda, 1869. 22 cm.

D. I. 1869. 354 с.

На верхн. обл. дарст. зап. автора: «Проф. Бодянскому въ Москвь».

На об. тит. л. влад. зап.: «О. Бодянского. От сочинителя. 1869. Москва».

D. II. V Turc. Sv. Martine: knihtlačiarско-účastinarску spolok, 1871. 96 с.

На верхн. обл. дарст. зап.: «Проф. Бодянскому въ Москвь». Авторъ».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи»

21. М 38/71

Sasinek, Franko V.

Dejiny počiatkov terajšino Uhorska / Sostavil: Fr. V. Sasinek, ... V Skalici: tlač. Fr. X. Škarniča synov, 1868. 254 с.: карта; 23 cm.

На тит. л. дарст. зап.: «Проф. Бодянскому въ Москвь». Авторъ».

22. М 39/72

Széchenyi, István.

Ueber die Ungarische Akademie vom Grafen Stephan von Széchenyi 1842 / Uebersetzt und mit Anmerkungen begleitet von Sincerus. Leipzig: K.F. Köhler, 1843. [2], VI, 71 с.; 21 cm.

На об. обл. влад. зап.: «О. Бодянского». 1844. 16/VI. Москва».

23. М 38/75

Vergilius Maro, Publius.

Wirgiliowa Eneida / Preložená od Gana Hollého. W Trnawe: Witláčená G. K. Gelinka, 1828. 287, [3] с.; 23 cm.

На форз. 1а автограф : «P. J. Šafarik».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи»

24. М 38/76

Slomshek, Antonius.

Mnemosynon slavicum suis quondam auditoribus ac amicis carissimis dicat Antonius Slomshak, ... Glanforti: typis et impensis J. Leon, 1811. [2], 268 с.; 22 см.

На об. обл. влад. зап.: «J. Бодянского ... 1841».

25. М 38/77

Osvetnici. V Zagrebu: Bezotis A. Jakiča, 1861. 21 см.

I: Obrenov: Dogadjaj iz godine 1857 / Menada Poznahoviča. 1861. 75 с.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому въ Москве».

Внизу верх. обл. приклеена марка книжн. маг.: «Na razprodaji u knjizari Svetozara Galca u Zagrebu».

II: Luka Vukalovici i boj na Grahovcu na spasovdan godine 1858 / Pjesma od Radovana. 1862. 188 с.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому въ Москве».

Внизу верх. обл. приклеена марка книжн. маг.: «Na razprodaji u knjizari Svetozara Galca u Zagrebu».

26. М 38/79

Cuvier, Cjrj

Barona Gjrjho Cuviera Rozprawa o prewratech kury zemnj, a o proménach w ziwocistw u gimi způsobenych, w ohledu prjrodopisném a dégopisném / Podlé patého wydanj prelozil a rozmnozil Jan Swatopulk Presl, ... W Praze: W knjžecj arcibiskupské knihtiskárné, u J. Fetterluve, wedenjm a nákladem W. Spinky, 1834. [2], VIII, 320 с., [4] ѓ. ѓѓ.; 21 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского 1838 (14–26) IX».

27. М 38/80

Dohnany, M.

Historia povstaŃja slovenskjeho z roku 1848 / Pisau M. Dohnany. V Skalici: pismom a tlačivom fraŃa X. Škarnicla a sinou, 1850. 168 с., 21 см.

Sv. I. 1850. 168 с.

На верхн. обл. дарст. зап.: «J. Bodjanskemu. Safarik».

28. М 38/92

Zorčič, A.

Vila Dalmatinska oliti različne pisme A. Zorčiča Šibenčanina. Zadru: Tiskom drače DATARA, 1852–87 с.; 20 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому въ Москве».

Внизу верх. обл. приклеена марка книжн. маг.: «Na Razprodaji u knjizari Svetozara Galca u Zagrebu».

29. M 38/102

Dzieduszycki, Maurycy.

Krótki rys dziejow I spraw Lisowczyków, skreślił Maurycy Hr. Dzieduszycki. We Lwowie: Zakład nauk. im. Ossolińskich, 1843 (u J. Millikowskiego. Drukiem J. Schaydera). 21 cm.

Т. I. 1843. VI, 372 с., [1] л. ил.

На фoрз. 1а влад. зап.: «О. Бодянского. 1848. Москва».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

30. M 38/103

Kollar, Adám Ferenc.

Adami Franc. Kollarii, ...Historiae iurisq[ue] publici regni Hungariae amoenitates: Volumen I–II. Vindobonae: typis a baumeiterianis, 1783. 189 с.; 21 cm.

На фoрз. 1а влад. зап.: «О. Бодянского. 1843. 23/XI. Москва».

Vol. 1. 1783. 128 с.

Vol. 2. 1783. 189 с.

На фoрз. 1а влад. зап.: «О. Бодянского. 23/11 1843. Москва».

31. M 38/110

Marcus Aurelius.

Marka Aurelia Antonina... Zápisky, které sobě samému snels: Dwanactero knéh / Z řeckého přeložil a poznamenánjmi zaopatřil František Sjr, ... W Gičjně: Tiskem F. J. Kastranka, 1842. XIII, 195 с.; 20 cm.

На фoрз. 1а влад. зап.: «J. Бодянского от Шафарика. 1842.13/VII. Прага».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

32. M 38/111

Pelcl, František Martin.

Frantz Martin Pelzels Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten: Aus den besten Geschichtschreibern, Kroniken und gleichzeitigen Handschriften zusammen getragen. 3-te, verm. u. fortgesetzte Aufl. Prag; Wien: Verlegt bei J. F. Edlen von Schönfeld, 1782. 20 cm.

Th. I. 1782. 526 с., [I] л. портр.

На форз. 1а влад. зап.: «*Ж. Бодянского. 1842. 25/VII. Прага.*».

На тит. л. печать: «*Библиотека Публич. и Румянц. музеи.*».

Th. 2. 1782. [2], 531–1014 с.

33. М 39/3

Naše gore: List. Zabavno-poučni časopis J. Tečaj / Odgovorni urednik i izdavatelj Mijo Křešič. U Zagrebu: [М. Кřešič], 1861. 31 см.

1861, [4], 294 с.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «*Бодянскому в Москве.*».

На форз. 1а приклеена марка книжн. мар.: «*Na Razprodaji u knjizari Svetozara Galza u Zagrebu.*».

34. М 39/4

Codex Epistolaris Johannis Regis Bohemiae- Briefe des Königs Johann von Böhmen, seiner Verwandten und anderer Zeitgenossen, nebst Auszügen aus Urkunden desselben Königs, als einer Ergänzung zu Fr. Böhmer's Regesten, herausgegeben von Dr. Theodor Jacobi. Berlin: Verl. von T. Trautwein, 1841. XVI, [2], 112 с.; 31 см.

На об. обл. влад. зап.: «*О. Бодянского. 1846. Москва.*».

35. М 39/26

Čajda, Ján

Včelár na Slovensku / Sostavený vypracovaný kroz Jána Čajdu, ... pomocou a spolupôsobením Štefana Závodníka, ... Turč. Sv. Martin: Matica Slovenská, 1871 (Knihtlačiarско-účastinársky spolok). 92, [2] с.; 25 см. (Matičných spisok č. 26).

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «*Профессору Бодянскому въ Москве.*».

36. М 39/27

Laucek, Daň Zab.

Úklad a matka: Smutnohra v piatich dejoch od Daňa Zab. Lauceka. Turč. Sv. Martin: Matica Slovenská, 1871 (Knihtlačiarско-účastinársky spolok). 48 с.; 26 см. (Matičných spisov č. 25).

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «*Профессору Бодянскому в Санктъ-Петербурге.*».

На тит. л. печать: «*Библиотека Публич. и Румянц. музеи.*».

37. M 39/134

Hystoria o těžkých protiwenstwjch Cýrkwě Českě, hned od počatku gegjho na Wjru Křestianskau obrácenj, w letu Páně 894, až do léta 1632, za panowánj Ferdynanda druhého: S připogenjm Hystorye o persejucy Waldenských roku 1655 stalé. W Hirberku: v J. S. Landolta, 1844. [6], 360, [32], 72, 12 c., [2] л. портр.; 16 cm.

На об. верх. обл. дар. зап. неизв. лица: «Осипу Максимовичу Бодянскому».

38. M 39/160

Vraz, Stanko.

Djulabie ljubezne ponude za ljubicu od Stanke Vraza. U Zagrebu: Tiskom k.p. ilir. nar. tiskarne Dra L. Gaja, 1840. [6], 172 c.; 13 cm.

На об. верх. обл. автограф: «Stanko Vraz»

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

39. M 40/2

Matica Slovenská.

Letopis Matice Slovenskej. V B. Bystrici: [Matica Slovenska], 1869. 26 cm. (Matičných spisov; ...).

R. 6, sv. 2. 1869. 120 c. (č. 19).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Профессору Бодянскому въ Москве».

Внизу верх. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

R. 7, sv. 1. 1870. 112 c. (č. 21).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Профессору Бодянскому въ Москве».

R. 7, sv. 2. 1870. 103, [1] c. (č. 23).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Профессору Бодянскому въ Москве».

На об. верх. обл. влад. зап. Бод. «получено въ Москве... 1871 года».

R. 8, sv. 1. 1871. 95, [1] c. (č. 24).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Профессору Бодянскому въ Москве».

R. 8, sv. 2. 1871. 126, [2] č. (č. 27).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Профессору Бодянскому въ Москве».

R. 9, sv. 2. 1872. 120 c. (č. 31).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «г. Бодянскому».

R. 10, sv. 2. / Sostavil Viliam Pauliny-Tóth, ... Turč. Sv. Martin: Knihtlačiarско-učastníarsky spolok, 1875. 104 c. (č. 34).

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Г. Бодянскому въ Москве».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Р. 2, џ. 5. 1870. 60 с.

На верхн. обл. дарст. зап. Сасинека Ф. В.: «Профессору Бодянскому въ Москве».

На тит. л. печать «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

40. М 40/22

Die freiwillige Theilnahme der Serben und Kroaten an den vier letzten österreichisch-türkischen Kriegen dargethan in einer Sammlung gleichzeitiger geschichtlicher Urkunden. Wien: Druck von Keck & Pierer, 1854. VI, 340 с.; 22 см.

На об. верх. обл. влад. зап.: «Бодянского».

На тит. л. дарст. зап. неизв. лица: «Jego Visokorodija Josifu Maksimovicu Bodjanskomu».

Внизу тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

41. М 40/54

Hronka

D. 1, sw. 1. 1836. 96 с.

На форз. 1а влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 15-4/V. Прага».

D. 1, sw. 2. 1836. 95 с.

D.1, sw. 3. 1836. 95 с.

D. 2, sw. 1. 1837. 96 с., [1] л. портр.

D. 2, sw. 2. 1837. С. 100–192, [1] л. илл.

D. 2, sw. 3. 1837. С. 196–287, [1] л. портр.

D. 3, sw. 1–3. 1838. 288 с.

На об. верх. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 8–20/XII. Пешт»

42. М 40/55

Mikocz, Joseph.

Iosephi Mikoczi ... Otorium Croatiae liber unus: Opus postumum. Budae: Typis Regiae Universitatis Hungaricae impressum, 1806. XVI, 447 с.; 19 см.

На форз. 1а ex libris : «Г. Antonii Sushich».

Внизу на форз. 1б влад. зап.: «Бодянского. 1870. 18/VI. Москва».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

43. М 40/61

Fritze, Gotthilf Christlieb.

Niederlausitzké-szerske Pratkárske-Kńigli, wó kotarichž na kuždu řezelu psches zele léto, na te huszoke a druge Sswézeńe, na Krystussowe Scherpeńe, ako tesch na pokutni a žíowni Sswézeń, jedno Prátkowańe, kotare na te řezelske a sswézeńske Evangelia žo, k'namaķańu jo, wot Gotthilf Christlieb Fritza, ... K'drugemu rahsu schischezane. Grodku, 1842. 810, [6] с., [1] л. пормп.; 18 см.

На форз. 1а влад. зап.: «*Ж. Бодянского. 1842. 10/VI. Хошто*».

На тит. л. печать: «*Библиотека Публич. и Румянц. музеи*».

44. М 40/72

Nebeský, Václav.

Dějiny Musea Královstvi Českého / Sestavil Václav Nebeský, ... V Praze: Nakladem Musea Kralovstvi Českého, 1868. [2], 207, [2] с.; 21 см.

На верх. обл. зап. неизв. лица: «*г. О. М. Бодянский профессор Императ. Московскаго университета*».

На об. верх. обл. влад. зап.: «*О. Бодянского. Отъ сочинителя. 1870. 26/II. Москва*».

На тит. л. печать: «*Библиотека Публич. и Румянц. музеи*».

45. М 40/73

Evangelista, Giovanni.

Cenni storice sui minori osservanti di Ragusa / Raccolti dal P. Giovanni Evangelista. Trieste: Tip. del Lloyd Austriaco, 1864. 79 с., [1] л. ил.; 21 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «*г. Бодянскому въ Москве*».

На тит. л. печать: «*Библиотека Публич. и Румянц. музеи*».

46. М 40/75

Šafařjk, Pavel Josef.

Prehled narodnich gmen w gazyku Slowanském / od P. J. Šafařjka. Оттиск, с. 367–398, 21 см.

На верхн. обл. влад. зап.: «*О. Бодянского 1837 г. Москва*».

На с. 367 печать: «*Библиотека Публич. и Румянц. музеи*».

47. М 40/81

Rybička, Antonin.

Život a působení Václava Matěje Krameriusa / Sepsal Antonin Rybička. V Praze: tisk a náklad J. Pospišila, 1859. 40 с.; 21 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Осипу Максимовичу Бодянскому».
На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

48. М 40/83

Dankovszky, Gregorius.

Hungaræ gentis avitum cognomen, origo genuina, sedesque priscae ducentibus graecis scriptoribus coævis, detectæ a Grigorio Dankovszky ... Posonii: typis heredum Belnayano-rum, 1826. 52 с.; 21 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1856. 12/V. Москва».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

49. М 40/84

Horvat, Nikol.

Je li Dimitari. Biskup Zagrebački joste kao takov bio kardinal / W. Od Nikole Horvata. U Zagrebu: [б. и.], 1856. [8], 36 с.; 21 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому въ Москве».

Внизу верх. обл. наклеена марка книжн. мар.: «Na Prazprodaji u knjižari Svetozara Galca u Zagrebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

50. М 40/86

Rosenthaler, Joseph.

Opella in septem capita distincta, quibus errorum, qui in bohémica scriptione, tum in typo fiunt caussæ expenduntur, et per lectas de orthographia et etymologia bohémica observationes recta ratio bohémice scribendi, et libros imprimendi exhibetur ... authore Iosepho Rosenthaler, ... Praga: Litteris Caesareo-Regiæ Scholæ Normalis, per I. A. Hagen, 1779. 110, [1] с.; 18 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1843. Москва».

На тит. л. экслибрис: «Z Hankovuch».

Внизу на тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

51. М 40/87

Јовановић, Евгеније.

Опровержење отговора господина Захариадиса, у книжици «Хранилище» или: «Амајлија» зовомой ставленого. У Новомъ Саду: печатано писмены г. П. Јанковича, 1839. [1], IV, 30 с.; 19 см.

В конце предисловия автограф: «Евгений Иоаннович».

На об. верх. обл. влад. зап.: «Ј. Бодянского. 1839. 29/XII. Карпачев».

52. М 40/101

Jičinský, Karel.

Vývin českého právníctví v stručném nastíně s obzvláštním ohledem na jeho zdroje / Podava Dr. Karel Jičinský. V Praze: v komisi F. Řivpače, 1865. [2], XVI, 242, [6] s.; 22 cm.

На об. верх. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1867. От сочинителя. Москва».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

53. М 40/105

Šembera, Aloys W.

Historie Pánů z Bozkowic a hradu Bozkowa w Morawě s popsáním panstwí a města / od Aloysia W. Šembery. W Brně: Tiskem R. Rohrera, 1836. [8], 148, [4] s., [1] л. ил.; 21 cm.

На об. верхн. обл. дарст. зап.: «Wšeslowann důstognému p. Josef Bodjanski. W Brně, dne Řjgna 1838, Šembera».

54. М 40/113

Hattala, Martin.

Skladba jasyka českého / Sepsal Martin Hattala, ... V Praze: Nakladem J. B. Calvova knihkupectví B. Tempskéj, 1855. 21 cm.

D. I. 1855. 105, [3] s.

На тит. л. дар. зап.: «Jos. Bodjanskemu. P.J. Šafařík».

55. М 40/114

Vocel, Jan Erazim.

Přemyslowci; Báseň epická od J. Erazima Wocela. W Praze a Hradci Králowé: nakladem J. H. Pospjsila, 1839. 191, [1] s.; 21 cm.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 9–21/IX. Прага».

На тит. л. печ.: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

56. М 40/120

Wolny, Gregor.

Die königliche Hauptstadt Brünn und die Herrschaft Eisgrub, sammt der Umgebung der Letztern, topografisch, statistisch und historisch geschriebt von Gregor Wolny. Brünn [б. и.], 1836. VII, 147 s.; 32 cm.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 9–15/X. Брно».

На тит. л. печ.: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

57. М 40/123

Gasparid, Jan

Bánsniřsky sádek od Jana Gasparides. Vládar Duchovníka. W B. Bistriei: Pismem F. Macholda, 1846. 20 cm.

Odd. 1. 1846. [4], 124, [4] с.

На верхн. обл. дарст. зап.: «J. Vodjaňske ... Kukuljevič-Saksinskigo»

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

58. М 40/126

Dragoljub: Književni dar za godinu 1863. Tečaj II / Uredio Gj. Stj. Deželie. U Zagrebu: Troškom i tiskom Dragutina Albrehta, [1863]. 151 с., [1] л. ил.; 20 cm.

Dragoljub: Hrvatski calendar za prestupnu godinu 1864. U Zagrebu: Troškom i tiskom Drag. Albrehta, [1864]. [24], XLIII, [4], 128 с., [1] л. ил.; 20 cm.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица.: «Г. Бодянскому въ Москве».

Внизу верх. обл. приклеена марка: «Na Rasprodaji u knjizari Svetozara Galca u Zagrebu».

Dragoljub: Hrvatski calendar za godinu 1863 / Uredio Gj. Stj. Deželié. – U Zagrebu: Troškom i tiskom Drag. Albrehta, [1863]. – [24], XXVIII, [4] с., [1] л. ил.; 20 cm.

На верх. обл. дар. зап. неизв. лица.: «Г. Бодянскому въ Москвъ».

Внизу верх. обл. наклеена марка: «Na Razprodaju u knjižari Svetozara Galca u Zagrebu».

59. М 40/134

Wendisch-deutsches Handwörterbuch nach dem oberlausitzer Dialekte: Nebst einem grammatischen Vorworte, mit besonderer Rücksicht auf Aussprache und Wortbildung / Hrsg. von Curt Bose, ...Grimma: bei J.M. Gebhardt, 1840. XXVIII, 76.; 21 cm.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 29/XI».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

60. М 40/152

Schindler, J. S.F.

Prátkarske knižli wó dwé želach zož 66 prátkowaňow, tak až na kuždu neželu a ssewežen psches zele léto jedno prátkowaňe k'namakaňu jo tak deré domach k'lásowaňu, ako teke wot tich Schularów Zerkwi k'wotlasowaňu wot J.S.F. Barliúu: Schischežane podla Trowitzscha, 1829. XVI, IV, 392 с.; 19 cm.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1842. 10/VI. Хошгобузь».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

61. М 40/156

Hollý, Jan.

Cirillo-Metodiada; Wit'azská baseň w šesti spewoch od Gana Hollého: S pripogenim ziwotopisem swatich Cirilla a Metóda, gako tež bágoslowim pohanskich slowákow, a wiswetlehim některich slow. W Budiňe: literami Král. Univers. tlačarňe, 1835. [6], 163. [3] с., 19 см.

На фopз. 1а влад. зап.: «J. Бодянского. 1839. 12–24/П. Пешть».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

62. М 40/167

Der Magyarismus in Ungarn in rechtlicher, geschichtlicher und sprachlicher Hinsicht, mit Berichtigung der Vorurtheile, aus denen seine Anmassungen entspringen / Von L. M. Sch... Leizig: Bei C. Drobisch, 1834. [2], 78 с.; 18 см.

На фopз. 1а влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 18–30/XI. Пешть».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянцев. музеи».

Durch welche Mittel lässt sich die Verbreitung der magyarischen Sprache unter den Einwohnern Ungarns am sichersten erzielen?: Mit Speck fängt man Mäuse. Basel: Gedruckt bei Schneider, 1834. 61 с.; 18 см.

Sollen wir Magyaren werden?: Fünf Briefe geschrieben aus Pesth an einer Freund an der Theis. Karlstadt: gedruckt bei J.N. Prettherm 1833. VIII. 92 с.; 18 см.

63. М 40/192

Maciejowski, Waclaw Alexander.

Geto-Daki, nadwisańskich i naddnieprskich Polan przodkowie, przez Waceawa Alexandra Maciejowskiego. – Warszawa: W drukarni Gazety codziennej, 1855. 46 с.; 22 см.

На тит. л. дар. неизв. лица на франц. яз.

В нижн. части тит. л.. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

64. М 40/195

Ferrari-Cupilli, Giuseppe.

Delle virtù e dei meriti di Monsignore Giovanni Bercich Zaratiro vescovo di sebenico ricordazione die Giuseppe Ferrari-Cupilli. Zara: Tip. Fratelli Battara, 1857. 38, [4] с.; 22 см.

На об. верх.. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1864. Москва».

Внизу верх. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

65. М 40/199

Albanische, walachische u. bulgarische Sprache. Отгиск из изд. Bd. 46, 1829, с. 60–106.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. Москва».

Внизу верх. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

66. М 40/204

Cjubranaich, Gospar Andr.

Jeghjupka Gospara Andr. Cjubranaichja Dubrovčanina. U Dubrovniku: po pet Franu Martecchini, 1838. 60 с.; 20 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Бодянскому въ Москве».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

67. М 40/206

Kukuljevič, Ivan

Varašdin: Kratki nacrt s gledišta historičkog od Ivana Kukuljeviča Sakcinskog. U Zagrebu: Brzotiskom d-ra Ljud. Gaja, 1857. 21 с., [1] л. ил.; 19 см.

На верхн. обл. дарст. зап. автора: «J. Bodjanskomu. J. Kukuljevic».

68. М 40/216

Demeter, Dimitrije.

Doktora D. Demetra Dramatička pokušenja. Dio parvi. U Zagrebu: Tiskom k. priv. Nar. Hirske tiskarne Dra L. Gaja, 1838. VIII, 202 с.; 20 см.

На форз. 1а влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 13–25/XII. Пештъ».

На обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Внизу тит. л. зап.: «Jz Knjižnice Dragutina barona Kušlan Ljubodomiča Slavo Hiras».

69. М 40/219

Сербска пчела или Новый цвѣтник за год... съ различнымъ драге народности, душевногъ увеселенія, забаве умне и словесности Себрске цвѣнемъ, засаћенъ и обдьяланъ Павломъ Стаматовичемъ; Трошкомъ Матице Сербске. У Будиму: Писмены Кр. Всеучилища Пештанскогъ, 1832. 20 см.

1832 [20], 136, [16] с.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 10–23/VI. Прага».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

1833, година 4. 175 с.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 10–23/VI. Прага».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

70. М 40/224

Kraljodvorski rukopis preveo iz staro-českoga jezika Jvan Trnski. U Zagrebu: Narodna tiskarnica Dr. L. Gaja, 1854. XX, 89 с.; 19 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москве».

Внизу верхн. обл. приклеена марка: «Na Razprodaju u knjižari Svetozara Galca u Zagrebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

71. М 40/226

Народне српске приповијетке, написао В. С. У Бечу: [б. и.], 1821. 48 с.; 20 см.

На об. верхн. обл. влад. зап. Бодянского: «J. Бодянского от Г. Кирьяковича. 1840. Новый Садъ».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

72. М 40/227

Starauš plesniwer, anebo: Čtyry swadby na gednom pohřebě w Kocaurkowě: Frasska we třech gednánjch: Smrt. Pohřeb. Swadba. W Liptowském Sw. Mikulassi: u Kašpara Fejérpatakyho z Klačan, 1837. [4], 63 с.; 20 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянского. 1838. 11–23/X. [Прешпоркъ]».

73. М 40/230

Corberon, de.

Powieści bajeczne Szlazka przez Hr. de Corberon / Przełożone z języka franencuskiego na polski przez Franciszka Zagórowskiego. T. 1, z. 1. Brodnica: Nakładem i drukiem C. A. Köhlera, 1845. 57 с.; 19 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1845. 22/VI. Москва».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

74. М 40/237

[Ceynowa Florian Stanislaw].

Rozmowa Pólocha z Kaszeba, napisano przez s.p. Xędza Szmuka [Floriana Stanislawa Cenowc] z Pucka, a do dreku pódano Sena Wójkwójca ze Sławószena. Roku Panskjeho 1850. Dregje wedanje, s krajobrazę Zemje Kaszebskje. V Šwjecu nad Wisła: wu czarnoxężnjka J. Hauffe, 1865. 16 с.; 19 см.

На об. верх. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. От сочинителя въ Москве»

Ceynówa, Florian Stanislaw

Skórб Kaszebskoslovjnskjé move, Pjrszé хęgj pjrszi seszét vedel Dr. Florjan Cenówa. Svjecé: czornoxężnjk J. Hauffe, 1866. 98 с.; 19 см.

75. М 40/243

Litterarisches Magazin von Böhmen und Mähren. Prag: in der... Prag, 1786. 176 с.; 18 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1843. Москва».

На тит. л. печать: «Z Hankowesch»

Внизу тит. л. печать: «Библиотека Публ. и Румянц. музеи».

76. М 40/247

Tkalčević, Adolf

Put na Plitvice od Adolfa Tkalčevića. U Zagrebu: Tiskom D-ra L. Gaja, 1860. 89, [3] с., [1] л. илл.; 20 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москву».

Внизу верх. обл. приклеена марка: «Na Razprodaji u knjižari Svetozara Galca u Zagrebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

77. М 40/254

Зільські, Матіја Мајар.

Света брата Ціріл і Метод славјанска Апостола і основателя словаства славјанскога: Тісучльтні спомьн на льто: 863 / Спісал: Матіја Мајар Зільські. В Златном Прагу: книгопечатња К. Сейфрида: трошком списавательевик, 1864. XI, 176 с.; 16 см.

На верх. обл. дарст. зап.: «[г. Осипу Максимовичу Бодянскому] профессору университета въ Москве. Списователь».

78. М 40/257

Prace literackie. T. 1. Wiedeń: Nakladem wydawcy: W tłoczni A. Straussa wdowy, 1838. 224, [4] с.; 17 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1843. 30/V. Москва».

79. М 40/262

Kvaternik, Eugen

Govor Eugena Kvaternika, zastupnika kotara ribničkog slavne županije Zagrebacke; sto ga je govorio na saboru trojedne kraljevine dne 18. lipnja 1861. U Zagrebu: Narodna tiskarnica D-ra L. Gaja, 1861. XCV, 37 с.; 17 см.

На верхн. обл. дар. зап. неизв. лица: «Госп. Vodjanski».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

80. М 40/265

Tyl, Josef Kajetan.

Pražský posel: Sbjrka užitečného i kratochvilného čtenj pro lid gazyka českého od Joz. Kaj. Tyla. W Praze: Tisk a sklad J. Pospjssila, 1846. 17 cm.

D. I. 1846. 96 [1]с.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 30/XI. 1846. Москва».

D. 3. 1846. с. 193–288.

D. 4. 1846. с. 289–384 [1] л. илл.

D. 5. 1846. с. 385–480.

81. М 40/268

Sublotovič, J.

Zvonimik kralj Hrvatske: Drama u pet činach / Napisao Dr. J. Sublotovič. U Zagrebu: Troškom i brzotiskom Antuna Jakica, 1862. 132, [2] с.; 17 cm.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому. В Москву».

Внизу верхн. обл. наклеена марка: «Na Razprodaju u knjizari Svetozara Galca u Zagrebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

82. М 40/271

Etjavec, Fr

Hudo brezno ali Gozdnarjev rejenc / Spisal Fr. Izdala družba sv. Mohora, V Celovcu, 1864 (Natisnil J. Blaznik v Ljubljani). 39 с.; 18 cm.

На форз. 1а дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москве».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

83. М 40/272

Cigler, Janes.

Deteljica ali življenje treh kranjskih bratov francoskih soldatov / Spisal Janes Cigler; Izdala družba sv. Mohora. V Celovcu: Natisnil Janez Leon, 1863. [4], 115 с.; 18 cm.

На форз. 1а дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москве».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

84. М 40/277

Malý, Jacub Josef.

Prostonárodnj děgepis české země / Od J. B. Malého. W Praze: Tisk a sklad J. Pospjssila, 1844–1845. 16 cm.

Кн. 1. 1844. [4], 44 с., [1] л. илл.

На верхн. обл. дарст. зап.: «J. Bodjanskemu. Šafarik».

На об. верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Кп. 2. 1844. 94, [2] с., [1] л. илл.

На верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Кп. 3. 1844. 75 с., [1] л. илл.

На верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Кп. 4. 1845. [2], 68 с., [1] л. илл.

На верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

85. М 40/280

Svetje iz domačih in tujih logov: Zbirka izvornih del slovenskih in slovenskih prestav: 17 vezek. V Celovnu: 1864. c 81–104, [2] с.;

[Без тит. л. Описано по обл.]

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москву».

Внизу на верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Svetje iz domačih in tujih logov: Zbirka izvornih del slovenskih in slovenskih prestav: 18 vezek. V Celovnu: [б. и.] 1864. c. 49–128;

[Без тит. л. Описано по верхн. обл.]

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому в Москву».

Внизу верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Svetje iz domačih in tujih logov: Zbirka izvornih del slovenskih in slovenskih prestav: 19 vezek. V Celovnu: [б. и.], 1864. c. 129–163;

[Без тит. л. Описано по обл.]

На верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

Lermontov, Mihael

Jzmael-Bej: Vzhodna povest / V ruščini zložil Mihael Lermontov; Poslovenil Janez Ves-
nin. V Celovcu: Na svitlo dalo uredništvo slovenskega Glasnika, 1864. 15 cm.

D. 1. 1864. 32 с.

86. М 40/291

Augustinović, Gj

D-ra Gj. Augustinovića Misli o ilirskom pravopisu s tablicom glagolski i ćiriliski slovah. U Beču: u šmidovoj štamparii, 1846. 31 с., [1] л. табл.; 15 см.

На верхн. обл. дарст. над. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москву».

Внизу верхн. обл. наклеена марка: «Na Rosprodaji u knizari Svetozara Galza u Zag-
rebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

87. М 40/294

Vinařický, Karel Alois.

Varito a lyra: Vašne a pisně Karla Vinařického. W Praze: Tiskem a papir synů B. Háze, 1843. [6], 84, [4] с.; 16 см.

На верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

На об. верхн. обл. дарст. зап.: «Na památku J. Bodjanskému. Vinařický».

88. М 40/297

Vocel, Jan Erazim.

Hlatipisec: Historická nowela od J. E. Wocela. W Praze: Tisk. a sklad J. Pospisila, 1846. 112 с.; 15 см.

На верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1846. 30/XI. Москва».

89. М 40/298

Narodni báchorky a powečsti od Roženy Němcowe. W Praze: Tisk. a sklad J. Pospisila, 1845. 16 см.

Sw. 1. 1845. [4], 132 с.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 1846. 30/XI. Москва».

Sw. 3. 1846. 128 с.

Sw. 6. 1847. 128 с.

Sw. 7. 1848. 131 с.

90. М 40/307

Jlič, Luka

Baron Franjo Trenk slavonski panduri od Luke Jlića, oriovčanica. U Zagrebu: Tiskom i troškom Franje Suprana, 1845. 121, [3] с.; 17 см.

На форз. 1а дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому въ Москву».

Внизу форз. 1б наклеена марка: «Na Razprodaji u knjižari Svetozara Galca u Zagrebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

91. М 40/333

Zlati klasi: Nabrani «Koledarčku slovenskem» / Na svetlo dal Dr. Jan Bleiweis. V Ljubljani: Natisnjeno v J. Blaznikovi tiskarnici. 145 с., [5] л. нопмп., нот.; 16 см.

На об. обл. дарст. зап.: «Slavnemu gospodu profesorjn Bodjanskemu u Spomin. Dr Jan Bleiweis».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

92. М 40/335

Odziv radoljubnog serca iliti Vlastitih pësničkih pokušenjah / Izdana i na korist pogorelih Požežanah, prikazana Matom Topalovicem. U Ocëku: Tiskom M.A. Diwalda, 1842. 16 cm.

Кнјижница I. 1842. [8], 132 с.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «О. Бодянского. 28/VII. 1834. Москва».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

93. М 40/350

Хацић, Јован

Устанак србскій под црнымъ Ђорђеѣмъ. Одъ Јована Хацића, у књижевству названого Милоша Светића. Прве три године. У Новомъ Саду: Брзотискомъ епископске књигопечатњ, 1862. VIII, 85, [4] с.; 23 cm.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому».

На об. верхн. обл. дарст. зап.: «Отъ сочинителя. Новый Садъ. 1864. 15/VII».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

94. М 40/356

Лазаревић, Коста.

Србия и њно свештенство / Написао Коста Лазаревић Ђаконъ крагуевачкй. У Београду: у државной штампари, 1863. [4], 85 с.; 23 cm.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «Г. Бодянскому въ Москве».

На тит. л. наклеена марка: «књнасара В. Валожића у Београд».

95. М 40/357

Поповић, Јован Стерија.

Тврдица: Шальиво позориште у три дѣйства состављено одъ Јоанна С. Поповича. Друго умно жено изд. У Новом Саду: печатано у тип. Јанковићевой, 1838. [4], 76 с.; 21 cm.

На об. верхн. обл. дарст. зап.: «Ј. Бодянского. Отъ Г. Кирьяковича. 1840. Новый Садъ».

96. М 40/358

Дечански спомени скупио и издао архимандритъ дечански Серафим Ристићъ. У Београду: У државний штампарији, 1864. [6], III, 84, [2] с.; 21 см.

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

На об. верхн. обл. дарст. зап.: «Милостивому Господину Бодянскому. Од издателя. У Москви».

97. М 40/363

Српска ствар у Енглеском парламенту: (Прештампано из «Вилова Дана»). У Београду: у државној штампарији, 1862. 220 с.; 20 см.

На верхн. обл. дарст. неизв. лица: «г. Бодянскому»

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

98. М 40/364

Чобић, Димитрије.

Огледало дѣтскогъ воспитанія, или Начинъ, по коемъ родители свою дечицу до-
стодолжно воспитовати, и пакъ дечица свое родитель пристойно любити и почитовати
дужни есу / Сочиньно Димитриємъ Чобичемъ... У Бьограду: у Княжеско-Србской кньи-
гопечатни, 1837. [4], X, 116, [5] с.; 20 см.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянскаго. 1839. 19/XI. Београдъ».

99. М 40/379

Преодница / Издала Српска Омладина у Пешти. У Будиму: Тиском Кр. Универси-
тета Пештанског, 1863. 195, [3] с.; 20 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому».

Внизу верхн. обл. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

100. М 40/380

Цвѣће. Die Blumen: Сочинения и преводи за поучение, увеселение и забаву / Г. Л.
У Будином Граду: Словима Краљв. Университ. Пештанског, 1829. 18 см.

Св. I. 1829. [8], 84, [16] с.

На об. верхн. обл. влад. зап.: «J. Бодянскаго. 1839. 25–26/III. Пештъ».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. и Румянц. музеи».

101. М 40/404

Слога: Забавник за годину 1862. I. Издао и уредно Емил Чакра. Нови Сад: Брзотиском епископске књигопечатрње, 1862. 217, [7] с.; 16 см.

На верхн. обл. дарст. зап. неизв. лица: «г. Бодянскому въ Москву».

Внизу верхн. обл. наклеена марка: «Na Razprodaji u knjižari Svetozara Galca u Zagrebu».

На тит. л. печать: «Библиотека Публич. Румянц. музеи»

102. М 40/123

Gasparid, Jan

Básnířsky sádek od Jana Gasparides. Vladar Duchownika. W B. Bistrici: Pismeni F. Macholda, 1846. 21 cm.

Odd. 1. 1846. [4], 124, [4] с.

Н. М. Пашаева (Москва)

О славянской библиотеке О. М. Бодянского в ГПИБ

В последние несколько десятилетий постепенно открылось, что Бодянский был не только «отцом русской славистики», но и замечательным знатоком славянской книги, за полтора столетия раньше нас понимавшим, что она – ценнейший исторический источник. Недаром в начале своего заграничного путешествия в письме из Праги молодой Бодянский буквально уговаривал М. П. Погодина «если можно надоумить» попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова, «чтобы он поручил мне составить здесь отборную славянскую библиотеку для нашего университета»¹. В следующем письме к Погодину, начатом в тот же день, 28 февраля 1838 г., Бодянский продолжает разговор о выписке книг и прибавляет: «Во время своего здесь пребывания я составил бы отборную библиотеку по славянской кафедре: без книг кафедра не может стоять»². Как известно, эти переговоры ничем не кончились и из путешествия по славянским землям 1837–1842 гг. ученый привез книги, купленные там за свои собственные сэкономленные гроши, «командировочные» по нашей нынешней терминологии. По возвращении в Москву он отобрал из них более 2000 книг, из которых составил учебную библиотеку, и её по начальной себестоимости уступил Университету. О её существовании в Научной библиотеке МГУ знали немногие, но что именно она из себя представляла практически не знал никто. Появилось несколько статей, упоминания о ней, но основной труд пал на плечи сотрудницы библиотеки, труженика и энтузиаста, Людмилы Юрьевны Аристовой, с 1980-х гг. познакомившейся с этим уникальным собранием, определившим в дальнейшем ее научные интересы. Венцом ее трудов стал созданный ею и изданный в 2000 г. научный каталог, снабженный серьезной вступительной статьей, научным аппаратом³, получивший достойную оценку в нескольких рецензиях на страницах научных журналов. Недавно Л. Ю. Аристова защитила диссертацию на филологическом факультете МГУ.

Подобрав для студентов две тысячи книг, Бодянский не остался без собственной библиотеки. Так, Е. И. Ковригина пишет, что в личном пользовании Бодянского осталось еще «около тысячи изданий»⁴. Собрание книг пополнялось, и, когда ученый умер, «количеством книг было на семь ломовых возов»⁵.

Бодянский скончался 6 сентября 1877 г. Его вдова предложила всю библиотеку Университету. Там ее оценили в 12 тыс., но покупать не торопились. Между тем уже наступил 1880 г. Сама Бодянская не привыкла разделять научные интересы мужа и, наконец, предложила библиотеку А. А. Астапову, известному книготорговцу-энтузиасту, имевшему книжную лавку возле храма св. Троицы в Полях (на нынешней Лубянской площади). Он приобрел библиотеку за 3 тыс., но, и небогатому Астапову пришлось заниматься, чтобы расплатиться с Марфой Никитичной Бодянской. Едва он стал обладателем книг, к нему явился знавший его уже раньше богатый коллекционер библиофил Павел Васильевич Шапов, который тут же дал крупный задаток, получив взамен право первому отбирать книги для своей коллекции. Он горел идеей собрать для будущих поколений такую библиотеку, которая включала бы все русские книги от Ивана Федорова до 60-х гг. XIX в. Концом периода Шапов недаром избрал 60-е гг., когда библиотека Румянцевского музея начала получать обязательный экземпляр. Начиная с существования «гражданки», книги XVIII и XIX вв. Шапов собирал, как нам известно, только напечатанные гражданским шрифтом. И вдруг при просмотре «семи возов» библиотеки Бодянского он обнаружил, что гражданский шрифт был принят не только в России, но им пользовались и в Сербии, и в Болгарии, и в Галичине. Верный своему основному принципу искать только русские книги, Шапов, тем не менее, приобрел целый комплекс сербских книг. К сожалению, невозможно установить, какие именно книги на русском языке в коллекции Шапова пришли в нее из погибшей библиотеки Бодянского. Уже по учебной библиотеке мы знаем, что Бодянский надписывал далеко не все свои книги. Весьма вероятно, что и русские издания из собрания Бодянского нашли свое достойное место в ГПИБ в составе библиотеки Шапова. Недаром он «стоит особняком среди всех остальных собирателей, чьи библиотеки перешли к Историческому музею. У него одного собирание книг было главной целью жизни и основным занятием»⁶.

Павел Васильевич Шапов (1848–1888) был сыном уполномоченного, а затем хозяина бумажейной фабрики в Немецкой слободе и его второй жены, классной дамы, женщины образованной, знавшей французский и немецкий языки. П. В. Шапов своим воспитанием в первую очередь был обязан матери и ее брату, своему дяде артисту-художнику С. В. Щеколдину. Учился он сперва дома, а в 1866 г. окончил вольным слушателем историко-филологический факультет Московского университета, где слушал Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонова. Под влиянием университетской среды сложился его книжный вкус», – читаем мы в его биографии⁷. Уже с 18 лет П. В. Шапов проявлял интерес

к книгам. И, наверное, не случайно, что наш современник, известный профессор отечественной истории Ярослав Николаевич Щапов тоже из семьи Щаповых.

Сначала П. В. Щапов просто покупал книги. После смерти отца – при разделе наследства между братьями Петром, Ильей и Павлом – каждый из троих получил капитал по несколько сот тысяч.⁸ Павел обратил эти деньги на воплощение своей мечты и даже страсти – собрать для будущих поколений такую библиотеку, которая бы включала в себя, как мы уже говорили, русские книги от Ивана Федорова до 60-х гг. XIX в. Немного позднее Щапов приобретал в свое собрание и некоторые особенно редкие или интересные книги выходившие в 70–80-х гг. Но это были скорее исключения.

Павел Васильевич Щапов прожил недолгую жизнь. Он скончался сорока лет, завещав свою библиотеку Историческому музею. Его вдове предлагали за библиотеку 45 тыс., но она свято выполнила завещание мужа. Библиотека была передана в Исторический музей, а в 1938 г. вместе с другими книгами Исторического музея оказалась в Государственной публичной исторической библиотеке, где ее очертания прослеживаются и сейчас. Мы говорим прослеживаются, потому что часть ее фонда – древние книги – не попали в ГПИБ. Все книги на русском языке, изданные в XVIII в., как и русские XVIII в. во всех разделах фонда ГПИБ, переданы в Отдел редких книг. Сейчас фонд Щапова XVIII в. специально описывают двое сотрудников отдела, носящего по-старинке сокращение ОИК, т. е. «Отдел истории книги». Долгое время в книгохранении на освободившиеся пустые места ставились и отдельные книги и целые разделы, никакого отношения к Щапову не имеющие, трепетное отношение к коллекциям пришло много позднее.

На протяжении моей многолетней работы в Исторической библиотеке славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII – 1878 г.) постоянно привлекала мое внимание. Сначала это был материал для обзора, затем для спецкурса (прочитанного на кафедре истории славян МГУ в начале 1980-х гг.) и т. д. вплоть до сегодняшнего дня. Когда в начале 1980-х гг. я заинтересовалась Учебной библиотекой Боянского в МГУ и меня допустили непосредственно до книжных полок, я наскоро переписала все собрание – шифр, автор, заглавие, порой первое слово или слова заглавия, место и год издания и обязательно, если есть, автографы – владельческие надписи, дарственные даты приобретения и пр. На этой базе я подготовила статью, опубликованную в «Советском славяноведении» в первом номере за 1982 г.⁹ Она заняла около 10 страниц убогистого текста и почти вся посвящена учебной

библиотеке, но на последних неполных трех страницах мне удалось сказать кратко, как происходила покупка книг Щаповым и сообщить о моих находках. Наличие в алфавитном каталоге ГПИБ отдельного раздела, содержащего книги на сербском языке, облегчало поиски. Мною было обнаружено 99 книг, брошюр и листовок, на которых имеются надписи, показывающие, что они, безусловно, из библиотеки Бодянского. И еще 105 названий по всей вероятности принадлежавших Бодянскому. Эти 204 экземпляра я просила перевести в Отдел редких книг, что и было сделано летом того же 1982 г. Коллекцию назвали «Библиотека Бодянского», и мне сейчас сказали, что она пользуется спросом у читателей. В каталоге сербских книг эпохи национального возрождения, изданном в 1996 г.¹⁰, она уже учтена под своим названием «Библиотека Бодянского» (сокращенно ББ).

Эти 204 публикации, кажется, самая большая подборка из погибшей библиотеки «отца русской славистики». Но невольно хотелось бы задать вопрос, а все же, все ли сербские книги попали в ОИК? А книги болгарские, Галичины – они ведь тоже использовали «гражданку»? Ответы можно найти только при просмотре всего, что находится в книгохранении на шифрах библиотеки Щапова. По справке (правда, составленной уже не сегодня, которую мне дали в нашем книгохранении в сентябре 2008 г.) Щаповская коллекция в книгохранении располагается на шифрах 73–101, 106–108, 112–114. 24 000 томов. Как известно, в коллекции Щапова много аллигатов и, как мне сказала ответственная сотрудница книгохранения, давно работающая в нем, для алфавитного каталога в официальном порядке обязательно описывали только первый аллигат, остальные (а их порой бывает и более 10!) могли и не попасть в него. Наиболее полное представление даст топографический каталог книгохранения, в котором учтены все аллигаты. Мне было разрешено поработать с топографическим каталогом, в котором гораздо больше карточек, чем томов на полках. В поисках книг Бодянского я просмотрела карточка за карточкой весь топографический каталог по указанным шифрам, это примерно 14 объемистых ящичков, и я охотно верю, что в них содержится около 24 тыс. карточек, т. к., когда книги переводятся из книгохранения, например, в ОИК, карточка в топографическом каталоге сохраняется, на ней указывается, куда книга переведена – номер акта и его дата. Часть карточек еще старого образца – двойные картонки и, что самое сложное, нередко книги описаны на заглавие, обязательно учитывается ключевое слово, а автор – не всегда. Количество страниц вообще не указывается. Часть подобных карточек была перепечатана на обычные каталожные, но современного описания все равно нет.

Подводя итог этой тяжелой работе – «в грамм добыча, в год труды», прежде всего, скажу, что пока что никаких больших открытий сделать мне не удалось – основная часть славянских книг из библиотеки Бодянского уже нашла свое место в ОИК, сербские книги учтены в библиографии «Сербская книга». Сейчас в продолжение к «Сербской книге» уже мною подготовлены и находятся в работе еще две библиографические публикации – книги и брошюры эпохи национального возрождения в Чехии и в других славянских странах. В книгохранении ведется каталог автографов, в нем небольшая подборка сведений о книгах с автографами Бодянского или Бодянскому не из коллекции Щапова. Обнаружившие и зафиксировавшие их сотрудники книгохранения, вероятно, учтут их при работе над коллекциями, частью которых они являются.

На некоторых (немногих!) карточках коллекции Щапова мы находим надпись «автограф», но не указывается его текст. В таких случаях я старалась записать название и шифр подобных книг, еще буду их проверять, может быть среди них найдутся и книги Бодянского. При просмотре топографического каталога я старалась брать на заметку не только книги с автографом, но и работы по славяноведению, которые могли бы быть интересны Бодянскому. Думается, больших открытий ждать не придется. Сейчас при начале работы со взятыми на заметку книгами мне удалось обнаружить 14 изданий с автографами Бодянского разных лет начиная с 1840-х гг. или с дарственными ему надписями. Если дарственной надписи не было, неоднократно ученый писал: «О. Бодянского от такого-то» и ставил дату. Еще нам предстоит узнать что-нибудь об этих дарителях. Неожиданной находкой была книжка, напечатанная русскими буквами на каком-то сразу непонятном языке с надписью на обороте перешлета: «О. Бодянского от Ф. П. Докучаева 1855 V/27. Москва». (Шифр 76 2/49). Оказалось, это Евангелие от Матфея на карельском языке. В своих воспоминаниях «Покупка библиотеки О. М. Бодянского» А. А. Астапов пишет, что «судя по книгам, как видится, О. М. любил Новый Завет...»¹¹ Тогда подарок оказывается понятным. Другие находки не столь оригинальны и, кажется, носят случайный характер. Просмотр всего каталога был поистине трудоемким. Но даже если не удастся больше ничего обнаружить, уже важно то, что просмотрена практически вся сохранившаяся подборка книг XIX в., до которых руки библиографов дойдут еще очень нескоро. По самому содержанию подборки мы видим, что Щапов интересовался русской книгой, прежде всего, как книгой о России, о всех сторонах ее жизни. И практически только о ней. Издания столичные и местные из разных уголков Российской империи, история, педагогика, немного медицина, астрономия (прежде всего учебники), собрания разных законов, много «околоцерковных» изданий – вспомним, что Щапов в литературе XIX в. ограничил себя, как и раньше в XVIII-ом, толь-

ко изданиями с гражданским шрифтом. Много раз встречаются собрания проповедей и приветствий представителей русского епископата, отдельные отклики на разные исторические события, например, восшествия на престол Николая I. Много раз среди авторов мы находим имя митрополита Филарета (Дроздова). Интересно узнать, все ли находки Щапова при издании многотомного собрания его трудов были учтены. Разумеется, много произведений русских писателей. Нас не должно удивлять почти полное отсутствие произведений Пушкина – его прижизненные издания представляют большую ценность и на каком-то, вероятно раннем, этапе они были переданы куда-то из общей массы изданий XIX в. В коллекции Щапова мы находим произведения Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, а также многих других русских известных и почти не известных писателей.

Коллекция книг XIX в., собранная Щаповым представляет собой своеобразную энциклопедию истории России позапрошлого столетия. Но когда в массе русских изданий вдруг возникают книги на славянских языках большей частью с проблематикой России не связанные, явно чувствуется, что это – инородный материал с главным трудом коллекционера имеющий мало общего. Невольно задаешься вопросом, для чего же Щапов купил так много славянских книг Бодянского. Ответ напрашивается, пожалуй, только один – Щапов был книголюбом, славянские книги тогда были большой редкостью, и при его финансовых возможностях коллекционер пройти мимо них просто не мог. Любя Россию и собирая ее духовные сокровища, Щапов приобретал порой книги по польской тематике на русском языке. Но нельзя забывать, что тогда Польша была частью Российской империи.

Просмотр мною каталога коллекции Щапова XIX в. – предварительная работа. Но она позволяет говорить, что коллекция книг XIX в., собранных Щаповым – уникальный памятник эпохи. Его как можно скорее следует описать по возможности таким, как оставил его нам собиратель, выделив лишь в ОИК славянскую «Библиотеку Бодянского», дополненную новыми находками.

После просмотра топографического каталога становится уже ясно, что только полное описание всей коллекции книг XIX в. позволит по-настоящему оценить ее научное значение. Недаром еще более полувека назад заведующая книгохранением М. К. Сибанова в 1951 г. писала о собрании Щапова: «Профиль этой библиотеки указать трудно, всю ее можно рассматривать как материал к истории русской культуры»¹².

Каталог щаповской коллекции книг XIX в., вышедший отдельным изданием со справочным аппаратом, думается, был бы с интересом встречен отечественными историками.

Примечания

¹ Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). Вып. 1. М., 1879. С. 19–20.

² Там же. С. 30–31.

³ Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского. Каталог / Сост. Л. Ю. Аристова. М., 2000.

⁴ *Ковригина С. И.* О. М. Бодянский (книги из его библиотеки в Отделе хранения основных фондов РГБ) // Российская государственная библиотека. Румянцевские чтения. Материалы Международной научной конференции (11–13 апреля 2006 года). М., 2006. С. 133, 135.

⁵ *Астапов А. А.* К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. М., 1912. С. 48.

⁶ Отдельные собрания и ранее самостоятельно существовавшие библиотеки вошли в состав Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР. Б. м., б. г. Машинопись. С. 3. Хранится в Отделе книгохранения ГПИБ. Ксерокс в архиве Н. М. Пашаевой. Это извлечения из доклада зав. сектором отдела хранения литературы Марии Кирилловны Сибановой, сделанные в 60-х гг. XX в. В. В. Кожуховой.

⁷ *Ильинская А. В.* Библиотека П. В. Щапова // Сокровищница книги. М., 1988. Ч. 1. С. 36.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ *Пашаева Н. М.* Славянская библиотека О. М. Бодянского // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 94–103.

¹⁰ Сербская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России / Сост. Н. М. Пашаева. М., 1996.

¹¹ *Астапов А. А.* Указ. соч. С. 53.

¹² *Сибанова М. К.* Книжные фонды Отдела книгохранения ГПИБ. [М.], 1951. Машинопись. С. 4. Текст справки хранится в Отделе книгохранения. Ксерокс в архиве Н. М. Пашаевой.

М. М. Фролова (Москва)

О. М. Бодянский и Императорское Общество истории и древностей российских (1842–1857)

Осип Максимович Бодянский много и плодотворно работал в Императорском Обществе истории и древностей российских (ОИДР). В историографии принято выделять два периода в деятельности ученого в ОИДР: с 1842 по 1848 гг. и с 1857 по 1877 гг. Однако деятельность ОИДР в годы после так называемой «Флетчеровской истории», как правило, никак не связывают с именем Бодянского. Более того широко распространена версия, выраженная словами Осипа Максимовича, что «Общество на веки веков попятилось назад...». Задача данной статьи состоит в том, чтобы на основе документальных материалов рассказать, сколь верны эти утверждения.

О. М. Бодянский был принят в действительные члены в 1837 г., но его активная работа развернулась с 1842 г., когда он вернулся из зарубежной командировки, полный творческих замыслов. Обычно отмечают, что уже на ноябрьском заседании он сделал сообщение «о некоторых важнейших актах, относящихся к русской и польской истории» из библиотеки графа Рачинского в Познани, а также приступил к работе по подготовке к печати рукописей Юрия Крижанича. Однако в историографии не известно, что Бодянский, задумав издание исторических памятников, обратил сначала свой взор на Московский список болгарского перевода (XIV в.) хроники византийского летописца Константина Манассии (XII в.). Исследование этой рукописи предпринял вице-президент ОИДР А. Д. Чертков в книге «О переводе Манассиинной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар». Еще 21 декабря 1840 г. на очередном заседании ОИДР С. П. Шевырев вызвался подготовить текст списка к публикации¹, но дело с места не сдвинулось. И тогда О. М. Бодянский вызвался на этот труд, полезный для славянской истории и словесности. Знаменитый Шафарик всецело одобрил эту идею. Но ни Бодянский, ни П. И. Прейс (1810–1846), ни П. С. Билярский (1817–1867), ни А. А. Куник (1814–1899), изучавшие этот список, так и не выполнили намерения издать его.

Тем не менее своим искренним научным рвением Осип Максимович сумел расположить к себе большинство действительных членов Общества. И в 1845 г., когда М. П. Погодин отказался от должности секретаря, то избрали

Бодянского, хотя на это место претендовали еще П. М. Строев и А. Ф. Вельтман. «Можно надеяться, что новый секретарь поведет дело честно и правдиво, откроет средства и укажет другим дело. Секретарь есть душа Общества!»², – приветствовал 6 февраля 1845 г. избрание Бодянского И. П. Сахаров, историк из Петербурга.

Новый секретарь попытался и не без успеха перестроить работу в ОИДР, сделал ее более интенсивной. Особенно разительно это было на фоне прежнего секретарства, когда из-за отсутствия в Москве Погодина заседания Общества не проводились, поскольку по заведенному порядку все бумаги и дела хранились у секретаря Общества. На заседании ОИДР 6 февраля 1845 г. Бодянский предложил пересмотреть его Устав и сделать в нем поправки: «Если нет хорошего устава, то действия Общества всегда будут шатки и произвольны». Но 3 марта 1845 г. только 8 человек изложили свои соображения. Вице-президент ОИДР Чертков, например, скептически отнесся к этой инициативе. «Не в Уставе состоит дело, а оно зависит от нас самих. Очень ошибаются те, которые думают, что при изменении Устава родится вдруг неожиданная деятельность», – делился он с Погодиным своими мыслями³. Дальше избрания особого комитета, куда вошли Строев, Вельтман и Морощкин, дело не пошло. А удивительно трудовая деятельность Бодянского на посту секретаря и без нового устава вполне подтверждает правоту слов Черткова.

Бодянский по поручению председателя ОИДР графа Строганова составил расписание заседаний Общества с октября 1845 г. по сентябрь 1846 г., напечатал пригласительные билеты. Кроме того о каждом предстоящем заседании Общества было решено троекратно публиковать объявления в «Московских ведомостях» в последнюю неделю месяца. Заседания стали проводиться по 9 раз в год. Издание «Русского исторического сборника» было прекращено, от Погодина попросили вернуть в Общество еще не отпечатанные, но одобренные для напечатания статьи. И Бодянский стал редактором нового периодического журнала с новой программой – «Чтения в ОИДР». И на этом поприще Бодянский выгодно отличался от прежнего секретаря, сумевшего выпустить с 1837 г. 23 книги в 7 томах «Русского исторического сборника», да еще два тома «Русских достопамятностей». А Осип Максимович за три года (1846–1848 гг.) напечатал 23 книги «Чтений». При этом он наполнил свои «Чтения» славянской и украинской проблематикой настолько, что одесский историк Н. Н. Мурзакевич в своем письме к нему (14 марта 1847 г.) даже слегка посетовал: «Чтения получаю исправно, исправно их и просматриваю. Честь и хвала вам, доброму и бескорыстному подвижнику. Только и паки молю вас, не забывайте и старины великорусской»⁴.

Благодаря Бодянскому число почетных членов Общества пополнила плеяда славянских ученых: Д. И. Зубрицкий, историк из Львова, чешские ученые В. В. Ганка, Ф. Палацкий, Ф. Л. Челаковский, Й. Юнгман, поэт и ученый критик словак Я. Коллар, польский историк В. Мацеёвский и др. Список почетных членов Общества украшали имена князя Сербии Александра Карагеоргиевича, митрополита Черногорского Петра Петровича Негоша. Заметно увеличился книгообмен с зарубежными коллегами.

По истечении трехлетнего срока 27 марта 1848 г. на место секретаря вновь был единогласно (кроме одного) избран Бодянский. Однако со временем не все члены ОИДР воспринимали его с прежним энтузиазмом. Например, М. П. Погодин, который раньше был очень внимателен и любезен в отношениях с Бодянским, теперь к нему сильно переменялся. Шевырев утешал Погодина: «Ты слишком сердит. Общество действительно раздражает. Я это по себе знаю»⁵. У Погодина не складывались взаимоотношения и с графом С. Г. Строгановым: «Много сделал он мне зла, много испортил крови! Не смею называть его злым человеком, а начинаю верить в астрологию. Верно родились мы с ним противниками, иначе не могу объяснить его гонений и придирок...»⁶. «Кому от кого, а мне от Строганова житья нет! Хоть в Петербург переезжай»⁷, – жаловался Погодин (26 июня 1848 г.).

И это неприязненное восприятие друг друга повело к непредвиденным событиям осенью 1848 г.

ОИДР занималось в это время печатанием в «Чтениях» «Записок» английского посла XVI в. Дж. Флетчера, изданных в Англии в 1591 г. Подлинник и перевод путешествия в Россию Флетчера, сделанный чиновником московского архива Министерства иностранных дел Д. Н. Гиппиусом, поступил от князя М. А. Оболенского, директора архива. Оболенский написал и предисловие. В заседании 27 сентября 1847 г. Общество одобрило издание «Записок»⁸. Оно было предпринято на основании статьи цензурного устава, разрешающей печатать без извлечения предосудительных для России мест все, что пишется и писалось о ней до водворения Дома Романовых. Граф Строганов лично разрешил «Записки» Флетчера, хотя в них «невыгодно говорилось об Иоанне IV, Федоре и о разных обрядах нашей церкви, что, впрочем, давно уже было напечатано в “Записках” Бера».

Но не следует забывать, что дело происходило в мятежном в Западной Европе 1848 году. Кровь, пролитая в ходе революционных беспорядков на площадях и улицах Франции, Италии, Австрии, Пруссии, гулким эхом отозвалась в России: охранение государства потребовало естественного ужесточения внутренних порядков.

В Москве с 10 сентября по 7 октября находился министр просвещения граф С. С. Уваров. Он посещал лекции профессоров Московского университета, обзирал гимназии и другие учебные заведения древней столицы, стремясь уловить настроения молодежи в связи с событиями в Западной Европе. Но не «брожение умов», а «отвращение к печальным явлениям в Западной Европе»⁹ было замечено им, и об этом министр успокоительно доложил царю. Напряженные дни бывали приятно скрашены вечерним отдохновением. 24 сентября 1848 г. на вечер у камергера М. А. Окулова, директора Первой московской гимназии, были приглашены министр С. С. Уваров, А. Д. Чертков, директор Оружейной палаты М. И. Загоскин, М. П. Погодин, композитор А. Н. Верстовский, ректор Московского университета Д. М. Перевощиков и пр. Пели цыганки и плясали, потом ужин, возвращались уже в 2 часа ночи. 4 октября на вечер к министру Уварову пришли Чертков, Погодин, Н. И. Железнов, экстраординарный профессор Московского университета по кафедре сельского хозяйства, но при этом пили чай¹⁰.

Может быть, под звон гитары или в личной беседе, которые граф имел с преподавателями Университета, «Шевырев и Погодин, некогда ухаживавший за Строгановым, теперь представили министру, как неблаговидно в данную минуту печатать Флетчера и как дурно делает Строганов, допуская это. Уваров приказал остановить печатание и довел это до сведения государя». Министр распорядился вырезать из всех экземпляров «Чтений» статью Флетчера, затем эти статьи следовало «вручить Строганову и запечатать». Действительные члены ОИДР, получившие уже данный номер журнала на своем очередном заседании, обязаны были также возвратить извлеченные из журнала страницы с этим переводом. Сенатор К. Н. Лебедев указывал на давнюю вражду Уварова и Строганова. По его мнению, попечитель Московского университета, лстя московскому юношеству и лаская свое самолюбие, «принял мысль молодых ученых о национальном направлении науки и дал молодежи более свободы, нежели следовало, а дал это единственно потому, чтобы показать, что он независимее от министра, чем думают. Этот бунт попечителя, беспрестанно выражавшийся в сношениях на бумагах, кончился увольнением графа Строганова»¹¹.

«Дело Флетчера» повлекло за собой и вынужденную смену в руководстве ОИДР. О. М. Бодянскому было предписано оставить должность секретаря Общества, С. Г. Строганов покинул пост председателя. «Строганов, по выражению Гоголя, нагадил Уварову, Уваров – Строганову. Это в порядке вещей на святой Руси... Но за что погибла книга Флетчера? За что пострадал секретарь Общества Бодянский, которого велели удалить в Казань? За что парализовано Общество, оказавшее немало услуг науке?», – вопрошал потрясенный профессор Петербургского университета А. В. Никитенко¹².

Современные историки оперируют несколькими версиями объяснения «Флетчеровской истории», которые основаны на дневниковых записях О. М. Бодянского и на воспоминаниях Ф. И. Буслаева (1818–1897), профессора Московского университета, в свое время сопровождавшего семью графа Строганова в двухлетнем путешествии по Италии и Германии. По мнению Буслаева, которое полностью разделяет историк В. В. Ишутин, ОИДР и его секретарь Бодянский пострадали из-за графских распрей: попечитель Московского учебного округа и председатель ОИДР С. Г. Строганов «провалил» проект Устава университетов, предложенный министром просвещения С. С. Уваровым, а тот «флетчеровским делом» возвратил «графский должок».

Бодянский же ставил в эпицентр событий только себя, сообщая об интригах «Погодина, Шевырева, Снегирева, Перевощикова с клеветы», которые настроили Уварова в бытность его в Москве осенью 1848 г. против Бодянского, обратив внимание на публикацию «Записок» Флетчера в тот момент, когда в Европе бушевали революционные страсти.

Историк Л. Н. Алексахина возвела данное происшествие в ранг проявления политических репрессий, осуществляемых правительством по отношению к общественным и научным объединениям. Общество, по ее мнению, свернуло свою деятельность, почти прекратив издательскую работу и прервав связи со своими зарубежными членами. Профессор Московского университета Л. П. Лаптева полагает, что одними лишь личными взаимоотношениями флетчеровская история не исчерпывается, что в государстве, где вместо закона царит произвол самодержца, «графская свара свидетельствует о несправии русских периодических изданий и о тяжелой общественной ситуации, в которой развивалось русское славяноведение вплоть до 60-х годов XIX в.»¹³.

На наш взгляд, «Флетчеровская история» обнажила и личное соперничество, и амбиции, вылившиеся в неблагоприятные поступки как сильных мира сего, так и некоторых действительных членов ОИДР, не жаловавших своего председателя и секретаря. Погодин и Шевырев, действительно, умело использовали накаленную политическую атмосферу в Западной Европе и естественное стремление императора Николая I оградить Россию от ее влияния, и выставили печатание «Записок» английского посла как крайне вредное и опасное деяние. А сколь независимы и самостоятельны были средства массовой информации в конституционных странах – вопрос особый.

Строганов вышел в отставку. Бодянский не желал покидать Москву, ссылаясь на вредность климата для его здоровья повсюду, кроме Москвы, хотя ему было строго предписано занять кафедру в Казанском университете вместо магистра В. И. Григоровича (1815–1876). Однако попечитель Казанского учебного округа ходатайствовал об оставлении Григоровича при Казанском

университете. Хлопотал о том же и Григорович, который поспешил заверить Бодянского, что на его место не претендует и тотчас же вернется из Москвы в Казань, и обещание свое сдержал. Сам Бодянский писал к Уварову, чтобы его оставили в первопрестольной. Графу Строганову удалось выхлопотать прощение для Бодянского, который через год вновь возвратился в Московский университет на прежнее место профессора кафедры истории и литературы славянских наречий. А Флетчера издал в 1867 г. в Лондоне А. И. Герцен. Е. В. Барсов, секретарь ОИДР, свидетельствовал, что Общество в царствование Александра II неоднократно ходатайствовало об издании сочинения Флетчера, но безуспешно¹⁴.

Удар по ОИДР был столь неожидан, что его деятельность на некоторое время застыла. Только 27 ноября 1848 г. состоялось новое заседание Общества, на котором его председателем единодушно был избран А. Д. Чертков. За него отдали свои голоса даже преподаватели университета, хотя заседание проходило в присутствии попечителя Московского учебного округа и Московского университета Д. П. Голохвастова (1847–1849), и с большой долей вероятности можно было ожидать избрания председателем ОИДР именно его. Это обстоятельство с удивлением подчеркивал А. М. Кубарев, преподаватель римской словесности 1826–1839 гг. в Московском университете. Секретарем стал профессор русского права в Московском университете И. Д. Беляев¹⁵.

Члены Общества, несмотря на свои личные разногласия, постарались выказать поддержку Александру Дмитриевичу. Кубарев вопрошал Погодина: «Когда в Общество? Если секретарь уведомит через газеты, то извините меня, если не буду. Газеты не читаю. И так, уведомите билетом. Много, много нужно говорить, и твердо и решительно, и принять деятельные меры. Грех нам оставлять Александра Дмитриевича без всякого с нашей стороны содействия. Надо помочь ему в Геркулесовом труде очистить Авгеасово стойло»¹⁶. «Мне жаль Черткова, который принял президентство в такой запутанности дел, что хоть брось все», – писал Кубарев в Петербург, и он был прав.

В ОИДР пришел долговой реестр из типографии и на 1 января 1849 г. выявился огромный долг ОИДР в 7674 руб. 66 $\frac{3}{4}$ коп. На заседании 18 декабря 1848 г. Беляев довел до сведения Общества, что он не получил еще никаких дел и вещей по ОИДР от бывшего секретаря. Та же ситуация была и с делами по библиотеке ОИДР. Из Синодальной конторы пришло отношение с требованием вернуть 6 рукописей, которые взял Бодянский. Был составлен «комитет для приведения в ясность экономических дел» Общества. Было определено ежегодно уплачивать типографии по 700 руб. из государственной субсидии, что неминуемо сократило издательские возможности Общества.

Сложно было руководить Обществом, особенно в тот момент, когда оно скорее походило на расстроженный улей. Небезызвестно, что Общество объединяло очень разных людей, несходных по своим общественным и политическим воззрениям, но соединенных любовью к историческим изысканиям. Личные несогласия вскрывались, как правило, в моменты кризисные. Гроза, разразившаяся над Бодянским, не вызвала и капли сочувствия в некоторых его сочленах, например, в И. П. Сахарове. Он поначалу восхвалял кипучую деятельность Бодянского, но к 1848 г. был уже с ним в натянутых отношениях. Не любил Бодянского и Кубарев, но, несмотря на всю предвзятость, из его письма к Сахарову осязаемо предстает картина положения дел в ОИДР. 17 января 1849 г.: «Неистовый Бодянский привел в такое замешательство Общество своим глупым журналом, что Общество не знает, где найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгиево стойло. Но этого мало... От него требуют отчета – не дает... Требуют книг, которых он набрал несколько десятков на имя Общества в разных общественных местах, – отвечает: не дам. Требуют оригиналов для продолжения печатания многих начатых пиес (т. е. статей. – М. Ф.) – отвечает: возвратил по принадлежности... И после всего он ругается над Обществом и думает, что Общество должно его умоливать, чтобы он опять принял на себя продолжение издания трудов его...» Через полгода, 17 ноября 1849 г., мало что изменилось: «Не отвечает ничего. И дел не сдает. А секретарь без него не принимает»¹⁷.

На Черткова давили многие члены Общества, такие как Кубарев, чтобы он принял жесткие меры по отношению к Бодянскому, чего Чертков не просто избегал, но не допускал. Следует подчеркнуть, что Чертков обладал огромным жизненным опытом, он участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и, познав ярость боя, горечь потерь друзей и близких, тяжесть отступления и бивуачной жизни, научился бережно относиться к людям и ценить их. По роду своей деятельности в качестве уездного, а потом и губернского предводителя московского дворянства Черткову не раз доводилось улаживать семейные и общественные конфликты. Он всегда стремился погасить ссору, отыскивая приемлемые варианты для враждующих сторон. И в ОИДР, когда многие рвались «добить» Бодянского, Чертков упорно сдерживал ретивых.

Лишь постепенно деятельность ОИДР удалось наладить. Отступала со временем и обида графа Строганова и Бодянского. В марте 1850 г. почетный член ОИДР Строганов возвратил 4 ключа от шкафа, стоящего в зале заседаний Общества, и 3 ключа от столов с медалями, хранящимися в библиотеке Московского университета. Данные ключи были переданы Черткову на хранение¹⁸. В 1851 г. Строганов уведомил ОИДР, что он отправил по принадлежност-

ти разные рукописи, взятые им в бытность его председателем Общества, и что будет ставить в известность ОИДР по мере того, как он будет отсылать имеющиеся у него другие рукописи по минованию надобности в них¹⁹. Весною 1851 г. из Московской Синодальной типографской конторы поступила просьба о необходимости возвращения рукописи, содержащей «Житие Бориса и Глеба», которую все еще держал у себя Бодянский²⁰. В 1852 г. Строганов в своей Петербургской конторе продал 75 экземпляров «Чтений» и прислал в ОИДР полученные деньги, за что Общество выразило свою благодарность. В 1855 г. Бодянский прислал свою книгу «О времени происхождения славянских письмен».

Трудности в возобновлении работы ОИДР были сопряжены не только с громадным долгом типографии, с оскорбленным самолюбием бывшего секретаря, с хаосом в бумагах, но и с тем, что Общество лишилось драгоценного права собственной цензуры. Первая неудавшаяся попытка ее упразднения имела место в 1840 г.²¹. Теперь все издания Общества стали подвергаться «рассмотрению общей цензуры на основании существующих правил и был назначен сторонний цензор Московского цензурного комитета В. Флеров»²².

Был решен вопрос об издании нового журнала, названного «Временником ОИДР» и восстановлен редакционный комитет, избираемый для каждого тома «Временника», куда, как правило, входили Беляев, Погодин и Шевырев (для 6-й книги – Беляев, Погодин, Максимович, затем Соловьев, Хомяков).

Первая книжка нового издания не могла не приподнаться с выходом в свет. В начале 1849 г. члены ОИДР (Кубарев, Погодин и др.) разбирались с «наследством» Бодянского, запрашивая у типографии корректуры набранных статей: за них следовало платить, а кроме того «писью», начатые еще до цензуры, предстояло отправить для получения «одобрения и соизволения министра»²³. 3 мая 1849 г. было зачитано письмо, в котором бывший секретарь Бодянский потребовал вернуть ему уже отпечатанные материалы для «Чтений». За бумагу, печатание он собирался платить в три приема, покрыв все расходы к осеннему заседанию ОИДР. Члены ОИДР положительно решили вопрос и препроводили копию типографского реестра для оплаты Бодянскому. По требованию Бодянского также обещали пометать те статьи, что были им корректированы. Но в письме от 17 ноября 1849 г. Кубарев вновь возмущался: «И так все то, что было приготовлено в прежнее секретарство, лежит теперь под слудом и долго ли пролежит – Бог весть... Говорить и напоминать нельзя. Есть некоторые мелкие душонки, которые смотрят семо и овамо, и Анупис (по-вашему холуй) кричит, что де “лежачего не бьют”. Прошу убедить этого человека, что не должно же и того допускать, чтобы лежачий всем плевал в глаза»²⁴.

Приспосабливаясь к новым условиям, «Временник» приобрел историко-юридическое направление, публикуя юридические памятники, к которым цензорам было сложно придраться. По мнению современников, «Временник» выходил практически без препятствий²⁵.

Всего вышло в свет 25 книг «Временника». 28 марта 1849 г. «Временник» был представлен императору и наследнику²⁶. Об этом издании ОИДР лестно отзывались современники. Историк А. Н. Попов (1821–1877) писал: «Богатство заключающихся во «Временнике» исторических памятников нисколько не уступает «Чтениям»²⁷. Высокую оценку «Временника» дал Н. Г. Чернышевский, который также ничем его не отличал от «Чтений»: «...трудно и перечислить, сколько важных исследований по русской истории, сколько драгоценных материалов для нее напечатано в «Чтениях» и «Временнике». Повторяем, нет человека, занимающегося русской историей, который бы не чувствовал уважения и благодарности к Московскому Обществу истории и древностей»²⁸.

Прислушаемся к мнению историка И. Е. Забелина: «Случайное обстоятельство – перевод и издание Флетчера – прервало достославный ход «Чтений», но прервало уже не ослаблением и застоём деятельности, а только иным ее направлением. «Временник» прерывает почти на 10 лет «Чтения» весьма почтенным стремлением выяснить историю так называемого Московского государства и с этой целью предлагает в обширном размере архивный материал по преимуществу историко-юридического содержания»²⁹.

В 1848–1857 гг. заседания членов ОИДР созывались регулярно, по 6–7 раз в год, когда после легкого отдыха члены ОИДР собирались в Москве, но они переместились из маленькой комнаты Московского университета в гостеприимный дом Черткова. На заседаниях в уютной обстановке, может быть, величественного «готического зала» не только обсуждались организационные вопросы, но и выслушивалось по 2–3 доклада, научные сообщения, поэтому говорить, что деятельность Общества свернулась, абсолютно неверно.

В Общество по-прежнему присылали рукописи, книги, монеты, медали, древние вещи, с благодарностью принимаемые в ОИДР, сочинения сторонних авторов, которые также не оставляли без внимания. В ОИДР вступали новые члены, среди которых И. Е. Забелин, А. С. Клеванов, профессор Нижегородской семинарии иеромонах Макарий, профессор Московской духовной академии Смирнов, А. Н. Афанасьев.

В 1853 г. Общество активно стало готовиться к предстоящему празднованию 50-летия своего создания, когда 14 апреля 1804 г. ОИДР было принято под высочайшее покровительство Александра I. Но юбилей не состоялся из-за непредвиденных осложнений в Крымской войне. Члены ОИДР выразили свои патриотические настроения в тематических докладах и статьях. На страницах

«Временника» появилась серия публикаций материалов о победоносных русско-турецких войнах прошлого.

Необходимо сказать и о славянской проблематике в деятельности Общества за это время. Мятежный 1848 г. в империи Габсбургов отозвался в России запретом научных контактов русских ученых с зарубежными славянскими коллегами, о чем члены ОИДР подписывали специальное обязательство³⁰. После 1848 г. наступил вынужденный перерыв в научных командировках по западнославянским землям русских ученых, посылаемых по линии Министерства народного просвещения. Кроме того, по справедливому мнению В. А. Францева, общение ученых потеряло тот интенсивный характер, который наблюдался в 30–40-е гг. XIX в. в связи с тем, что русские ученые все меньше и меньше нуждались «в руководительстве и указаниях своих бывших учителей, а зачастую становились выше их в разработке отдельных вопросов». К тому же время выдвигало на сцену ученой и литературной жизни новых людей, с новыми взглядами, убеждениями и задачами. Погодин, посетивший Прагу в 1856 г., тонко уловил эти перемены: «Прага – совсем не то, что было за 20 лет: какое-то общее расслабление, не только что успокоение. Старики устарели и забились по углам... С молодежью связь у них как будто прервалась. Не приметно никакого стремления, не только восторга, как было прежде; а казалось бы, обстоятельства благоприятствуют национальному движению гораздо больше, чем тогда...»³¹

Связи ОИДР с зарубежными учеными-славистами резко сократились, но не прервались. В этом нас убеждают как архивные материалы, так и опубликованные протоколы заседаний Общества. Как следует из документов ОИДР, его издания, несмотря на запрет, продолжали высылаться иностранным членам ОИДР: в декабре 1848 г. годовой выпуск «Чтений» – П. Й. Шафарику, в марте 1849 г. – Шафарику и Д. И. Зубрицкому³². Отметим, что после смерти Николая I в 1855 г. славянские связи заметно оживились. В 1856 г. были отправлены 23 книги «Временника» чешскому ученому В. Ганке. Секретарь Беляев дипломатично оговаривал, что «до сего времени не находились средства к этому»³³.

В ОИДР поступили книги из Белграда в январе 1851 г., от Чешского национального музея в ноябре 1851 г., от В. Караджича в декабре 1849 г. и Д. И. Зубрицкого в 1853 г. Правда, книги и рукописи Зубрицкого на 9 месяцев были задержаны в цензурном комитете Московской таможни³⁴. Кроме того, сохранилась традиция избрания в ОИДР славянских деятелей науки и культуры. Почетным членом ОИДР избран чешский ученый К. Я. Эрбен (1856 г.)³⁵. Став попечителем Варшавского учебного округа, действительный член ОИДР П. А. Муханов стремился установить и укрепить контакты поль-

ских ученых с московским Обществом истории и древностей российских. В 1852 г. он предложил избрать в члены ОИДР четырех варшавских ученых: А. Пржездзецкого, барона Эд. Растовецкого, Фр. Собещанского и И. Поплонского, причем в подтверждение их ученых трудов доставлены были в ОИДР сочинения упомянутых историков. Однако Общество согласно своему уставу не могло иметь действительных членов «сверх комплекта», а вакансий не было, и поэтому польских ученых в уважении их трудов избрали в соревнователи Общества³⁶. В следующем году Муханов переслал в ОИДР книги В. Мацеёвского.

В то же время в начале 50-х гг. появляется новая форма сотрудничества ОИДР с зарубежными славистами: наряду с научными контактами с отдельными учеными постепенно утверждаются связи с зарубежными научными обществами и организациями. Так, в 1851 г. установились связи с Обществом югославянской истории в Загребе, Сербским научным обществом в Белграде, в 1856 г. с Верхнедужицким обществом наук в Гёрлице.

Славянская тематика не исчезла ни со страниц «Временника», ни из вопросов, обсуждаемых на заседаниях ОИДР. Причем тон славистическим занятиям членов ОИДР задавал сам председатель Общества, активно разработавший в это время гипотезу о прародине славян. Во «Временнике» были опубликованы пять его внушительных работ, в которых он доказывал славянское происхождение пелазго-фракийских племен: «О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю, и к нам на Русь». «Фракийские племена, жившие в Малой Азии» (1852), «Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию и оттуда переселившиеся в Ретию, Венделикию и далее на север до реки Майна» (1853), «О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древлесловенским» (1855), «Продолжение опыта пелазгийского словаря» (1857).

На заседаниях ОИДР выступали со своими исследованиями, посвященными истории, филологии славянских народов, такие ученые, как А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, М. П. Погодин, И. Д. Беляев, чьи работы увидели свет на страницах «Временника»³⁷. П. А. Бессонов опубликовал сборник болгарских песен, который в течение многих лет был основным источником изучения болгарского фольклора. В ОИДР в 1851, 1852 гг. передавал рукописи покойного Ю. И. Венелина его родственник, соревнователь Общества И. И. Мольнар, и они немедленно поступали на рассмотрение в редакционный комитет. С. Палаузов дарил свои труды Обществу и присылал статьи, которые читались в заседаниях и рекомендовались к печати. Увидела свет на страницах «Временника» его работа «Синодик болгарского царя Бориса» (Кн. 21). В действительные члены ОИДР был принят А. Ф. Гильфердинг, передавший

Обществу списанные в Венском архиве 10 латинских грамот, относящихся к истории сербов при доме Неманей, которые были рекомендованы к печати. Во «Временнике» помещено было исследование В. И. Григоровича «Южно-славянские памятники XV столетия». Украиноведение также не было забыто. В июне 1853 г. благодаря обращению Черткова к Блудову, который ходатайствовал перед Николаем I, ОИДР было разрешено издание уникального памятника – трех Литовских статутот 1529, 1566 и 1588 гг. Таким образом, «Временник» отразил интенсивный интерес русских ученых к прошлому славянских народов. Вместе с тем следует отметить, что в 50-е XIX в. в многообразном комплексе славистических исследований заметно усиливается внимание к истории южных славян.

30 ноября 1854 г. из отношения попечителя Московского учебного округа члены ОИДР узнали о Высочайшем Его Императорского Величества благоволении московскому Обществу истории и древностей российских «как отличившемуся наиболее в настоящее время своими полезными трудами». Председатель ОИДР Чертков стал ходатайствовать о награждении секретаря И. Д. Беляева, чья деятельность как редактора обеспечила Обществу такой успех (25 декабря 1854 г.)³⁸.

В начале 1857 г. неожиданное происшествие, а именно драка, возникшая между графом В. А. Бобринским и С. П. Шевыревым на заседании Совета Московского Художественного общества 14 января, изменило течение дел и в Обществе истории древностей российских. Черткову, в доме которого случилась столь шумевшая по Москве история, было рекомендовано подать в отставку, что он незамедлительно и сделал. Но следом Александр Дмитриевич написал прошение и в ОИДР, в котором просил сложить с него обязанности члена ОИДР в связи с отъездом за границу «для поправления своего здоровья»,

29 марта 1857 г. под председательством А. Ф. Вельтмана было созвано чрезвычайное заседание Общества, на которое съехалось 19 действительных членов ОИДР. Стараниями О. М. Бодянского президентом ОИДР опять был избран граф С. Г. Строганов. К нему была немедленно отправлена депутация: председательствующий Вельтман, Бодянский, Соловьев, Беляев, Ундольский. Граф принял это звание при условии, если Бодянский согласится снова стать секретарем ОИДР и соответственно редактором «Чтений»³⁹. Как и полагалось, Вельтман отослал протокол министру просвещения на утверждение. Но Бодянский не стал дожидаться ответа из Петербурга и через «Московские ведомости» уведомил об очередном заседании ОИДР. Вельтмана, как старшего из действительных членов ОИДР, не поставили даже в известность, что его, естественно, чрезвычайно возмутило, и он подал заявление о выходе из членов ОИДР⁴⁰. При переизбрании секретаря Погодин предложил наградить Беляева,

но оказалось, что Общество уже изъявляло ему свою признательность за труды по изданию «Временника» (8 июня 1857 г.). А Бодянского задевало, что 9 лет назад ему подобная признательность не была выражена. Впоследствии он изменил свое отношение к Беляеву, но в тот момент не мог переступить через свои вновь вспыхнувшие обиды. Так точно, тогда же Бодянского спросили, будет ли завершено начатое во «Временнике» печатание «Книги Пчела», сборника назидательных изречений, анекдотов, рассуждений, составленного в Византии в XI в. и переведенного в Киевской Руси не позднее XII–XIII вв., Осип Максимович жестко отвечал: «Но навязывать редактору (т. е. ему, Бодянскому. – М. Ф.) издание, которого оснований он не разделяет, это можно ли?»⁴¹

Таким образом, в период 1848–1857 гг. Общество, справившись с известными трудностями, успешно продолжало свою работу, несмотря на «темную восьмилетнюю ночь», которая многих повергла в бездействие. Славянская тема в ОИДР не исчезла, и во «Временнике» постоянно публиковались различные исследования по проблемам славяноведения. ОИДР переходило к новой форме сотрудничества с научным славянским миром: от контактов с отдельными зарубежными учеными к установлению отношений с научными обществами и организациями. Сложно поэтому согласиться с Л. П. Лаптевой, которая утверждает, что ущерб, нанесенный славистической науке перерывом в секретарстве Бодянского, был невосполним. Она вторит обиженному Бодянскому: «Общество на веки веков попятилось назад...». Но бывший секретарь сам тут же и объяснил причину сего, которая заключена не столько в перемене секретаря: «На место “Чтений” является “Временник”... В год не более 2-х книжек, если только и то удастся, потому что Общество подчинено уже общей цензуре»⁴². К тому же можно привести слова Лаптевой о том, что «славяноведение в России только зарождалось, проходило начальный этап своего становления и развития. Интересующихся славянством было крайне мало, буквально единицы, а специальных журналов не существовало вообще. Критика нередко отрицательно отзывалась о работах по славянским сюжетам, хотя, как правило, и сама плохо в них разбиралась. Не было такой атмосферы и научной среды, которая поддерживала бы стремление изучать славянство. Ситуация изменилась после реформ начала 60-х когда выросло новое поколение славистов – учеников Бодянского, Григоровича, Срезневского»⁴³.

«Ученая деятельность Общества в выборе предметов» всегда «зависела от произволения членов и потому всегда оставалась в руках случайности. Однако и случайные работы, доставляемые Обществу, в своей совокупности необходимо выражали направление и вкусы ученых занятий своего времени»⁴⁴, – говорил в своей речи, посвященной 80-летию ОИДР, его председатель замечательный историк И. Е. Забелин.

Примечания

- ¹ Русский исторический сборник. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 16.
- ² Барсуков Н. Русские палеологи 40-х годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. С. 534.
- ³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 8. С. 150; ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Картон 4. Д. 44. Л. 19. 1845 г.
- ⁴ Материалы для истории ОИДР. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н. Н. Мурзакевича к О. М. Болянскому (1838–1866) // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. С. 204.
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Картон 36. Д. 41. Л. 14 об.
- ⁶ ОР ГПБ. Ф. 850. Д. 444. Л. 143. 1844 г.
- ⁷ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1901. С. 42.
- ⁸ ЧОИДР. 1847. Кн. 3. С. II.
- ⁹ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 260.
- ¹⁰ Снегирев И. М. Дневник. М., 1904. Т. 1. С. 417, 418.
- ¹¹ Лебедев К. Н. Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1888. № 3. С. 483.
- ¹² Никитенко А. В. Дневник А. В. Никитенко. 1847–1849 гг. // Русская старина. 1890. Т. 65. № 2. С. 386–387.
- ¹³ Лаптева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 71–73; Ишутин В. В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 111–112.
- ¹⁴ Книжные редкости И. М. Остроглазова // Русский архив. 1892. № 2. С. 251.
- ¹⁵ ВОИДР. 1849. Кн. I. С. I.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Картон 17. Д. 50. Л. 13. 11 января 1849 г.
- ¹⁷ Барсуков Н. Русские палеологи... С. 544, 730.
- ¹⁸ ВОИДР. 1850. Кн. 9. С. II.
- ¹⁹ ВОИДР. 1855. Кн. 22. С. 2.
- ²⁰ ВОИДР. 1855. Кн. 21. С. 1.
- ²¹ РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 9.
- ²² ВОИДР. 1849. Кн. I. С. I.
- ²³ ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 17. Д. 50. Л. 17–18. 14 февр. 1849 г. А. М. Кубарев – М. П. Погодину.

- ²⁴ Барсуков Н. Русские палеологи... С. 730.
- ²⁵ Пичета В. К 100-летию Императорского Общества истории и древностей российских // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. 1904. Екатеринослав. Вып. 1. С. 49.
- ²⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 729.
- ²⁷ Лешков В. Н. Временник ОИДР Кн. 25. М., 1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 1. С. 54–55; Попов А. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Январь–март. М., 1858 // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1859. Вып. I. Стлб. 267.
- ²⁸ Чернышевский Н. Г. Временник ОИДР. Книги 16, 17, 18, 19. М., 1853–1854 // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 318–319.
- ²⁹ Забелин И. Е. 80-летие Императорского Общества истории и древностей российских // ЖМНП. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4. С. 7.
- ³⁰ Мурзакевич Н. Н. Записки. // Русская старина. 1889. Т. 61. № 2. С. 232.
- ³¹ Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. С. 384–385.
- ³² ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 169. Л. 88 об.; Кн. 170. Л. 3 об.
- ³³ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава. 1905. С. 168.
- ³⁴ ВОИДР. 1852. Кн. 14. С. I; 1855. Кн. 23. С. IV; 1850. Кн. 8. С. II; 1857. Кн. 25. С. XII, L; ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 2. Д. 59. Л. 28.
- ³⁵ ВОИДР. 1857. Кн. 25. С. XXI.
- ³⁶ ВОИДР. 1856. Кн. 24. С. IV. 27 сентября 1852 г.
- ³⁷ ВОИДР. 1850. Кн. 9. С. II; 1851. Кн. 14. С. I; 1857. Кн. 25. С. XXIX, LI, LXXI.
- ³⁸ ВОИДР. 1857. Кн. 25. С. XXIX, ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 91.
- ³⁹ Бодянский О. М. Дневник Бодянского О. М. Опубл. М. Г. Попруженко // Исторический вестник. 1913. № 8. С. 426.
- ⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 47. Раздел II. Папка 7. Д. 1. Л. 1.
- ⁴¹ ЧОИДР. 1858. Кн. 1. С. 147. 18 декабря 1857 г.; Кн. 4. С. 160.
- ⁴² Лантева Л. П. Славяноведение в Московском университете. С. 73–74.
- ⁴³ Лантева Л. П. Павел Йозеф Шафарик и русское славяноведение первой половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 1. С. 10–21.
- ⁴⁴ Забелин И. Е. 80-летие Императорского ОИДР... С. 5.

М. Ю. Досталь

О фрагменте курса О. М. Бодянского «История сербов в XIX-м столетии»

Предлагаем вниманию читателей фрагмент курса О. М. Бодянского по истории сербов в XIX в., рукопись которого хранится в Отделе рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Он касается общей структуры славистических чтений московского профессора. Краткий анализ основного содержания этого довольно обширного курса, посвященного освободительной борьбе сербов начала XIX в., дается в данном сборнике в статье П. Н. Рудякова.

Фрагмент интересен, прежде всего, тем, что содержит общий план чтений ученого после годичного перерыва, связанного с отстранением О. М. Бодянского от преподавания в Московском университете по т. н. «делу Д. Флетчера». (Подробнее см. статью М. М. Фроловой в настоящем сборнике). 21 декабря 1849 г. он был возвращен на место профессора университета и уже 27 января 1850 г., по окончании зимней сессии, возобновил свои чтения.

Как известно, О. М. Бодянский был отправлен в длительную командировку в славянские земли (1837–1842) для приготовления к профессорскому званию для занятия кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, учрежденной по новому университетскому уставу 1835 г. До него эту кафедру занимал его учитель, профессор М. Т. Каченовский, скончавшийся летом 1842 г. Вернувшись из путешествия, О. М. Бодянский начал свои славистические чтения 24 сентября 1842 г. с публичной лекции «О судьбе народов», в которой изложил свое видение предмета славяноведения и роли славянства в современном мире¹.

Из исследований Л. П. Лаптевой следует, что общей программы славистических чтений в Московском университете еще не сложилось и Бодянский начал преподавание по собственному разумению с учетом опыта, приобретенного в путешествии и консультаций ведущих европейских славистов. Л. П. Лаптева дала наиболее полную картину преподавания Бодянским славяноведения в Московском университете: «Он считал, что преподавать славянские наречия следует, разделив их на “главные” и “второстепенные”, а кроме того изучать

славянские древности, славянское народописание, а также историю литературы славянских народов, которую он рассматривал в десяти разделах. Преподавалась и “сравнительная грамматика наречий славянских народов с прочими главными языками индоевропейской семьи”. Кроме того, каждый студент занимался переводом со славянских языков произведений соответствующих авторов. С годами программа менялась, но в целом Бодянский преподавал, прежде всего, историко-литературную область древней письменности. Постепенно он стал уделять больше внимания истории славян, которая была для него неким фоном для освещения письменности, литературы и древностей»².

К сожалению, обширные лекционные курсы Бодянского, хранящиеся в архивах, не были опубликованы, а планируемый учебник славянских наречий ему издать не удалось.

Из переписки О. М. Бодянского известно также, что первоначально он стремился представить немногочисленным слушателям каждый славянский народ в отдельности в языковом, этнографическом, историческом и историко-литературном отношении. Так, В. Ганке он писал в 1843 г.: «Цель моя – каждый год преподавать один из главных славянских языков и несколько самоближайших ему второстепенных, чтобы таким образом доставить слушателям нечто целое в своем роде, присоединяя к язычному изучению, также историческое, т. е. деписание народа и его письменности. Четыре–пять лет составляют полный курс славяноведения по упомянутому способу, который завершится сравнительной грамматикой всех славянских наречий»³. В 1840-е годы наиболее последовательно такое построение было сделано для изложения славистических циклов о чехах и словаках и отчасти болгар.

После перерыва 1848 г. он начал осуществлять этот план по отношению к южным славянам, который и изложил в качестве вступления к курсу по истории Сербии XIX в. Итак, в начале 1850 г. главный акцент им делался на «наречие сербское». Бодянский объявил слушателям, что современный сербский язык будет изучаться на основе издания «Народных сербских песен» (1841–1846. 3 т.) ведущего сербского ученого В. С. Караджича, особенно 2 и 3 томов. В изучении древнего языка югославян Бодянский предполагал опираться на «Винодольский закон», южнославянский глаголический памятник XIII в. Впервые он был опубликован сторонником иллиризма И. Мажураничем в Загребе и издан Бодянским в «Чтениях ОИДР» в 1846 г.

Второкурсникам Бодянский предполагал изучать этнографию южных славян по «Славянской этнографии» корифея тогдашней славистики П. Й. Шафарика, изданной в Праге в 1842 г. и в переводе Бодянского в Москве в 1843 г.

Студентам 3 и 4 курсов предлагалось изучение югославянской археологии по «Славянским древностям» П. Й. Шафарика, также переведенных Бодянским на русский язык в 1837 и 1848 гг. Последнее показывает, что ученый своими переводами и изданиями источников в «Чтениях ОИДР» сознательно создавал базу учебных пособий для преподавания предмета славяноведения.

Итак, из предложенной программы чтений студенты могли получить достаточно обширные сведения о древней истории, этнографических особенностях разных югославянских народов, о древнем и современном сербском языке. Но в данном плане чтений, к сожалению, отсутствовал курс по истории литературы южных славян, которая излагалась ранее касательно чехов и словаков. В дальнейшем этот пробел был восполнен. Бодянский также делал попытки такого же комплексного представления польского и др. славянских народов⁴.

К сожалению, приводимый фрагмент прерывается на намерении автора ответить на чрезвычайно важный для романтической историографии XIX в. вопрос о том, «какое место занимают славяне в ряду прочих народов вообще», который он, впрочем, подробно осветил в своей вступительной лекции 24 сентября 1842 г.⁵, представив славян как восходящий европейский народ («племя») XIX в.

Полагаем, что публикуемый фрагмент лекции О. М. Бодянского вносит свою лепту в общую картину построения лекционных курсов ученого в Московском университете, в определение их структуры и понимания предмета славяноведения, а также относительно учебных пособий, предлагаемых профессором своим студентам.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005. Очерки 2–6.

² *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 137–138.

³ Цит. по: *Кондрашов Н. А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 32.

⁴ Подробнее см.: *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 52–53.

⁵ *Досталь М. Ю.* Становление славистики в Московском университете... Очерк 6.

О. М. Бодянский.
История сербов в XIX-м столетии.
Фрагмент курса 1850 г.

27-го генв[аря], 1850 г.,
пятница.

М[илостивые] Г[осударии]!

Вступая снова в среду Вашу, мне нечего знакомиться с Вами, а Вам со мною. Мы старые знакомые, понимающие друг друга, и потому, как такие, не тратя нисколько времени во много глаголении, скажем лишь себе, вместо всякого предисловия, словами нашего народа: «Быть по старому, как поставлено!» А что между тем было, – «были и бывшем поросло», прямо обратимся к своему предмету.

Призванный опять беседовать с Вами о предмете, на который употребил лучшие дни моей жизни, я, прежде, нежели приступлю к изучению его с Вами на сем месте, считаю необходимым сказать Вам о том пути, которому намерен следовать в этом случае.

Начиная чтения мои в половине учебного года, я, стесненный короткостью времени, по необходимости должен ограничиться одним лишь возможным; а потому, оставляя в стороне полный план моего преподавания до начала нового университетского, которому намереваю следовать во все продолжение академического круга учения, предложу теперь Вашему вниманию чертеш моих чтений на одно лишь это полугодие.

Так как изучение славянских наречий составляет ключ к приобретению сведений по кафедре славянской филологии, то отсюда преподавание их необходимо во все продолжение университетского курса, распределяя оное по годам. Это составит предмет *общий* для Вас. По сему на нынешнее полугодие мы возьмем себе одно только *наречие сербское*, раз в неделю, по понедельникам 1-ый час, и станем изучать его по «*Народным сербским песням*», изданным известным сербским писателем и знатоком в народной поэзии своего народа, В. С. Караджичем¹, в Вене 1841–1846, в 3-х книгах, из коих достаточно для нас будет 2 и 3-ей. Если время позволит, то после знакомства с языком нынешних сербов, приступим также к чтению и изъяснению «*Винодельского закона*»², памятника конца XIII-го в[ека], обнаруженного в Загребе М[а]жу-раничем³, а мною в Москве, в «Чтениях в общ[естве] ист[ории] и древн[остей]

росс[ийских]» при Моск[овском] унив[ерситете], 1846-го года, № IV-й, и отдельно, и, таким образом, будем иметь случай заметить разницу одного и того же языка, и притом народного (потому что последний памятник был составлен на Вече в Приморье Хорватском, с решений народных старшин, нарочно для того созданных) в промежутке 5-ти веков.

Далее, преподавание для нынешнего полугодия, распадается на *две части*: для студентов 2-го и 3-го, и 4-го года. Каждое из них составляет особое целое.

Итак, курс 2-го года:

Подобно наречиям, должны составлять приурочительное преподавание и сведения о народах, говорящих этими наречиями, т[о] е[сть], о славянах в этнографическом и т[ому] п[одобное] отношениях, иначе *славянская этнография* (или народописание, народопись, народоведение), которое будет преподаваемо *два раза* в неделю, по средам и пятницам 1-ый час для студентов 2-го года; после же, с следующего года, это будут слушать студенты 1-го года.

Главное *пособие*: Шафарика⁴ «Slovanský Národopis». Praha. 1842, перев[едено] на русский мною «Славянское народописание», Моск[ва], 1843. С картою.

Курс 3-го и 4-го года

В теперешнее полугодие студенты 3-го и 4-го года будут слушать «*Славянскую археологию*» (или Славянские древности) по *три* часа в неделю: по понедельникам час 2-ой, средам и пятницам 12-ый.

Таким образом, выслушав эти предметы, мы познакомимся с славянами в двух разных эпохах их жизни, с славянами *нынешними* и с славянами *древними*, каковы они *теперь*, в наше время, и каковы они были *прежде*, в самую глубокую древность, доступную человеческому ведению. Сравнение, отсюда выведенное, может навеять думы на каждого, не бесполезные для науки.

Предвижу возражение словами французской поговорки: «Comparaison n'est pas raison»⁵. Правда, но на чужой ум ответу умом своего народа: «не всюду съ вѣрю индѣ и съ мѣрю»; а лучшая мера в подобных случаях – противоположение, представление двух оконечностей, жизни народа двух противоположных полюсов.

Но, прежде чем приступим к тому, взглянем на славян в их нераздельной еще совокупности, как на одно общее целое, уставим для себя точку зрения, с которой бы можно было окинуть их одним взглядом и в дальнейших исследованиях своих о них всякий раз обращаться к ней для проверки их, разумею вопрос: *какое место занимают славяне в ряду прочих народов вообще?* (См[отри] л[ист] 2-й и след[ующий])⁶.

Примечания

¹ Караджич В. С. (1787–1864), сербский филолог и культурный деятель, реформатор сербского литературного языка и графики.

² Винодольский закон, сборник правовых норм, составленный в 1288 г. на территории Винодола в Хорватском Приморье, памятник славянской глаголической письменности.

³ Мажуранич И. (1814–1890), хорватский поэт, политический и общественный деятель, сподвижник Л. Гая.

⁴ Шафарик П. Й. (1795–1861), славист широкого профиля, деятель чешского и словацкого национального возрождения.

⁵ *Comparaison n'est pas raison* – сравнение не есть доказательство (франц. пословица).

⁶ Далее текст лекции обрывается.

Оглавление

Предисловие	3
<i>Лаптева Л. П. (МГУ)</i>	
Значение О. М. Бодянского в развитии русского славяноведения. К 200-летию со дня рождения ученого	5
<i>Досталь М. Ю. (ИСл РАН)</i>	
О. М. Бодянский и первые университетские слависты: проблемы методологии романтизма	19
<i>Венедиктов Г. К. (ИСл РАН), Гудков В. П. (МГУ)</i>	
О нереализованных планах О. М. Бодянского	28
<i>Воробьева И. Г. (Твер. ГУ)</i>	
Первая биография О. М. Бодянского	41
<i>Хохлова О. Н. (Твер. ГУ)</i>	
О. М. Бодянский и А. А. Майков: к вопросу о взаимоотношениях в университетской среде	48
<i>Макарова Е. А. (Твер. ГУ)</i>	
Письма П. А. Лавровского к О. М. Бодянскому: источниковедческий аспект	56
<i>Юрченкова Л. В. (ИНИОН)</i>	
О. М. Бодянский и ученики: А. А. Кочубинский	68
<i>Саприкина О. В. (РГГУ)</i>	
Теоретические воззрения О. М. Бодянского и В. И. Ламанского на славянство: общее и особенное	79
<i>Алексашкина Л. Н. (ИСМО РАО)</i>	
Научная переписка О. М. Бодянского со славянским миром	99
<i>Рокина Г. В. (Марийский ГУ, Йошкар-Ола)</i>	
О. М. Бодянский и словаки	107

<i>Ганус С. А., Мазурок О. С. (Ужгород ГУ, Украина)</i>	
О. М. Бодянский, Д. И. Зубрицкий и их переписка в кругу идей и людей своего времени.....	120
<i>Рудяков П. Н. (КНУ, Украина)</i>	
О. Бодянский – исследователь и популяризатор истории и культуры иллирийских славян.....	146
<i>Аржакова Л. М. (СПбГУ)</i>	
О. М. Бодянский и польская проблематика.....	158
<i>Бондаренко Н. А. (ГИРЯ)</i>	
О. М. Бодянский и И. И. Срезневский об изучении фольклора Малороссии.....	166
<i>Мельниченко М. О. (СПбУ)</i>	
Первые шаги О. М. Бодянского по созданию Славянской библиотеки.....	173
<i>Аристова Л. Ю. (НБ МГУ)</i>	
Фрагмент книжного собрания О. М. Бодянского в РГБ.....	180
<i>Пашаева Н. М. (ГПИБ)</i>	
О Славянской библиотеке О. М. Бодянского в ГПИБ.....	210
<i>Фролова М. М. (ИСл РАН)</i>	
О. М. Бодянский и имп. ОИДР (1842–1857).....	217
Приложение	
<i>Досталь М. Ю.</i>	
О фрагменте курса О. М. Бодянского «История сербов в XIX-м столетии».....	232
<i>Бодянский О. М.</i>	
История сербов в XIX-м столетии. Фрагмент курса 1850 г.....	235
Оглавление.....	238

Научное издание

О. М. БОДЯНСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

(К 200-летию со дня рождения ученого)

Сборник статей

Ответственный редактор:
К. В. Никифоров

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 27.10.2009. Печ. л. 15,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

ООО «Пробел-2000»
121069, Москва, Поварская ул., 36.

